Вестник Московского университета

Moscow State University Bulletin

Filologia_5_14.indd 1 14.02.2015 23:36:35

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER **FIVE**

SEPTEMBER – OCTOBER

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press

2014

Filologia_5_14.indd 2 14.02.2015 23:36:40

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9
ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета
2014

Filologia_5_14.indd 3 14.02.2015 23:36:40

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л. РЕМНЁВА, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – **главный редактор**
О.А. СМИРНИЦКАЯ, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – **зам. главного редактора по лингвистике**
Е.В. КЛОБУКОВ, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка – **отв. секретарь по лингвистике**
Н.А. СОЛОВЬЕВА, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы – **отв. секретарь по литературоведению**
Е.Г. ДОМОГАЦКАЯ, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности – **оргсекретарь**

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Т.Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности
М.В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов
И.М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Т.А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания
С.И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык ***М.М. Филипповой***

Редактор ***И.В. Краснослободцева***

Корректор ***И.В. Луканина***

Технический редактор ***З.С. Кондрашова***

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: *125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.* *Тел. 697-31-28.*

119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет

Подписано в печать 10.02.2015. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офс. № 1.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,0.
Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 552 экз. (1-й завод). Изд. № 10 068. Заказ № 0166-15.

Издательство Московского университета. 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Типография МГУ.
119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-летию М.Ю. Лермонтова

Кормилов С.И. Роман о преходящем и вечном. Социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени». Статья первая 7
Бодрова А.С., Вдовин А.В. Лермонтов в советской школе (1953–1991): канон, идеология, педагогика 33
Поташова К.А. «Ангел Рафаэля» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Лермонтова (к вопросу о возможном источнике рисунка «Младенец, тянущийся к Матери») 54
Хоронов С.В. «Штосс в жизнь» Б. Пильняка в контексте советской беллетристики о Лермонтове, вышедшей в 1928 г. 63
Тахо-Годи Е.А. Л.П. Семенов – исследователь творчества М.Ю. Лермонтова . 78

Статьи

Лунд К.-Х., *Иванова О.В.* (Дания) Под знаком севера: языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в конце XVI в. 87
Волков А.А. Создание письменно-литературного старославянского языка как творческий акт 110
Князев С.В., Грамматчикова Е.В. Русские заударные гласные в предударной позиции внутри синтагмы. 122
Никитина Е.Н. О винительном падеже при глаголе ***ждать*** 135
Чавчанидзе Д.Л. Комментарии Пушкина к западноевропейской литературе его времени. 145

Материалы и сообщения

Соколова Е.Г. Метод дискурсивных контекстов на фоне других методов описания семантики глагола (глаголы ***угодить, заключить, засунуть***) 155
Зверев А.С. Пунктуационные заключительные частицы в японском языке 170
Волкова А.Г. Поэтика христианских проповедей IV–V вв. с драматическим элементом: рождественская гомилия Афанасия Александрийского 183
Терешкина Д.Б. Минейный код в ораторской прозе Феофана Прокоповича. . . 193
Герасимова К.А. К вопросу о сферах бытования стихотворения Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» в России во второй половине XIX века 203
Муштанова О.Ю. Средневековый рыцарский роман: особенности трансформации жанра в романе Умберто Эко «Баудолино» 208

Критика и библиография

Мальцева О.А., Павлова Л.В., Романова И.В. Б а е в с к и й В. С. Остранение: К поэтике Бориса Пастернака. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013 220

Научная жизнь

Боронникова Н.В. VI Русско-Македонская научная конференция (Пермь, сентябрь 2014) 224

Памяти…

Анатолий Анатольевич Поликарпов (01.03.1944 – 05.09. 2014) 226
Александр Андреевич Смирнов (07.05.1941 – 13.10.2014) 231
Ольга Александровна Ржанникова (17.11.1955–14.10.2014) 233
Сандро Васильевич Кодзасов (14.07.1938–25.10.2014) 236

Filologia_5_14.indd 5 14.02.2015 23:36:40

CONTENTS

Towards M.Yu. Lermontov's Bicentennial

Kormilov S.I. A Novel about the Transient and the Eternal: Of Social History and General Humanity in 'A Hero of Our Time'. Article 1 7
Bodrova A.S., Vdovin A.V. Lermontov in the Soviet School (1953–1991): The Canon, Ideology, Pedagogy 33
Potashova K.A. 'Raphael's Angel' in Lermontov's Life and Work (towards the question of the possible prototype for the drawing "The Baby Reaching for His Mother") 54
Khoronov S.V. B. Pilnyak's "Stoss into Life" within the Context of Soviet Works of Belles-Lettres on Lermontov Published in 1928 63
Takho-Godi E.A. L.P. Semyonov as a Researcher of M.Yu. Lermontov's Works . . . 78

Articles

Lund K.-C., Ivanova O.V. (Denmark). Under the Sign of the North: Linguistic Aspects of Danish Diplomatic Relations with Russia at the End of the XVI Century. 87
Volkov A.A. Old Church Slavonic as a Singular Creative Act 110
Knyazev S.V., Grammatchikova E.V. Russian Post-Stress Vowels in a Pre-Stress Position within a Syntagm 122
Nikitina E.N. On the Accusative with the Verb *ждать* 135
Chavchanidze D.L. Pushkin's Comments on the West European Literature of His Time 145

Communications and Materials

Sokolova E.G. The Method of Discursive Contexts against the Background of Other Methods of Describing Verb Semantics (the verbs *угодить*, *заключить*, *засунуть*) 155
Zverev A.S. Punctuational Sentence-Final Particles in Japanese 170
Volkova A.G. Poetics of the IV–V Century Christian Homilies with a Dramatic Element: Athanasius of Alexandria's Christmas Homily 183
Tereshkina D.B. The Mineiny Code in Theophan Prokopovich's Oratorical Prose. . 193
Gerasimova K.A. Towards the Issue of the Spheres in Which N.A. Nekrasov's Poem "Reflections at the Grand Entrance" was Living in the Second Half of the XIX Century 203
Mushtanova O.Yu. The Medieval Chivalric Romance: Peculiarities of the Transformation the Genre Underwent in Umberto Eco's Novel 'Baudolino'. . . 208

Critique and Bibliography

Mal'tseva O.A., Pavlova L.V., Romanova I.V. Bayevsky V.S. Defamiliarization: Towards Boris Pasternak's Poetics. Smolensk: Smolensk State University Press, 2013 220

Scholarly Life

Boronnikova N.V. The VI Russian-Macedonian Scholars' Conference (Perm, September 2014) 224

In Memory of...

Anatoly Anatolievich Polikarpov (01.03.1944–05.09.2014) 226
Alexandr Andreyevich Smirnov (07.05.1941–13.10.2014). 231
Olga Alexandrovna Rzhannikova (17.11.1955–14.10.2014). 233
Sandro Vassilievich Kodzasov (14.07.1938–25.10.2014) 236

Filologia_5_14.indd 6 14.02.2015 23:36:40

К 200-летию М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

С.И. Кормилов

РОМАН О ПРЕХОДЯЩЕМ И ВЕЧНОМ

Социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени»

Статья первая

В первом русском социально-философском романе не ставятся конкретные общественно-исторические, а тем более политические проблемы (герой романа Печорин совершенно ими не интересуется), но убедительно показан нравственный упадок российского дворянского общества в 1830-е годы как следствие утраты им высоких идеалов, «прозаизации» жизни. Вместе с тем причина страданий и ранней смерти Печорина – противоречие между его деятельной натурой и иллюзорной жизнью, «мечтой», которой он с юных лет подменил жизнь настоящую. В работе рассматриваются общечеловеческие проблемы счастья, взаимопонимания между людьми, активной жизненной позиции человека, свободы воли, сопротивления судьбе и другие в художественном воплощении Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, Печорин, общество, поведение дворян, жизнь, счастье, борьба, судьба.

In the first Russian social-philosophical novel neither particular social-historical, nor even political problems are discussed (the main character Pechorin is not interested in them at all), but the author clearly stresses moral decline of the Russian noble society in the 1830s as a result of their losing high ideals, the ‘down-to-earth approach’ of their lives. At the same time the reason why Pechorin is suffering and dies early, is the conflict between his active character and the illusory life, a ‘dream’, which he had been substituting for his real life ever since he was young. In the work the universal problems of happiness, mutual understanding, an active position in life, free will, resisting the fate etc. in Lermontov’s literary work are discussed.

Key words: Lermontov, Pechorin, society, behavior of the nobility, life, happiness, struggle, fate.

«Время», или в начальном варианте «век», – одно из двух ключевых слов в заглавии первого русского социально-психологического и философского романа в прозе. Ясно, что это именно «наше» для Лермонтова и не наше, тогдашнее время для других времен, что это не время даже, а безвременье, что речь идет об определенном социально-историческом состоянии. Но не менее очевидно, что это произведение отнюдь не «нравоописательное» по своему основному

Filologia_5_14.indd 7 14.02.2015 23:36:40

содержанию. В.В. Набоков, по сути повторяя раннюю критику романа как якобы подражательного и перечисляя европейских предшественников Лермонтова, заявлял: «Соотнесенность Печорина с конкретным временем и конкретным местом придает, конечно, своеобразие плоду, взращенному на другой почве, однако сомнительно, чтобы рассуждения о притеснении свободомыслия со стороны тиранического режима Николая I (1825–1855) помогли нам его распробовать». В соответствии с собственным пониманием природы словесного искусства Набоков заключал: «<…> сколь бы огромный, подчас даже патологический интерес ни представляло это произведение для социолога, для историка литературы проблема «времени» куда менее важна, чем проблема “героя”»[1].

Действительно, в «Герое нашего времени» много идей, но нет общественных «вопросов» в том смысле, какой придавали этому слову шестидесятники. Чернышевский имел все основания сказать о Печорине: «Никакие общие вопросы его не занимают»[2]. Тогда, да и позднее при восприятии романа позиции автора и героя далеко не всегда четко дифференцировались, и потому «казалось, автор преднамеренно избегает социального аспекта, не касается специально внешних обстоятельств, общественной среды»[3].

Однако ирония Набокова насчет притеснения свободомыслия неубедительна именно потому, что Печорин вовсе не политический вольнодумец и даже не «опаснейший чудак» вроде Онегина, заменившего барщину легким оброком. Он пренебрежительно отзывается о «наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права», впрочем, констатируя с презрением и неспособность своего поколения «к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастия <...>»[4]. И уж совсем не занимают ни его, ни автора романа люди социально униженные, угнетенные, тем более эксплуатируемые. В таком прямом социологическом смысле самое зрелое создание Лермонтова – шаг назад от неоконченной «Княгини Лиговской» и особенно от полудетского романа о демоническом горбуне Вадиме, примкнувшем к пугачевцам.

В «Герое нашего времени» совершенно нет крепостных. Напыщенный лакей Печорина, чье звание определяется легко и сразу, –

---

[1] *Набоков Владимир*. Предисловие к «Герою нашего времени» // Набоков Владимир. Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / Пер. с англ. М., 1996. С. 433.

[2] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. IV. М., 1948. С. 699.

[3] *Григорьян К.Н.* Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». Л., 1975. С. 191.

[4] *Лермонтов М.* Полн. собр. соч.: <В 4 т.> Т. 4. М., 1953. С. 288–289. Далее том и страницы этого издания указываются в тексте в круглых скобках. В нем орфография и пунктуация ближе к лермонтовским, чем в позднейших собраниях сочинений.

Filologia_5_14.indd 8 14.02.2015 23:36:40

очевидно, вольнонаемный. Печорин сообщает: «<...> у меня есть лакеи и деньги!», – лишь когда рассуждает о ненужности дружбы, поскольку «из двух друзей всегда один раб другого» (4, 227). Рядом с ним немыслим дядька вроде Савельича или обломовского Захара, который бы связывал барина с патриархальным поместным миром[5]. Прислуга другого дома упоминается в «Княжне Мери» по случаю того, что вся она пошла на представление фокусника и оставила Веру и Мери одних в доме. В «Бэле» извозчик, ярославский мужик, важен для автора как этакий нерефлектирующий фаталист («И, барин! Бог даст, не хуже их доедем <...>» – 4, 189).

Солдаты и казаки даны мельком и не вызывают никаких симпатий: ни «гренадер», неудачно стрелявший по приказу Максима Максимыча в Казбича и надеющийся все-таки получить обещанный рубль серебром с помощью примитивной лести («ваше высокоблагородие» – обращение к штабс-капитану, словно к офицеру восьмого – шестого классов, начиная с майора) и столь же примитивной хитрости («умирать отправился» – 4, 193, 194), ни казак-денщик в «Тамани», проспавший на посту печоринское имущество, ни, разумеется, пьяный казак-убийца в «Фаталисте», ни его преследователи, товарищи по службе.

«Честные контрабандисты», бросающие на произвол судьбы старуху и слепого мальчика, – не только суровый борец со стихией Янко, отделывающийся от слепого двумя или несколькими монетами, но и юная девушка, которая чуть было не совершила убийство человека только лишь по подозрению в желании донести, – тоже явно не «положительные» демократические персонажи. Хотя в картинах жизни Кавказа Белинский справедливо усматривал «самое поэтическое и при этом самое верное изображение сей поэтической стороны, так ложно представленной в фразистых описаниях Марлинского», хотя Лермонтов здесь показал, собственно, впервые «повседневную жизнь обитателей Кавказа <…>, олицетворенную в типических характерах»[6], в этом тоже нет собственно социальной проблематики. Об «азиатах» рассказывает Максим Максимыч, для которого они прежде всего «ужасные бестии» (4, 172), да и тот дает сколько-нибудь развернутую характеристику лишь разбойнику Казбичу и

[5] Вообще «подлинные романтики, такие как В.Ф. Одоевский или Лермонтов, не были певцами дворянских гнезд» (*Щукин Василий*. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 322).

[6] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IV. М., 1954. С. 174. Горцы отнюдь не идеализированы. «Разве, в самом деле, Бэла, Азамат, Казбич – “простые” “дети природы”, а не люди своего времени, пораженные, как и Печорин, его общими “пороками”?» (*Недзвецкий В.А.* «Герой нашего времени»: становление жанра и смысла // Недзвецкий В.А. От Пушкина к Чехову. М., 1997. С. 41).

Filologia_5_14.indd 9 14.02.2015 23:36:40

«княжеским» детям Азамату и Бэле[7]. Национальные особенности при этом берутся весьма обобщенно, это чаще особенности больших этнических групп; для Лермонтова и его современников «татары» нередко – все мусульмане, «черкесы» – чуть ли не все горцы, а осетины, самый бедный в то время кавказский народ[8], аттестуются Максимом Максимычем с совсем другой стороны: «Уж татары по мне лучше, те хоть непьющие...» (4, 174).

В «Герое нашего времени» не вспоминается ни одно историческое событие: ни война 1812 г., ни что-либо относящееся к декабристам (в «Княжне Мери» есть глухой намек на разжалованных с пылким сердцем, но скорее имеются в виду не декабристы[9], а молодежь, интересная дамам, – сосланные революционеры уже не очень подходили под эту категорию). Абсолютно никто не говорит о политике, ни словом не упоминаются правительство и его действия, министры или современные генералы, скажем, кавказский наместник. Нет никаких рассуждений о причинах и характере Кавказской войны, она просто «дана» как факт[10], к тому же почти посторонний: ни одно сражение не изображено, только упоминаются «дела», в которых участвовали Печорин и Грушницкий (в «Княжне Мери») и Вулич (в «Фаталисте»), мельком показаны грустные раненые офицеры на водах да сообщается, что доктор Вернер однажды плакал над умирающим солдатом. На крепость, где комендантствует Максим Максимыч, никто не нападает, а в Кисловодске легенду о нападении черкесов порождает приключение Печорина. Конечно, война налагает отпечаток на психологию. Мери приняла Печорина в черкеске за настоящего черкеса, Вернер, мрачно шутя, квалифицирует замысел секундантов Грушницкого зарядить пулей только его пистолет как хитрость, позволительную в азиатской войне. Но этого очень немного. В романе частая гостья смерть, почти исключительно насильственная, но все это совершенно безотносительно к войне.

---

[7] По мнению Набокова, «Бэла – восточная красавица с коробки рахат-лукума» (*Набоков Владимир*. Предисловие к «Герою нашего времени». С. 435). Но в кавказских поэмах того же Лермонтова еще не было никаких «джанечек», были сугубо романтические существа.

[8] См.: *Мануйлов В.А.* Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. М.; Л., 1966. С. 71–73, 81, 88, 91–92.

[9] Там же. С. 164.

[10] Эта «война длилась долго, так долго, что к ней успели привыкнуть, и потому уже считалась как бы и естественной принадлежностью края, и чем-то вроде “практической школы военного искусства”. И те, кого происходящее лично не касалось, и в самом деле редко задавались вопросом, ради чего же ведется кавказская кампания. Тем более, что официальные сообщения были парадны, а самый читаемый беллетрист, Бестужев-Марлинский, описывал Кавказ как “обетованную страну для всех пылких сердец, для всех непонятых и демонических натур”» (*Марченко А.М.* Печорин: знакомый и незнакомый // «Столетья не сотрут…» Русские классики и их читатели. М., 1989. С. 186).

Filologia_5_14.indd 10 14.02.2015 23:36:41

Собственно, офицер Печорин даже и не служит[11]. Если Онегин, не имеющий никакого чина, аттестуется Ю.М. Лотманом как белая ворона в своем кругу[12], то Печорина его низший классный чин почти ни к чему не обязывает. Только в «Тамани» он путешествует с подорожной по казенной надобности. В «Бэле» этот прапорщик с благословения Максима Максимыча держит себя «запросто», приходя к нему в фуражке, а не в кивере[13], и потом даже служака штабс-капитан ничего о его служебных обязанностях не рассказывает. В «Фаталисте» Печорин, возможно, командированный из крепости в станицу, также ничем не обременен, сообщает походя: «Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге <…>» (4, 284) – и в той же фразе о ежевечерних собраниях офицеров и игре в карты. Свой подвиг, захват казака, он совершает не по чьему-либо приказу, а сугубо добровольно, так как «вздумал испытать судьбу» (4, 291). Совсем вольготно ему в Пятигорске и затем в Кисловодске, куда он переехал исключительно по неофициальному приглашению Веры. После дуэли он весь день проводит в седле (по логике, в панталонах, разорванных на колене пулей Грушницкого), потом скачет вдогонку за Верой, а весь следующий день отсыпается. Служебные неприятности приходят, когда комендант узнает о гибели Грушницкого, но тут уже не просто служебная провинность.

Главным персонажам романа отнюдь не свойствен обостренный интерес, допустим, членов фамусовского общества относительно чужого состояния. Даже Максиму Максимычу при всей его хозяйственности хватило деликатности не задать Печорину прямого вопроса, о его богатстве он судит на основании имеющихся у того дорогих

---

[11] Там же. С. 191–192. «Здесь, кроме войны, службы нету <…>» (4, 342), – писал Лермонтов Святославу Раевскому осенью 1837 г. из Тифлиса. Начальник штаба войск на Кавказской линии и в Черномории полковник Траскин сообщал генералу Граббе после гибели Лермонтова: «Пятигорск наполовину заполнен офицерами, покинувшими свои части без всякого законного и письменного разрешения, приезжающими не для того, чтобы лечиться, а чтобы развлекаться и ничего не делать <…>. Сами командиры полков позволяют являться сюда кому заблагорассудится, и даже юнкерам» (А.С. Траскин – П.Х. Граббе. Пятигорск, 17 июля 1841 // Карпенко А., Прищеп В. Оправдание Лермонтову. Нальчик, 2014. С. 213).

[12] См.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 49–52. Впрочем, не служат ни Ленский, ни Алексей Берестов в «Барышне-крестьянке». Несколько позже «белых ворон» становится слишком много. «По данным Министерства внутренних дел, в конце 40-х годов около половины всего дворянства (48%) –122 426 лиц из 253 068 – “никогда не бывали ни в какой службе”» (*Зайончковский П.А*. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 221).

[13] Эти строевые головные уборы были громоздки и «достаточно тяжелы (вес кивера достигал в некоторых случаях двух килограммов при общей, вместе с «султаном», высоте до 70 см)» (*Охлябинин С.Д*. Иллюстрированный военно-исторический словарь Российской империи. М., 2008. С. 85).

Filologia_5_14.indd 11 14.02.2015 23:36:41

вещиц. Сам Печорин, обворованный слепым, раздосадован не столько потерями, сколько своим нелепым положением.

«Наше время» обозначено в романе несколько абстрактно. Предполагаемый вариант первоначального заглавия даже связан с «началом века». В отличие от автора «Евгения Онегина» Лермонтов никак не мог сказать, что в его романе «время расчислено по календарю»[14]. Но это, безусловно, не «начало» века, а современность, 30-е годы. Максим Максимыч получил свой чин «при Алексее Петровиче», т. е. до 1827 г., когда Ермолов был отозван с Кавказа, по тексту понятно, что это было давно, – пятидесятилетний офицер приехал сюда подпоручиком, определенно еще сравнительно молодым человеком. Пушкинское время осознается другой эпохой: Печорин повторяет известную фразу Каверина, «одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным» (4, 251). Так что перенесение действия в какое-то прошлое очень условно. Некоторые другие детали тоже доказывают, что это «постоянная и довольно невинная уловка Лермонтова», описывающего «реальную обстановку настоящего времени»[15]. Тем не менее, конечно, «Герой нашего времени» не претендует на статус «энциклопедии русской жизни». В нем нет широкого социального фона современности, почти нет экскурсов в историю, а только в личное, биографические прошлое.

Это и неудивительно. Роман в стихах Пушкина, почти лишенный сюжетного действия, был о человеке, обществе и времени. Роман Лермонтова при всей его сюжетной увлекательности – жесткая проза об одиноком человеке и о безвременье. Время словно остановилось, *событий* нет, есть только случайности, интриги, приключения, неожиданные личные катастрофы. Талантливый человек выключен из общественных связей и бесконечно одинок. Офицер-путешественник демонстративно провозглашает: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа<…>» (4, 210), – впрочем, тут же оговаривая, что здесь речь идет совсем не о мелкой душе. «Ни слава, купленная кровью, <…> Ни темной старины заветные преданья» (1, 313) не только в «Родине» не являются больше объектом отображения. Ведь это официальная идеология сделала тогда своим знаменем препарированную «народность»[16] и «исторические», главным образом военные, деяния. Были и официальные, канонизированные герои. Принятый Лермонтовым образ-тезис «герой нашего времени» явился вызовом

[14] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. V. Л., 1978. С. 167.

[15] *Геритейн Э.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. М., 1976. С. 27.

[16] Из этого, естественно, не следует, что понятие народности не было важнейшим для русской культуры того времени вообще и не имело весьма положительного значения (см.: *Казаков Н.И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989).

Filologia_5_14.indd 12 14.02.2015 23:36:41

высочайше одобренной казенщине, его «асоциальность» была подчеркнутым выражением благородной независимости. Притом автор действительно не лелеял «гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже избави его от такого невежества!» (4, 170). Это, конечно, не шутка. Слишком серьезно было то, что произошло с обществом.

Сосланный на Кавказ Печорин совершенно не рвется «на свободу». Его не тянет не только в Петербург, но и в Европу. «Как только будет можно», он готов отправиться «в Америку, в Аравию, в Индию, – авось где-нибудь умру по дороге!» (4, 195). Лишь из уст наивной княгини Лиговской мы слышим: «Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться <…>» (4, 282). Его положение незавидно в самом деле, но в другом смысле, и поправиться оно решительно не может. Ни доброй княгине, ни ее нежной дочери, готовой пожертвовать всем ради того, кого любит (в этом даже усматривали следствие морального примера женщин-декабристок[17]), не дано спасти Печорина. Этого не может сделать и он сам при всей силе своего духа и интеллекта.

Печорин один и только один принципиально. Но он не хочет и не может быть один. Б.Т. Удодов в книге о «Герое нашего времени» выделяет «его ярко выраженное влечение к общению с людьми»[18]. Это не простое любопытство, а именно заинтересованность в людях и нередко даже сочувствие им, при том что в романе, как известно, немало примеров и обратного. Печорин расспрашивает о «примечательных людях» пятигорского общества, доволен возможностью иметь здесь умного приятеля – Вернера, и поскольку вследствие происков коллег доктору отказали пациенты, этот его приятель солидарен с другими приятелями: они, «то есть все истинно-порядочные люди, служившие на Кавказе <…> старались восстановить его упадший кредит» (4, 226). Вряд ли совершенно неискренне Печорин обнимается с Грушницким при неожиданной встрече с ним в Пятигорске, хотя и презирает его за то, что тот «занимался целую жизнь одним собою» (4, 222). Крайне суровая к Печорину Алла Марченко в связи с этой фразой задается вопросом: «Но разве Печорин чем-нибудь – на протяжении всего журнала – занимается, кроме как собой?»[19]. Он

---

[17] См.: *Геритейн Э.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. С. 40.

[18] *Удодов Б.Т.* Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989. С. 88. «Этот персонаж в любом сюжетном варианте романа активно вмешивается в жизнь, причем его первоначальное побуждение – соединиться с нею, войти в систему мира, обнаружить родственные души, примириться. <…> Ср. в “Демоне” – “Хочу я с миром примириться, хочу любить, хочу молиться, хочу я веровать добру”» (*Черная Т.К.* Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. Ставрополь, 2004. С. 371). Правда, у Лермонтова Демон хочет «с небом примириться» (2, 395), а не «с миром».

[19] *Марченко А.М.* Печорин: знакомый и незнакомый. С. 199.

Filologia_5_14.indd 13 14.02.2015 23:36:41

оказывается в данной интерпретации даже хуже, чем Грушницкий: «герою времени» приписывается мелкая зависть к его солдатскому георгиевскому крестику[20]. В тексте намеков на это нет и быть не может. Это немыслимо в отношении Печорина так же, как в отношении самого Лермонтова (незаслуженно обойденного боевыми наградами) или его последователей в литературе (вспомним, что у Л.Н. Толстого Николай Ростов получил этот самый солдатский георгиевский крестик за Шенграбенское сражение, во время которого он убежал от француза). А.М. Марченко, по сути, причисляет Печорина к тем, кто после замены на Кавказе Ермолова Паскевичем бросился туда за деньгами и наградами, отчего «резко испортились нравы и “в стане русских воинов”»[21]. Между тем, хотя смещение Ермолова в 1827 г. было в глазах либералов следствием последекабрьской реакции и приспособления общества к ней, ни сам Ермолов, ни его подчиненные на Кавказе добродетелями не отличались.

В своем стремлении поосновательнее развенчать Печорина А.М. Марченко заявляет: «Очутившись за хребтом Кавказа еще в 1837 году, Лермонтов, не мешкая, “начал учиться по-татарски”. Легонько “маракует” по-татарски и Максим Максимыч. Один Печорин гарцует, теша свое тщеславие тем, что в седле больше похож на кабардинца, чем сами кабардинцы»[22]. Далее проводится невыгодная для Печорина параллель с «русскими прибалтами», не учившими в советское время местные языки. Но в «Бэле» прямо сказано, что Печорин «между тем учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему» (4, 185). То есть с национальным вопросом в этом смысле у Лермонтова все в порядке.

Печорину определенно интересны жизнь и обычаи горцев (эпизод на свадьбе старшей сестры Бэлы), и если уж его упрекать в невнимании к национальной специфике, то вместе с автором романа. Это тоже делается: «Нельзя считать случайным тот факт, что местные, кавказские исследователи творчества Лермонтова так и не договорились о национальной принадлежности Бэлы, Казбича и Азамата <...>»[23]. К.Б. Гайтукаев указывает, что больше всех «удален от подлинной горской национальной почвы Азамат. <...> Так, похищение невесты можно считать обычным явлением в среде всех северокавказских народов во времена Лермонтова. Но «похищение» родной сестры для вражеского офицера-гяура не сообразно с нравственными

[20] Там же. С. 197.
[21] Там же. С. 187.
[22] *Марченко Алла.* В поисках клада // Правда. 1989. 14 окт. С. 3.
[23] *<Гайтукаев К.Б.>* Проблема инонационального характера в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова // Актуальные вопросы современного лермонтоведения. Литературоведение: Материалы и методические рекомендации для общих и специальных курсов. Киев, 1989. С. 121.

Filologia_5_14.indd 14 14.02.2015 23:36:41

понятиями ни одного из этих народов»[24]. Заметим, что Печорин – не «вражеский» офицер (отец Азамата – «мирной» князь). Главное же – кому, кроме кавказского горца, мог Лермонтов приписать такую страсть завладеть прекрасным конем, которая сильнее даже родовых установлений? Во всяком случае, это не просто дань романтизму, как считает К.Б. Гайтукаев.

В.А. Мануйлов писал, что «Азамат, готовый продать родную сестру, не был ни злодеем, ни продажным негодяем; он действовал не из жажды обогащения, а под влиянием страстного желания обладать конем Казбича. Оба горца – Азамат и Казбич – правдиво воссозданы Лермонтовым, в них нет уже фальши неистового романтизма, о чем при появлении “Бэлы” в “Отечественных записках” со всей определенностью заявил Белинский (Белинский, III, стр. 188). <…> Предлагая Казбичу украсть для него сестру, Азамат относится к ней как к вещи, которую обменивают на коня, и в этом торге Азамат расхваливает ее достоинства, ценившиеся горцами <…>. Мужчина на мусульманском Востоке в старину считался собственником женщины»[25].

И не от непонимания местных обычаев Печорин начинает торг «невеста за коня», хотя он сознательно нарушает все обычаи и регламенты. Недаром же его «влечет романтика своевольной, нерегламентированной жизни “честных контрабандистов” с их дерзким вызовом всему узаконенному, казенному»[26]. Но все-таки он совершает преступление. Совращаемый Печориным Азамат «предполагает, что речь идет о женитьбе на его сестре, так как тот предлагает Карагёза в качестве выкупа, калыма за невесту. А калым на Востоке платят только за жену, это рабыню покупают у хозяина»[27]. Брак же русского офицера и кавказской девушки был возможен. Девушку, послужившую вероятным прототипом Бэлы, которая любила удальца Хазби (прототип Казбича), ее отец, «местный кумыкский князь, лояльный русским», предпочел выдать «за русского офицера из крепости, который явно вздыхал по красавице. Таким образом он хотел создать для себя более выгодное положение среди русских и иметь на них некое особое влияние. Таких примеров в Дагестане было предостаточно.

[24] Там же. С. 120. О художественном произведении говорится, словно о реальной жизни. А в финале поэмы «Измаил-Бей» завистник Росламбек подло убивает родного брата, героя национально-освободительного сопротивления. С нравственными понятиями каких кавказских народов это сообразно?

[25] *Мануйлов В.А.* Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. С. 100.

[26] *Удодов Б.Т.* М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 547–548.

[27] *Аманова Г.А.* Этические аспекты «этнической» тематики в «Герое нашего времени» Лермонтова и их интерпретация исследователями // Лермонтов, Россия, Кавказ: движение во времени: Материалы Международной научной Лермонтовской конференции. Нальчик, 2014. С. 313.

Filologia_5_14.indd 15 14.02.2015 23:36:41

Достаточно вспомнить генерала Ермолова, женатого на кумычках»[28]. О похищенной Бэле Печорин недаром говорит Максиму Максимычу: «<…> если отдадим дочь этому дикарю, он ее зарежет, или продаст» (4, 185).

Совершенно удивительно утверждение А.М. Марченко, будто повесть «Княжна Мери» сбивала публику, прежде прочитавшую в журнале «Бэлу», «Тамань» и «Фаталиста», «с уже сложившегося мнения о Григории Александровиче Печорине как о человеке, может быть, и не идеальных достоинств, но все-таки вполне приличном»[29]. Как раз в «Бэле» Печорин совершает настоящее преступление, а в «Княжне Мери» особенно полно обнаруживаются его огромные достоинства, пусть и они направляются не во благо. Печорин готов пренебречь всеми условностями, если бывший приятель проявит себя лучше других и откажется от недостойного замысла дуэли на незаряженных пистолетах («Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею» – 4, 260), и уже во время настоящей дуэли, безоружный, Печорин «решился предоставить все выгоды Грушницкому», будучи «уверен, что он выстрелит на воздух!» (4, 275). Печорин до последнего момента испытывает человека, даже чуть было не убившего его, дает ему возможность сохранить себе жизнь. В «Бэле», преследуя Казбича, Печорин, как можно предположить, стреляет, целясь не в него, а по ногам лошади. В «Фаталисте», рискуя головой, чтобы взять вооруженного казака, он на данный момент спасает жизнь хотя бы и обреченного человека, которого только-только собирались «пристрелить» без покаяния фактически на глазах его матери, даром что он «не чеченец окаянный, а честный християнин» (4, 291)[30]. Таким образом, «герой нашего времени» вовсе не просто индивидуалист, эгоизм для него не идеал[31], он сплошь и рядом не безразличен к людям, в том числе отнюдь не лучшим, по всем признакам далеким от него. А как они относятся к нему?

Из монологов Печорина мы знаем, что он испорчен светом, что ему с детства не верили, видели в нем несуществующие пороки, которые поэтому и появились. Видим вместе с тем, что он не абсолютно испорчен, по-своему тянется к людям. «Я держу четырех лошадей:

---

[28] *Айтукаев И.Б.* О возможных прототипах лермонтовской «Бэлы» // Там же. С. 285–286.

[29] *Марченко А.М.* Печорин: знакомый и незнакомый. С. 205.

[30] Ф.А. Раскольников, по сути, оставляет без серьезной мотивировки свое верное соображение о том, что «“Фаталист” – единственный рассказ, в котором Печорин никому не делает зла. Более того, помогая арестовать убийцу Вулича, он объективно делает добро» (*Раскольников Ф.* Статьи о русской литературе. М., 2002. С. 171). Нельзя же под «добром» понимать только возмездие, которое бы так или иначе случилось.

[31] См.: *Михайлова Е.* Проза Лермонтова. М., 1957. С. 321–322; *Виноградов И.* По живому следу. Духовные искания русской классики. М., 1987. С. 22–24, 31–32, 47.

Filologia_5_14.indd 16 14.02.2015 23:36:41

одну для себя, трех для приятелей, чтоб не скучно было одному таскаться по полям; они берут моих лошадей с удовольствием и никогда со мной не ездят вместе» (4, 236). Поздним вечером Печорин один бродит по аллее бульвара. «Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре… но с кем?.. Что делает теперь Вера? думал я… Я бы дорого дал, чтоб в эту минуту пожать ей руку» (4, 237). И тут появляется Грушницкий со своими банальностями. После дуэли и отъезда Веры, когда Печорину особенно трудно одному, Вернер, которому он не дал повода к пылкому выражению сочувствия, уходит. «Вот люди! – размышляет Печорин, – все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его <…> а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!..» (4, 282)[32].

Эта сентенция имеет общий философский характер. Но говорится в ней о людях, которых Печорин непосредственно знал, о *негероях* времени. Сам он на их фоне во многом настоящий герой, герой в прямом смысле – по Ап. Григорьеву, «один из наших органических типов героического»[33], по Б.М. Эйхенбауму, «личность, наделенная чертами героики и вступающая в борьбу со своим веком»[34].

«Героико-трагическая подоплека образа Печорина и лермонтовского «сочинения» в целом обусловлена тем рубежом, который отделил и отличил лермонтовское время нового века от пушкинско-онегинского»[35]. После 1825 г. резко упал духовный, моральный облик российского общества. Менее полутора сотен осужденных декабристов составляло не такую уж незначительную его часть, если, например, тираж книги в пятьсот экземпляров не считался слишком малым. Другие были запуганы или обмануты, приспособились, привыкли к новым установлениям. Герцен писал: «Тон общества менялся наглазно; быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства»[36]. Гвардейские офицеры, «прежде блестящие и образованные», как свидетельствовал Герцен,

[32] Трудно признать бесспорным, будто этот эпизод с философским заключением автора дневника показывает «умение Печорина преодолевать угрызения совести, перекладывая моральную нечистоплотность на чужие плечи <…>. Вернер не умывал рук и не отворачивался с негодованием. Необходимость для Печорина подавить угрызения совести, воплощенные в Вернере, вызвала к жизни эту необычайную тираду» (*Тодд III У.М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., MCMXCVI. С. 189, 190). Но вполне можно признать данный эпизод психологически сложным и оценочно неоднозначным.

[33] *Григорьев Аполлон.* Собр. соч. Вып. 7. М., 1915. С. 36.

[34] *Эйхенбаум Б.* О прозе. Л., 1969. С. 266.

[35] *Недзвецкий В.А.* «Герой нашего времени»: становление жанра и смысла. С. 57.

[36] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. VIII. М., 1956. С. 58–59.

Filologia_5_14.indd 17 14.02.2015 23:36:41

«все больше превращались в отупелых унтеров <...>. Военные были более независимы и держались более достойно, чем пресмыкавшиеся, трусливые чиновники. Обстоятельства изменились, и гвардия разделила судьбу аристократии; лучшие из офицеров были сосланы, многие оставили службу, не в силах выносить грубый и наглый тон, введенный Николаем <...>. Офицеры упали в глазах общества, победил фрак, – мундир преобладал лишь в провинциальных городишках да при дворе – этой первой гауптвахте империи»[37]. Только причины общественных и нравственно-психологических изменений отнюдь не сводились к политике, были гораздо глубже. «Ведь драматизм был ведущим началом лермонтовской эпохи, определяясь, конечно же, не столько последекабристской реакцией (на самом деле политическая реакция в России началась уже со времени Священного союза!), сколько процессом всеобщего *отчуждения* человека от общества и от собственной родовой сущности в результате значительно более широкого, чем в пушкинское время, кризиса феодально-патриархальных связей и замены их безличностными <…> прозаизированными отношениями “индюстриального века” (Белинский)»[38].

Изменилось само поведение дворян, и Печорин тому ярчайшее свидетельство. У Пушкина постижение Евгением Онегиным «науки страсти нежной» лишь констатируется, герой на страницах романа в стихах ни разу не пользуется этой наукой: вначале «обмануть он не хотел // Доверчивость души невинной»[39], а потом, полюбив по-настоящему, не считает возможным никакое *искусство*, кроме искреннего страстного признания. В «Княжне Мери» налицо вся механика практически бесцельного овладения юной душой в собственноручном письменном изложении исполнителя. Она заполняет жизнь, не заполняя внутренней пустоты (Печорину все известно заранее и потому «скучно»).

Невозможно вообразить Онегина висящим на балконе чужого дома и подглядывающим за Татьяной в неглиже. Печорин без колебаний попутно заглядывает через окно в спальню светской девушки, спускаясь ночью с балкона замужней женщины, своей «рабы»; на протяжении романа он и другие персонажи весьма много и охотно подсматривают и подслушивают[40]. Пока его благородие прапорщик

---

[37] Там же. Т. VII. С. 209–210.

[38] *Недзвецкий В.А.* «Герой нашего времени»: становление жанра и смысла. С. 46–47.

[39] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. V. С. 70.

[40] См.: *Набоков Владимир.* Предисловие к «Герою нашего времени». С. 428–429. Другой исследователь не принял набоковскую оценку этой особенности повествования: «<…> когда героям нужны глаза для того, чтобы беспрестанно подсматривать друг за другом, пытаться застать другого врасплох и скрывать собственные чувства, эти глаза <…> становятся показателем общества, организованного по принципу театра <…>. Постоянное использование в романе подслушивания и подглядывания –

Filologia_5_14.indd 18 14.02.2015 23:36:41

Печорин хорошо проводит время наверху, два других благородия четыре часа беззвучно караулят его в кустах и затем палят в него холостым патроном, вызывая переполох во всем городе. Спрыгнувший с балкона аристократ вступает с ними в потасовку и, сбив одного из них на землю ударом кулака по голове, стремительно уносится в кусты. Дома, юркнув в постель, он преспокойно лжет через дверь припозднившимся преследователям, что у него насморк. Драгунский капитан, когда Печорин напоминает ему о «неловком» ударе по голове, отнюдь не требует сатисфакции, довольствуясь ролью секунданта Грушницкого, и после своего жульничества с пистолетами прямо уклоняется от предложенной Печориным дуэли на тех же условиях. И жульничество-то свое он не особенно скрывает перед Печориным. Заколебавшегося перед печоринскими условиями Грушницкого он «довольно громко» честит дураком («ничего не понимаешь!» – 4, 274) и после его выстрела говорит ему на вечное прощание: «Уж положился на меня, так слушайся во всем… Поделом же тебе! околевай себе как муха…» (4, 277). У Пушкина немыслимо, чтобы Зарецкий, «чести бог», который в свое время попался к французам «как зюзя пьяный» и в плену каждое утро попивал в долг винцо, мог предложить Онегину или Ленскому зарядить только один пистолет: его бы и тот и другой немедленно поставили к барьеру. Даже влюбленные девицы ведут себя теперь иначе. Татьяна Ларина пишет Онегину, что он никогда не узнал бы ее «стыда», если бы она могла его хоть изредка видеть. А княжна Мери не только первая и лично, не на бумаге, признается в любви к Печорину, но и прямо заговаривает с ним о браке.

Пушкинский и лермонтовский романы разделяет всего лишь одно десятилетие, но личность Пушкина сформирована другой эпохой, и пишет он о совсем других людях. Слова Белинского о том, что расстояние между героями двух романов «гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою», не стоит понимать слишком буквально. Сам же Белинский чуть выше утверждал: «Но Онегин для нас уже прошедшее, и прошедшее невозвратно»[41].

Убив на поединке бывшего приятеля и оказавшись в отдаленной крепости, Печорин идет уже просто на преступление. Украл девушку-горянку, погубив тем самым целое семейство; украл ее чужими руками (как чужими руками пробовали офицеры «проучить» и княжну Мери и его), притом руками ее родного брата; расплатился с ним за сестру, да не деньгами, а конем, да не своим, а чужим;

не доказательство художественной ограниченности, как видел это Набоков, но подходящее воплощение <…> театрализованности романа. Вспомним, что шпионство Печорина – вовсе не формальная необходимость повествования от первого лица; оно получает явную сюжетную мотивацию, когда Грушницкий наивно просит более опытного приятеля понаблюдать для него за княжной Мери <…>» (*Тодд III У.М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. С. 181).

[41] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IV. С. 265.

Filologia_5_14.indd 19 14.02.2015 23:36:41

соблазнил ее с помощью трагической сцены; потешился любовью «дикарки» – и дальше уже добрейший Максим Максимыч, отечески полюбивший Бэлу, считает: «Нет, она хорошо сделала, что умерла!» (4, 198). В «Фаталисте» Печорин заключает с Вуличем смертельное (не для него) пари, правда, предлагает он пари «“шутя”, совсем не представляя себе, как и все прочие участники события, каким именно способом будет произведена “проба на себе”»[42]. А разве другие лучше? Они только мельче.

Мужчины «водяного общества», в круг которых попадает Мери, «все прескучные…» (4, 241). Никто из пятигорской молодежи не может сказать «ничего умнее» (4, 227) того, что сказали Вернер и Печорин относительно своей неизбежной смерти и несчастного рождения. Грушницкий – индивидуалист чистой воды, занятый только собой, но даже он, как говорит Вернер, «кажется, поблагороднее своих товарищей» (4, 268), во время дуэли он пытается спорить с драгунским капитаном и наконец, пусть в полуистерическом состоянии, принимает смерть с ненавистью к Печорину, но и с презрением к себе.

У него по крайней мере есть повод для ненависти. А у остальных? Печорин ведь слывет «добрым малым» и с успехом отваживает поклонников от Мери: «<…> теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют – и, увы, мое шампанское торжествует над силою магнетических ее глазок!» (4, 231). Как видим, причина предпочтения весьма проста. «Княжна хочет проповедывать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают» (там же). А когда во время бала компания драгунского капитана, чтобы угодить толстой даме и «проучить» княжну, напускает на нее пьяного господина «во фраке, с длинными усами и красной рожей», «один адъютант, кажется, все это видел да спрятался за толпой, чтоб не быть замешану в историю» (4, 240), и один Печорин проявил благородство, хотя в данном случае это и совпало с его намерениями.

Посрамленная «группа мужчин» теперь мстит Печорину. Согласие Грушницкого участвовать в фарсовой дуэли на незаряженных пистолетах вызывает неописуемый «восторг всей честной компании» (4, 260). Здесь уже поведение Печорина, который специально подошел к окну, чтобы подслушать, кажется менее предосудительным. «За что они все меня ненавидят? думал я. За что? Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» (4, 260–261). Предположение Печорина недалеко от истины. Не один лишь император Николай после 14 декабря невзлюбил аристократов, став вдохновителем и организатором более «демократической», охлократической реакции. В романе

[42] *Тамарченко Н.Д.* Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. М., 1997. С. 162.

Filologia_5_14.indd 20 14.02.2015 23:36:41

Лермонтова драгунский капитан, призывающий «проучить» на сей раз Печорина, заявляет: «Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги». Компанию возмущает и его «надменная улыбка» (4, 260). Человек, который держится с достоинством, в самом деле одним своим видом «порождает недоброжелательство». В «Фаталисте» же, хотя пари заключает только Печорин, остальные – в том числе хозяин квартиры майор С*** – не особенно горячо этому препятствуют. Пари можно было ликвидировать: «<…> кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?» – спрашивает Вулич. «Все замолчали и отошли» (4, 286). Разбредаясь по домам, они, как предполагает Печорин, в один голос называли его эгоистом.

Да и добряк Максим Максимыч, столь оскорбленный даже не холодностью, а сдержанностью Печорина при встрече с ним[43], по своей ограниченности не понимает, что и сам причинил боль бывшему приятелю. В его сознание не укладывается то, что перегоревший человек[44], которому уже жить не хочется, не может разделять восторг старого знакомого от встречи и соблазняться обедом из двух фазанов с кахетинским (а оно здесь, по словам не пьющего рома и водки штабс-капитана, «прекрасное… разумеется, не то, чту в Грузии, однако лучшего сорта…»). До разговоров ли ему об охоте? «А Бэла?..» (4, 206) – напоминает Максим Максимыч без всякой щепетильности, хотя совсем недавно рассказывал офицеру: «<…> никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что это ему будет неприятно, так зачем же?» (4, 199). Тогда видел, а теперь, на радостях, не видит. «Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся…

– Да, помню! – сказал он, почти тотчас принужденно зевнув…» (4, 206). В «Княжне Мери» мы прочитаем: «Всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее всё те же звуки… Я глупо создан: ничего не забываю, – ничего!» (4, 230). Потом появляется немаловажное уточнение: «<…> радости забываются, а печали никогда…» (4, 234).

Конечно, Печорин в «Максиме Максимыче» негуманен по отношению к старому штабс-капитану, но можно ли только осуждать

[43] См.: *Григорьян К. Н.* Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». С. 259–263; *Нестор* (*Кумыш*), игумен. Тайна Лермонтова. СПб., 2012. С. 527–529.

[44] Странно читать, что Печорин подобно байроновскому Чайльд-Гарольду – «статичная фигура, его характер не меняется, не развивается, а раскрывается в разных ситуациях» (*Кондратенкова Е.А*. От «Паломничества Чайльд-Гарольда» к «Герою нашего времени» // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 175). Характер не может оставаться неизменным при фундаментальном изменении жизненной позиции. В «Княжне Мери» Печорин записывает: «<…> один раз, один только раз я любил женщину с твердою волей, которую никогда не мог победить… Мы расстались врагами, – и то, может быть, если бы я ее встретил пятью годами позже, мы расстались бы иначе…» (4, 235).

Filologia_5_14.indd 21 14.02.2015 23:36:42

его (к чему склонен и офицер-путешественник) за нежелание «освежить» в памяти эту страницу своей жизни, только что рассказанную Максимом Максимычем случайному спутнику? Если Печорин теперь «бесчувственен», то к себе не меньше, чем к кому бы то ни было другому. А штабс-капитан все объясняет гордостью и высокомерием светского человека. Это объяснение абсолютно того же уровня, что его слова об англичанах, которые «ввели моду скучать» (выходит, о Байроне прежде всего): «<…> да ведь они всегда были отъявленные пьяницы!» (4, 195).

Что же касается единственного в романе персонажа, который по развитию стоит вровень с Печориным, – офицера-путешественника, – то он при известии о смерти автора записок декларирует свою радость в связи с возможностью их издать. Пусть это шутка, но по слишком уж мрачному поводу[45].

Прямое обращение Лермонтова к публике в предисловии ко второму изданию романа («<…> это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения <…>» – 4, 170) противоречит заявлению офицера – издателя журнала: именно в предисловии к журналу Печорин без иронии назван героем. Конечно, это больше соответствует истинной позиции Лермонтова. Белинский, говоря о Печорине, обратился к той же публике еще суровее, чем автор романа в своем общем предисловии: «Вы предаете его анафеме не за пороки, – в вас они больше и в вас они чернее и позорнее, – но за ту смелую свободу, за ту желчную откровенность, с которою он говорит о них»[46].

На фоне этой основной идеи не столь заметны разные социально-исторические штрихи. Но они тоже есть и небезынтересны. Наблюдательный Печорин прекрасно знает свой круг, во многом благодаря этому и входит в роман, так сказать, конкретно-социологический материал.

Кавказское дворянское общество разделено на несколько социально-культурных категорий. К светской молодежи принадлежат Печорин и странствующий офицер. Светские люди и Вера с мужем и Лиговские. Но последние по светским представлениям стоят как бы на ранг ниже, они не петербургские, а московские аристократки. Вернер выяснил, что княжна была только «одну зиму в Петербурге, и он ей не понравился, особенно общество: ее, верно, холодно приняли» (4, 230). О ее матери чуждый предрассудков доктор рассказывает так: «Последнюю половину своей жизни она провела в Москве, и тут на

[45] Печорин «в романе превосходит по своим разным качествам всех персонажей, в том числе и повествователя, которому отданы роль объективирующего субъекта, спокойно отстраненного и уступающего Печорину уже потому, что так же объективно спокоен по отношению к жизни, как и по отношению к Печорину» (*Черная Т.К.* Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. С. 383).

[46] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IV. С. 235.

Filologia_5_14.indd 22 14.02.2015 23:36:42

покое растолстела. Она любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате. Она мне объявила, что дочь ее невинна как голубь. Какое мне дело?.. Я хотел ей отвечать, чтоб она была спокойна, что я никому этого не скажу!» (4, 229). И далее: «Княгиня, кажется, не привыкла повелевать; она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру: в Москве, видно, барышни пустились в ученость, и хорошо делают, – право!» (4, 229–230).

В «хорошем обществе» устойчивые представления, нормы публичного поведения, формы обращения. Так, вся непоместная дворянская молодежь и не только молодежь, принадлежащая к «обществу», прежде всего офицерство, придерживается французской по происхождению формы обращения друг к другу по фамилиям. Мы не знаем не только отчеств, но и имен Грушницкого или Вулича, даже входящего в этот круг Вернера, который отличается от молодежи и возрастом[47] и социальным положением, а Печорина называет по имени-отчеству только и исключительно Максим Максимыч (как майора С*** в «Фаталисте» – только есаул), сугубо несветский персонаж, который сам именуется только как старший и только как русский, а фамилия его нам неизвестна. Пожилой муж Веры лишь в представляющем сообщении о нем назван с именем-отчеством, а у княгини Лиговской имя полностью заменено титулом. Галломания в свете, однако, уже потеснена «англоманией», отсюда и Мери, а не Мари, и читательские интересы светской молодежи. Называть светскую девушку по имени недопустимо даже не в непосредственном обращении к ней, Печорин ловит Грушницкого на том, что в его речи княжна Лиговская превратилась просто в Мери.

Офицерство в целом придерживается принципов своеобразного сословного демократизма. Здесь нет еще чинопочитания, столь свойственного чиновничеству, что показано, например, Гоголем в «Носе». В «Фаталисте» офицеры играют в карты у майора С***, старшего в чине, как у любого другого, обращаются к нему просто «майор», поручик Вулич без спроса берет хозяйский пистолет и потом дырявит из него висящую над окном, очевидно, хозяйскую же фуражку. В «Княжне Мери» вчерашний юнкер Грушницкий в панибратских отношениях с капитаном. Печорин чины, в сущности, игнорирует. Сам писатель, не достигший больших чинов (его убийца Н.С. Мартынов, который окончил школу юнкеров на год позже Лермонтова, в 1841 г. был отставным майором, на три чина выше боевого офицера Лермонтова), тоже обычно не делает акцент на чинах, пишет вообще

[47] Впрочем, о возрасте доктора Печорин ничего не пишет. Доктору Н.В. Майеру, прототипу Вернера, в 1837 г., т. е. во время первой кавказской ссылки Лермонтова, был 31 год (см.: Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981. С. 269).

Filologia_5_14.indd 23 14.02.2015 23:36:42

«офицер», «офицеры», как впоследствии другой великий поручик – Лев Толстой[48]. Возможно, в «Княжне Мери» Печорин не определен в чине только потому, что уже была опубликована в журнале «Бэла», в которой он приезжал в крепость не из Пятигорска или Кисловодска, а «из России» и был назван (показательно, что именно Максимом Максимычем) прапорщиком. В «Княжне Мери» он, участвовавший теперь в делах против горцев, может быть, представлялся автору и в более высоком чине, но принципиального значения это для него не имело. Во всяком случае, Печорин выражается как о самых безусловных неудачниках о тех, кто весь век остаются титулярными советниками (9-й класс, статский капитан), а в «Фаталисте» распоряжается действиями есаула (тоже капитан – казачьих войск).

Аристократизм выше чина. В «Максиме Максимыче» отставной офицер Печорин ночует у полковника Н…, который утром провожает его до гостиницы. Они люди одного круга, потому и знакомы; а бедный Максим Максимыч не может пойти к незнакомому человеку («Эх! жалко, что я незнаком с Н…» – 4, 203), но может попросить лакея передать барину, что его ждет старый приятель. Как ни демократичен этот персонаж, человек, искусный и в кулинарии, и в физической работе (штабс-капитан сам обивает термаламой и украшает галунами гроб Бэлы), он выдерживает общие правила поведения. Даже в понимании женской красоты он человек своего сословия и времени: «<…> с лица и с рук сошел загар <…>», – сообщает он в обоснование того, что Бэла, живущая, можно сказать, взаперти, «так похорошела, что чудо» (4, 192).

Светские люди весьма ограничены в своих поступках, а женщины прямо-таки беззащитны. Вера – замужняя женщина и может «легально» видеться с Печориным только у родственниц своего мужа Лиговских. При появлении перед Мери в бальной зале пьяного господина ей необходим спаситель; Печорин, который ввиду «составившейся шайки» начинает искренне ей сочувствовать, записывает: «Я рад, что княжна больна: они сделали бы ей какую-нибудь дерзость» (4, 254), – а это заведомо хуже болезни; Вернеру он сообщает, что сделал лучше, чем если бы спас княжну от смерти, – «спас ее от обморока на бале!..» (4, 242). И мужчин тоже, по словам Вернера, при приближении к женщинам окружают «такие страхи, что боже упаси: долг, гордость, приличие, общее мнение, насмешка, презрение…» (4, 258). Но особо оговаривается в романе свобода обычаев и нравов на Кавказе. Она позволяет «танцовать с незнакомыми дамами» (4, 239), Печорин по причине той же свободы проходит в гостиную к княжне без доклада.

[48] См.: *Кормилов С.И.* Знаки социального престижа в творчестве Лермонтова (чины, награды, дворянские титулы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 4. С. 12–21.

Filologia_5_14.indd 24 14.02.2015 23:36:42

Конечно, поведение и психология людей света не очень-то совпадают и не всегда выдерживаются. С Печориным тут все очевидно. Примечательна фигура мужа Веры (женщины, которая вторично вышла замуж за богатого старика ради сына). Он восторгается благородством Печорина, защищающего от Грушницкого честь Мери (а заодно и свою), обещает никому не говорить о сделанном вызове, но потом пробалтывается, а после признания Веры в любви к Печорину попросту увозит ее, не пытаясь доискаться до того, затронута уже его собственная честь или нет. Печорин фактически мчится вдогонку не за одной Верой, а за обоими супругами, он жаждет на прощанье пожать ей руку, видимо, не сомневаясь, что это будет возможно. Впрочем, светскость к этому мощнейшему порыву естественного чувства уже не имеет отношения.

«Водяное общество» значительно ниже светского. Здесь врач, доктор Вернер, человек *этого* круга и даже «жених» (для дочери уездной маменьки, у которой «пятьдесят душ, кажется» – 4, 256), в то время как княгиня Лиговская спокойно относится к ухаживаниям Грушницкого за Мери именно потому, что он *не жених*. Грушницкий не скрывает своей зависти к Печорину как к светскому человеку («вы, победители петербургские» – 4, 232); Лиговские для него – «гордая знать» (4, 223). Правда, он же с насмешкой аттестует московского франта Раевича с его огромной золотой цепью по глубокому жилету, бородой и прической à la moujik. Грушницкий все-таки приезжий и, может быть, отчасти поэтому «поблагороднее своих товарищей» (4, 268). Местными жителями он не обольщается: «Женские общества есть; только от них небольшое утешение: они играют в вист, одеваются дурно и ужасно говорят по-французски» (4, 223). Именно из такого общества толстая дама, жалующаяся драгунскому капитану на княжну Мери. Для Печорина, неотличимого в черкесской одежде от черкеса (тоже род франтовства), комичны прогулочные костюмы кавалеров, составляющие «смесь *черкесского с нижегородским*» (4, 236). Печорин подробнее характеризует «толпу мужчин штатских и военных», которые «составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они пьют – однако не воду, гуляют мало, волочатся только мимоходом: они играют и жалуются на скуку». Это «франты» (4, 220) в светло-голубых галстуках и брыжжах, выпущенных из-за воротника, – тут можно вспомнить и Грушницкого, его огромный платок на «высочайшем подгалстушнике», вытащенный «кверху до ушей» (4, 251), при новеньком армейском мундире, который новоиспеченный офицер столь щедро полил печоринскими духами. По словам Печорина, эти франты «исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают» (4, 220). При этом люди типа Грушницкого «нравятся романтическим провинциялкам

Filologia_5_14.indd 25 14.02.2015 23:36:42

до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами, – иногда тем и другим» (4, 222).

Пьянство еще недавно почиталось в «хорошем обществе» диким исключением, водка (арак, жженка) – атрибут гусарских или студенческих пирушек. Напиток Онегина и Печорина – шампанское. Даже грибоедовские москвичи подозревают Чацкого в том, что он «шампанское стаканами тянул»[49], а пушкинские провинциалы Онегина – в том, что «он пьет одно // Стаканом красное вино»[50]. Это последнее в «Герое нашего времени» уже удел многих. Позже в «Казаках» Толстого с его идеей опрощения появится и чихирь (у Лермонтова чихиря напился лишь убийца-казак в «Фаталисте»), а Герцен в «Былом и думах» будет оправдывать русскую привычку пить с горя. Но это позже. Онегин и Печорин при всех своих душевных страданиях не могут «запить».

«Весь город» и в частности круг Грушницкого распространяет сплетню, будто Печорин женится на княжне Лиговской. Как говорит Вернер, «все мои больные заняты этой важной новостью, а уж эти больные такой народ: всё знают!» (4, 255).

Жены и дочери степных помещиков («у них вся *водяная* молодежь была уже на перечете») сразу заметили петербургский покрой печоринского сюртука, «но, скоро узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись». После этого Печорин доброжелательнее отзывается о женах местных властей (они «очень милы, и долго милы!»), которые «привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум», тем более что «всякий год их обожатели сменяются новыми» (4, 220). У этих дам есть лорнеты, признак известной «светскости». Лорнировать кого-то почти в порядке вещей для Евгения Онегина или толстовского Ипполита Курагина. Но в печоринское время это уже и ничем не оправданная претензия на подчеркнутое превосходство. «Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла <…> грозный вид» (4, 254). Перед этим Печорин сам возмущал еще ничего о нем не знающую Мери, по его мнению, не просто своим лорнетом, а тем, что не имел на такое поведение социального права: «<…> как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклыш-

---

[49] *Грибоедов А.С.* Горе от ума. 2-е изд., доп. М., 1988. С. 100 («Литературные памятники»).

[50] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. V. С. 33. Как отмечал Ю.М. Лотман, соседи подозревают Онегина не в пьянстве, а в расточительстве (см.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 180): он пьет не домашние наливки и настойки, а *покупное* вино. Юмор в том, что для светского человека цимлянское, предмет вожделения для гостей на именинах Татьяны, – почти такое же «пойло», как пресловутая брусничная вода. Он пьет шампанское, привозимое, естественно, из Франции, но вряд ли, вопреки мнению Лотмана, провинциалы об этом догадываются.

Filologia_5_14.indd 26 14.02.2015 23:36:42

ко на московскую княжну?..» (4, 226). Однако местное общество не мирится с такой дискриминацией, и для толстой дамы с бородавками уже Мери – «пренесносная девчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрела на меня в лорнет…» (4, 239). Неизвестно, правду говорит дама или выдумывает, но очевидно, что лермонтовский роман запечатлел такие формы поведения, которые впоследствии будут казаться решительно недопустимыми с точки зрения приличий. Так, и Печорин, и Мери в романе при всей их светскости публично зевают.

Сколь бы ни было далеко от общества, из которого вышли декабристы, то пестрое общество, которое изображено в «Княжне Мери», даже в него не входят истинные «кавказцы» Максим Максимыч и есаул (в «Фаталисте»). У Максима Максимыча нет выбора, такому «целые пять лет <…> никто не скажет *здравствуйте* (потому что фельдфебель говорит *здравия желаю*)» (4, 176), никаких намеков нет на то, что в крепости были офицеры кроме него и Печорина, отчего он так и ценит «приятельство» с человеком, с которым жил вместе один год. Манеры его отнюдь не изысканные. Обращаясь к Печорину, он сбивается с «вы» на «ты» (Печорин не сбивается, обращаясь к Грушницкому на «ты», как к равному, а к Вернеру на отстраняющее «вы»: оба ему «приятели», а на словах и «друзья», но даже юнкер социально ближе офицеру, чем доктор), заговаривает со случайным спутником без того, чтобы официально, по фамилии, отрекомендоваться, одинаково ударяет по плечу и этого своего спутника-офицера при новой встрече во Владыкавказе, и печоринского лакея. Он постоянно говорит о «бестиях», «плутах», готовых обобрать проезжающих, о «воровском народе» и т. д., вообще о материальной стороне всякого дела. Конечно, это не от жадности, а от практичности и, с другой стороны, от бедности. Своих фазанов он делит с офицером так же охотно, как тот с ним комнату, обещает гордому лакею восьмигривенный на водку – это лишь для петербургского холуя «скромное обещание». Он знаток оружия и театра военных действий, обычаев и психологии реального и потенциального противника. Его речь – речь истинно военного человека, он неизменно ссылается на наименования воинских формирований, приказы по корпусу и т. д. «Девки и молодые ребята становятся в две шеренги <…>» (4, 178), – рассказывает он про горскую свадьбу. Вот он-то едва ли не единственный в романе персонаж, который по-настоящему служит и только раз в жизни пренебрег долгом службы ради собственной надобности. Ему отнюдь не безразличны чины, он гордится тем, что два чина получил «при Алексее Петровиче»[51] (4, 172), и даже время меряет своими чинами

[51] См.: *Мануйлов В.А.* Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. С. 69.

Filologia_5_14.indd 27 14.02.2015 23:36:42

(«Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете <…>» – 4, 176). Типично по-стариковски ценя славное прошлое, он вместе с тем лишь единожды выступает с прямой критикой настоящего: «<…> ну, да чтó приятели в нынешнем веке!..» (4, 207). Но все-таки «веку» досталось и от него. Максим Максимыч еще в одном отношении уникален в романе: он единственный «естественный», но не «дикий» человек на его страницах.

О есауле этого уже не скажешь. Он очень недалеко отошел от «дикости». Если Максиму Максимычу ничего не стоит приказать часовому «ссадить» Казбича, то есаул предлагает «пристрелить» хорошо знакомого ему казака («Ефимыча») и не находит других слов, чтобы сказать матери обреченного на смерть преступника: «– Эй, тетка! <…> поговори сыну; авось тебя послушает… Ведь это только бога гневить. Да посмотри, вот и господа уж два часа дожидаются». Для есаула одинаково весомы аргументы «бога гневить» и «господа дожидаются»[52], да еще «два часа». Однако старый вояка спрашивает приказания майора, добавляя практический аргумент в пользу того, чтобы «пристрелить», – «в ставне щель широкая» (4, 291). Лишь Печорин останавливает майора, вероятно, готового отдать такое приказание.

Это в полном смысле слова служилое дворянство. Ниже его на общественной шкале провинциальные чиновники и помещики, но это уже герои не Лермонтова, а Гоголя. Например, во второй черновой редакции «Ревизора» можно прочитать такое, что принципиально за пределами художественного мира Лермонтова (слова Хлестакова): «Приезжаю я в лучшее общество. Ну, становлюсь в первую пару. Вдруг один из этих молодчиков, знаете, эдакие из числа фанфаронов. Только он, смотрю, наступил мне на самую ногу. Извините, говорит, что не каблуком; а я тут же поворотившись хлоп его по щеке: извините, говорю, что не кулаком. И он после это<го>, знаете, так сконфузился, присел в уголку и уж ни с кем не танцовал»[53]. Казалось бы, это не слишком далеко от печоринского «А! так это вас ударил я так неловко по голове?» (4, 267). Но у Гоголя – комедия, а у Лермонтова «комедия», переходящая в трагедию. *Герой времени* в борьбе, вплоть до рукопашной, с ничтожествами, с антигероями, истинными выразителями времени, фактически оказывается на одном уровне с ними, окружен ими, вынужден с ними сосуществовать. Это уже совсем не смешно, а страшно и горько.

Таким образом, безгеройное, низменное время даже независимо от всей конкретики его официальной политики и идеологии, о которых в романе по существу нет речи, губительно для истинно живого,

[52] См.: *Герштейн Э.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. С. 53.
[53] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. IV. М.; Л., 1951. С. 357.

Filologia_5_14.indd 28 14.02.2015 23:36:42

талантливого человека. Как пишет игумен Нестор, «поэт выразил глубокую скорбь о горестном состоянии российского общества, в котором не нашлось места для личности, наделенной свыше недюжинными задатками»[54].

И.А. Гурвич в статье «Загадочен ли Печорин?» утверждает, однако, «в изображаемых событиях отсутствие более или менее явных признаков детерминирующего фактора, а равно примет внешне обусловленной обреченности героя. Печорин сам себя сознает фатальным орудием зла (играет "роль топора в руках судьбы"), но это, конечно, не приходится толковать в обратном смысле, т. е. выводить отсюда, будто такая "роль" уготована Печорину обстоятельствами. Тем более, что все его поведение показано как им самим программируемое и регулируемое. По существу в сюжете главенствует личная инициатива протагониста. Он действует "от себя", осуществляет собственные замыслы. Он сам судит свои удачи и неудачи – по собственной мерке, он подотчетен только суду своей совести. Детерминизация не только не изображается, но и не подразумевается <…>»[55]. Получается, Печорин сам во всем виноват, как романтический злодей. Как будто об отсутствии детерминации пишет и Т.К. Черная: «Только один Печорин – человек, достигнувший полной степени освобождения от рамок среды». Но она учитывает сложные взаимоотношения активной мыслящей личности и внешнего мира: «Это произошло у него в силу того разочарования в жизни, которое появилось как результат глубокого анализа не только окружающей действительности, но и своего места в ней, следовательно, как результат высокой степени и нравственного, и интеллектуального развития. Всякие попытки вновь включить себя в систему действительности, которая объективно не может удовлетворить духовно свободную личность, приводят Печорина к неудаче, а затем и к гибели»[56]. С примерами из текста о том же пишет Ф.А. Раскольников в статье «"Фаталист" Лермонтова и проблема судьбы в "Герое нашего времени"». «Печорин "счастлив в игре" гораздо чаще, чем Вулич: в романе он добивается осуществления всех своих целей: завоевывает любовь Бэлы и Мери, возвращает себе любовь Веры, унижает Грушницкого, одерживает победу на дуэли, арестовывает убийцу. Но все это – пирровы победы. После каждой из них Печорин мрачнеет все больше и больше. <…> Как Вулич выигрывает пари и теряет жизнь, так и Печорин всегда побеждает, но в конце концов остается совершенно одиноким и умирает

[54] *Нестор* (*Кумыш*), игумен. Тайна Лермонтова. С. 539.

[55] *Гурвич Исаак*. Проблематичность в художественном мышлении (конец XVIII–XX вв.). Томск, 2002. С. 81–82.

[56] *Черная Т.К.* Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. С. 360.

Filologia_5_14.indd 29 14.02.2015 23:36:42

“на большой дороге”». Со ссылкой на К. Тернера[57] Ф.А. Раскольников отмечает, что «Печорин выступает как автор пьесы, режиссер и главный актер, направляющий ее действие в соответствии со своей волей. Однако Печорину лишь кажется, что он – всесильный господин положения. В действительности же его действ<и>я ведут совсем не к тем результатам, которые он предполагал. Печорин хотел подшутить над Грушницким, а вовсе не убивать его – и убил. Он хотел слегка пофлиртовать с Мери, чтобы отвлечь внимание от своего романа с Верой, а дело кончилось драмой для обеих женщин. Оказывается, что, будучи свободным в своих действиях, Печорин не свободен в их последствиях, а именно в них сказывается роковая закономерность: что бы он ни задумывал, все кончается драматически и для него, и для других»[58]. На самом деле Печорин хотел не просто пофлиртовать с Мери ради прикрытия в своем романе с Верой, но во всем остальном Ф.А. Раскольников прав. Главное, что свобода поступков отнюдь не гарантирует реализации намерений героя, тем более его торжества.

Так что проблема детерминации в романе выглядит достаточно сложно. Как сформировался такой характер? По рассказу самого Печорина, к нему с детства относились предубежденно, считая, что он хуже, чем он был, и тем развили в нем изначально не существовавшие пороки. Хотя у него «врожденная страсть противоречить» (4, 225), Печорин стал в чем-то похож на общество, которому себя противопоставлял. И «усвоенная героем норма поведения высшего света со временем и становится его второй сутью»[59]. Но, безусловно, только второй. Такова детерминация в отношении характера. В отношении поступков ее нет, а в отношении результатов поступков и всей судьбы героя – есть. Он действительно обречен – не ближайшими конкретными обстоятельствами, а всем состоянием жизни того времени. Масштаб его личности таков, что он соизмерим с масштабом эпохи, но «победить» эпоху никакой человек не в состоянии. У.М. Тодд III верно констатирует: «В романе нет никаких (даже косвенных) ссылок на историческое время, которые помогли бы читателю ориентироваться в разнородном материале» – и продолжает: «Такая неопределенность делает роман «вневременным», «вечным, внеисторическим», но не в поверхностном, идеологическом смысле, а, скорее, в таком, который заставил бы читателя размышлять над воз-

[57] *Turner C.J.G.* Pechorin: an essay on Lermontov’s “A Hero of Our Time”// Birmingham Slavonic Monographs. 1978. Vol. 5. Другой зарубежный исследователь включил в главу «“Герой нашего времени”: Кавказ как “амфитеатр”» своей монографии раздел «Театральность» (*Тодд III У.М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. С. 180–190).

[58] *Раскольников Ф.* Статьи о русской литературе. С. 175.

[59] *Нестор* (*Кумыш*), игумен. Тайна Лермонтова. С. 486.

Filologia_5_14.indd 30 14.02.2015 23:36:42

можностями истории <…>. В конечном счете, в романе присутствует гораздо более глубокое осознание истории, чем простое упоминание дат, имен и событий»[60]. Что есть, то есть. Однако вместе с тем есть и «вечное». В «Герое нашего времени» немало такого, что важно для самых разных времен. «Эпохальное перерастает <…> в общечеловеческое, национальное – во всемирное, социально-психологическое – в нравственно-философское»[61]. Произведение с заглавием, акцентирующим конкретно-историческое содержание, в своей целостности оказывается романом о преходящем и вечном.

Список литературы

Айтукаев И.Б. О возможных прототипах лермонтовской «Бэлы» // Лермонтов, Россия, Кавказ: движение во времени: Материалы Международной научной Лермонтовской конференции. Нальчик, 2014.

Аманова Г.А. Этические аспекты «этнической» тематики в «Герое нашего времени» Лермонтова и их интерпретация исследователями // Лермонтов, Россия, Кавказ: движение во времени: Материалы Международной научной Лермонтовской конференции. Нальчик, 2014.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IV. М., 1954.

Виноградов И. По живому следу. Духовные искания русской классики. М., 1987.

<Гайтукаев К.Б.> Проблема инонационального характера в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова // Актуальные вопросы современного лермонтоведения. Литературоведение: Материалы и методические рекомендации для общих и специальных курсов. Киев, 1989.

Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VII, VIII. М., 1956.

Герштейн Э. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. М., 1976.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. IV. М.; Л., 1951.

Грибоедов А.С. Горе от ума. 2-е изд., доп. М., 1988 («Литературные памятники»).

Григорьев Аполлон. Собр. соч. Вып. 7. М., 1915.

Григорьян К.Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». Л., 1975.

Гурвич Исаак. Проблематичность в художественном мышлении (конец XVIII–XX вв.). Томск, 2002.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Кондратенкова Е.А. От «Паломничества Чайльд-Гарольда» к «Герою нашего времени» // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 4 (16).

Кормилов С.И. Знаки социального престижа в творчестве Лермонтова (чины, награды, дворянские титулы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 4.

Лермонтов М. Полн. собр. соч.: <В 4 т.> М., 1953.

[60] *Тодд III У.М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. С. 178.

[61] *Удодов Б.Т.* Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». С. 66.

Filologia_5_14.indd 31 14.02.2015 23:36:42

Лермонтовская энциклопедия / Главный редактор В.А. Мануйлов. М., 1981.
Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. М.; Л., 1966.
Марченко Алла. В поисках клада // Правда. 1989. 14 окт.
Марченко А.М. Печорин: знакомый и незнакомый // «Столетья не сотрут…» Русские классики и их читатели. М., 1989.
Михайлова Е. Проза Лермонтова. М., 1957.
Набоков Владимир. Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / Пер. с англ. М., 1996.
Недзвецкий В.А. От Пушкина к Чехову. М., 1997.
Нестор (*Кумыш*), игумен. Тайна Лермонтова. СПб., 2012.
Охлябинин С.Д. Иллюстрированный военно-исторический словарь Российской империи. М., 2008.
Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. V. Л., 1978.
Раскольников Ф. Статьи о русской литературе. М., 2002.
Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. М., 1997.
Тодд III У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., MCMXCVI.
А.С. Траскин – П.Х. Граббе. Пятигорск, 17 июля 1841 // Карпенко А., Прищеп В. Оправдание Лермонтову. Нальчик, 2014.
Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.
Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989.
Черная Т.К. Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. Ставрополь, 2004.
Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. IV. М., 1948.
Щукин Василий. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007.
Эйхенбаум Б. О прозе. Л., 1969.
Turner C.J.G. Pechorin: an essay on Lermontov's "A Hero of Our Time" // Birmingham Slavonic Monographs. 1978. Vol. 5.

Сведения об авторе: *Кормилов Сергей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru

А.С. Бодрова, А.В. Вдовин

ЛЕРМОНТОВ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ (1953–1991): КАНОН, ИДЕОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА[1]

Статья посвящена истории формирования и эволюции лермонтовского канона в советской школе 1950–1980-х годов. На основе министерских программ, школьных учебников, методических пособий выявлен состав текстов, подлежавших обязательному изучению в школьном курсе литературы, и прослежены его изменения от первых советских программ до позднесоветских образовательных стандартов. Помимо этого в статье реконструирована эволюция концепций лермонтовских жизни и творчества в разных учебниках советского времени, показана их связь с идеологическим контекстом эпохи и методологическими поисками в школьном образовании.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, литературная репутация, история рецепции, литература в школе, литературный канон, идеология и педагогика.

The article is about the history of how the Lermontov school canon in the 1950s–1980s Soviet schools was formed and developed. On the basis of curricula from the ministry, school textbooks, as well as manuals on methods of teaching the authors have singled out the corpus of texts subject to obligatory study in the school literature syllabus and followed it through its changes from the first Soviet curricula to the late-Soviet educational standards. Besides, the article reconstructs the evolution of the conceptions of Lermontov's life and work in various Soviet-time textbooks, it shows their connection with the ideological context of the period and methodological searchings in school education.

Key words: M.Yu. Lermontov, literary reputation, the history of reception, literature at school, literary canon, ideology and pedagogy.

Изучение преподавания литературы в советской школе в последнее десятилетие стало полноправной частью большой парадигмы исследований советского прошлого[2]. Предлагаемая статья находится в том же русле, но сфокусирована на позднем периоде – 1953–1990 гг. и ставит целью проследить, как складывался и эволюционировал образ Лермонтова в советской школе[3]. Вслед за исследованием

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

[2] Укажем лишь на наиболее яркие, с нашей точки зрения, работы: [Костин, 2008; Пономарев, 2009; Зубков, 2012; Пономарев, 2014]; а также на важный сборник: Учебный текст в советской школе: Сборник статей / Сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский. СПб.; М., 2008.

[3] Послесталинский период остался практически неохваченным в сжатом очерке истории изучения Лермонтова в школе в «Лермонтовской энциклопедии» [Рез, 1981: 191].

Filologia_5_14.indd 33 14.02.2015 23:36:42

К.Ю. Зубкова о романе «Обломов» [Зубков, 2012], мы исходим из предпосылки, что «советский» Лермонтов должен рассматриваться на фоне дореволюционного канона, так как материал для подобного рода штудий теперь собран в виде электронной базы данных по русским хрестоматиям XIX в. и доступен исследователям[4]. Кроме того, говорить о позднесоветском бытовании Лермонтова без обращения к периоду 1917–1953 гг. было бы столь же методологически некорректно. Такая хронологическая ретроспектива диктует последовательность и ракурс изложения. В первом разделе статьи мы проследим, как эволюционировал школьный репертуар текстов Лермонтова с 1953 по 1991 г. во всех звеньях школы. Материалом для исследования послужили министерские школьные программы и основные советские учебники 1930–1980-х годов. Во втором разделе в центре внимания окажется диапазон школьных интерпретаций Лермонтова, их идеологический и методологический контекст, история их эволюции начиная с послевоенных лет, сквозь «оттепель», «застой» и перестроечные годы.

Творчество Лермонтова в школьных стандартах и учебниках: репертуар и его эволюция (1953–1991)

В отличие от образовательной практики XIX в., в которой содержание гимназических и училищных хрестоматий было, как правило, гораздо шире и богаче министерской программы (см.: [Вдовин, Лейбов, 2013: 19–20]), советская образовательная система с конца 1940-х годов отличалась тождеством программы и реального состава текстов в учебниках. Разумеется, это в первую очередь характерно для начальной и средней школы, где монографическое изучение творчества Лермонтова не предполагалось. В старшем – восьмом – классе подробный разбор основных тем лирики поэта, конечно же, подразумевал обращение к заведомо большему кругу текстов, нежели это было предписано стандартом.

Исследование советских (общесоюзных) школьных программ по литературе за 1919–1991 гг. демонстрирует, что период 1919–1953 гг. отличался от последующих 1953–1991 гг. большей подвижностью репертуара лермонтовских текстов в программе 8 класса средней школы[5] (именно там было локализовано подробное изучение русской литературы первой половины XIX в.), что, очевидно, было связано с формированием нового канона, призванного сменить дореволюционный.

[4] См. базу данных «Состав русских хрестоматий и книг для чтения», подготовленную А.В. Вдовиным. URL: http://ruthenia.ru/canon/ (дата обращения: 11 октября 2014 г.).

[5] Логично предположить, что указанная особенность характерна не только для Лермонтова и отражает относительную по сравнению с предшествующим и последующим периодом гибкость и подвижность школьного корпуса текстов.

Filologia_5_14.indd 34 14.02.2015 23:36:43

К 1917 г. тексты Лермонтова составляли более 5% (563 из 10 000) от всего набора текстов и уступали в количестве лишь Пушкину, Крылову и Жуковскому[6]. Наиболее частотные малые лирические произведения поэта включали «Казачью колыбельную песню» (39); «Ветку Палестины» (30); «Молитву» («В минуту жизни трудную…», 30); «Бородино» (28); «Когда волнуется желтеющая нива…» (26); «Пророк» (26) и «Три пальмы» (26). Из крупных эпических и лиро-эпических текстов наибольшей популярностью пользовались «Герой нашего времени» (54 вхождения, в том числе 10 – «Максим Максимыч»), «Демон» (20, в том числе 10 – отрывок «Монастырь») и «Песня про… купца Калашникова» (20)[7].

Идеологическое давление и новая культурная политика 1920-х годов привели к существенной трансформации школьного корпуса лермонтовских текстов. Во-первых, он лишился четверки наиболее частотных текстов – «Казачьей колыбельной песни», «Ветки Палестины», «Молитвы» («В минуту жизни трудную…») и «Когда волнуется желтеющая нива…», которые, видимо, в силу своей тематики будут элиминированы вплоть до 1991 г. Замещать образовавшиеся пустоты в центре лермонтовского канона пришлось текстами, далеко не самыми популярными в школьном обиходе XIX в. По понятным причинам в первые наркомпросовские программы вошли «обличительные» и «вольнолюбивые» тексты Лермонтова, либо запрещенные царской цензурой, либо включенные в программу в 1900-е годы, после революции 1905 г.: это «На смерть поэта»[8] и «Прощай, немытая Россия…»[9]. Во-вторых, в программе оказались тексты, никогда до этого в ней не появлявшиеся. К числу их относятся «Нищий», «Листок», «Сон», «Слышу ли голос твой…», «Не верь себе» [Примерная программа, 1921].

В-третьих, для вытеснения «старого» канона использовались довольно популярные лермонтовские стихотворения средней частотности: «Парус» (20); «Первое января» («Как часто, пестрою толпою окружен…», 5); «Дума» (13); «Поэт» (7).

---

[6] См. базу данных «Состав русских хрестоматий и книг для чтения». URL: http://ruthenia.ru/canon/

[7] Министерская программа 1890 г. предписывала следующие обязательные тексты: «Ангел», «Бородино», «Ветка Палестины», «Воздушный корабль», «Герой нашего времени», «Казачья колыбельная песня», «Когда волнуется желтеющая нива…», «Молитва» («В минуту жизни трудную…»), «Мцыри», «Пророк», «Спор» [Учебные планы, 1890: 51].

[8] До 1917 г. оно включалось в хрестоматии всего 4 раза (см. упомянутую базу данных).

[9] Характерно, что включению в советскую школьную программу не помешал весьма сомнительный текстологический статус этого восьмистишия в лермонтовском корпусе.

Filologia_5_14.indd 35 14.02.2015 23:36:43

Пережили смену идеологии лишь «Бородино», «Пророк», «Герой нашего времени», «Демон», «Мцыри», «Песня про… купца Калашникова»[10], всегда входившие в программу XIX в. и прочно обосновавшиеся в ней и в советское время.

Уже в программах 1930-х годов подвижность списка перестает существовать: стандарты 1934–1939 гг. закрепляют за 6 классом изучение таких текстов, как «Смерть поэта», «Три пальмы», «Поэт», «Прощай, немытая Россия…», «Парус» и «Сосна», а за 8-м – «Герой нашего времени» (с подробным изучением «Тамани» и «Княжны Мери») [Программа СШ, 1934]. Идеологической доминантой изучения Лермонтова становится вульгарный социологизм и марксизм, трактующие творчество писателя как «следующий после Пушкина этап дворянской литературы», «протест передового дворянства эпохи николаевской реакции против “страны господ, страны рабов” и сознание своего бессилия»[11] [там же: 31]. В эти же годы формируется два «круга» изучения Лермонтова (как и других авторов) – в средней школе и в старшей (8–10 классы). В стандартах 1939–1949 гг. эта раскладка выглядит следующим образом:

5 класс: «Бородино», «Парус» [Программа СШ 5–7 кл., 1939; Программы СШ, 1946] (с 1949 г. «Парус» исключен);

6 класс: «Песня про… купца Калашникова», «В гостях у горцев» (из «Бэлы»), «Тучи», «Три пальмы» [Программы СШ 5–7 кл., 1939; Программы СШ, 1946];

7 класс: «Тамань», «Беглец», «Смерть поэта», «Мцыри» [Программы СШ 5–7 кл., 1939]. В 1946 г. «Беглец» и «Тамань» убраны в дополнительное чтение [Программы СШ 5–7 кл., 1946; Программы СШ 5–7 кл., 1949];

8 класс: монографическое изучение Лермонтова: «Нет, я не Байрон…» (исчезло с 1949 г.), «Парус», «Смерть поэта», «Дума», «Поэт», «Прощай, немытая Россия…», «Родина», «Дубовый листок», «Выхожу один я на дорогу…», «Пророк», поэма «Демон», «Герой нашего времени» [Программы СШ 8–10 кл., 1939: 33]. В 1949 г. к списку добавилось «Первое января» (было в программе до 1953 г.) [Программы СШ 8–10 кл., 1949].

Нормативы 5–7 класса отразились в пособиях по литературному чтению, таких как [Лит. чтение 5–7 кл., 1950], содержавшее «Бородино» (5 класс), «Песню… про купца…» и «Три пальмы» (6 класс), а также «Смерть поэта» и «Мцыри» (7 класс).

В конце 1940-х годов интерпретационная рамка опять меняется и начинает отражать парадигму «народности» и «патриотизма», доми-

[10] Переходный характер послереволюционных программ, отчасти наследующих старым и отчасти порывающих с ними, хорошо виден на примере программы 1919 г.: «Герой нашего времени» (в первую очередь «Бэла», «Княжна Мери»); «Мцыри»; «Демон»; «Песня… про купца...»; «Спор»; «Три пальмы»; «Сосна»; «Казачья колыбельная песня»; «Воздушный корабль»; «Желанье»; «Беглец» [Примерная программа, 1919: 32].

[11] Ср. также сугубо классовую интерпретацию Лермонтова в первом едином советском учебнике [Абрамович, Головенченко, 1934].

Filologia_5_14.indd 36 14.02.2015 23:36:43

нирующих в официальном дискурсе позднего сталинизма (см.: [История критики, 2011: 368–416; Пономарев, 2009: 38–49; Пономарев, 2010а: 215–217]). Аннотация тематического планирования отныне стала включать такие формулировки: «Мотивы тоски и одиночества как выражение протеста против общественно-политической реакции. Темы родины, борьбы за свободу, любви к жизни и людям как основные темы. Обращение Лермонтова к прошлому русского народа в поисках героической личности (купец Калашников). “Смерть поэта” и его революционный смысл. “Бородино”: патриотизм и народность. Лирика Лермонтова – выражение страстного искания общественного дела, смелого протеста против гнета самодержавия, любви к родине и народу» [Программы СШ 8–10 кл., 1949: 21].

Список обязательных текстов Лермонтова, фигурирующих в первой после смерти Сталина программе 1954 г., сократился до изучения «Бородина» в 5 классе, «Песни… про купца Калашникова» и «Туч» в 6-м (ср. хрестоматию [Толстов 6 кл., 1953][12]), «Смерти поэта» и «Мцыри» – в 7 классе[13] и, наконец, «Героя нашего времени», «Смерти поэта», «Поэта, «Родины и «Думы» – в 8 классе (внеклассно предлагался «Демон») [Программы СШ 5–7 кл., 1954; Программы СШ 8–10 кл., 1954].

Хрущевская «оттепель» не принесла ожидаемого обновления: какого-либо принципиального расширения репертуара лермонтовских текстов так и не произошло[14], хотя их интерпретация существенно изменилась (см. об этом ниже). Новации коснулись лишь распределения текстов по классам. Так, в 1955 г. «Смерть поэта» и «Мцыри» на несколько лет (до 1962 г.) переместились в программу 8 класса [Программы СШ 5–7 кл., 1957]. В 1962 г. в программу 6 класса после двадцатилетнего отсутствия вернулся «Парус» [Программы, 1962], а в некоторые хрестоматии и «Три пальмы» [Флоринский 6 кл., 1962; Флоринский 6 кл., 1971]. Главным нововведением хрущевского десятилетия стало появление в программе 1963 г. двух стихотворений – «Выхожу один я на дорогу…» (впервые с 1939 г.) и «Первое января» (впервые с 1953 г.).

Методическая схема постижения школьниками Лермонтова, намеченная еще в самом начале 1940-х гг., оказалась удивительно продуктивной и просуществовала с незначительными вариациями вплоть до 1991 г. (каркас этой же модели используется и по сей день). Предполагается, что в начальной школе (до 1964 г. – 1–4 классы) Лер-

[12] Сюда помимо этих двух текстов вошли отрывок из «Хаджи Абрека» и «Три пальмы».

[13] В реальных хрестоматиях список текстов был чуть шире: «Смерть поэта», «Поэт», «Беглец», «Мцыри» и «Тамань» [Дегожская 7 кл., 1953].

[14] Школьники продолжали учиться по третьему комплекту/поколению учебников, разработанных еще в конце 1940-х гг. [Пономарев, 2014: 154].

Filologia_5_14.indd 37 14.02.2015 23:36:43

монтова в школьном обиходе нет вообще: в программах для начальной школы за 1954–1988 гг. он не значится. Первый текст поэта, с которым учащиеся 4 (или 5) класса должны были познакомиться, – «Бородино» [Браиловская 5 кл., 1964]. Затем историческая проблематика подхватывалась в 6 классе на материале «Песни… про купца Калашникова», остраненной лирическими «Тучами» и «Парусом». Поэма «Мцыри» в 7 классе служила своеобразным переходом к наиболее «серьезным» и «сложным» текстам Лермонтова, изучение которых в 8 классе, очевидно, предполагало знание социально-политической истории России.

Брежневская эпоха в истории советской школы официально сместила начало знакомства с Лермонтовым на целый год: теперь «Бородино» изучалось в 4 классе [Программы СШ, 1965], а «Песня… про купца…» и «Тучи» – в 5-м. С 1966 г. изучение «Мцыри» и «Песни про купца...» прочно обосновывается в 7 классе [Программы, 1966]. Основное же изучение творчества поэта сосредотачивается, как и прежде, в 8 классе, для которого в 1968 г. вышел, наконец, учебник нового поколения под редакцией Н.И. Громова [Громов, 1968] (см. о нем ниже, а также [Пономарев, 2014: 156–165]). В 1966 г. в программу 8 класса, в добавление к давно существовавшему там корпусу текстов, неожиданно вошло стихотворение «Из-под таинственной холодной полумаски…», до 1982 г. в одиночестве представлявшее в официальной программе лермонтовскую любовную лирику [Программы, 1966].

Средняя школа в брежневскую эпоху обновила список лишь для 6–7 классов: с 1975 г. в 5 классе изучаются «Парус» и «Два великана», в 6-м «Тучи» и «Прощай, немытая Россия…», а в 7-м – две поэмы: «Мцыри и «Песня… про купца Калашникова» [Программы, 1975]. Примечательно, что вариативность и приращение текстов достигались за счет расширенного списка внеклассного чтения: в 1975 г. в него входили «Беглец», «Утес», «На севере диком…», «Горные вершины…», «Боярин Орша», «Демон»; в 1980 г. к ним добавились «Воздушный корабль», «Три пальмы» и 8–10 стихотворений на выбор. Например, учебник для 6 класса под редакцией М.А. Снежневской содержал полные тексты «Туч», «Утеса», «Прощай, немытая Россия…» и «На севере диком…» [Снежневская, 1981].

Таким образом, на примере эволюции состава министерских программ отчетливо видно, что в 1919–1953 гг. корпус Лермонтова в школе был гораздо более разнообразным и «открытым» для изменений, нежели в 1953–1990 гг. «Пластичность» и подвижность списка в 1920–1940-е годы объясняется перманентной изменчивостью идеологических директив и выработкой нового советского канона.

Наибольшая закрытость и консервация обязательного лермонтовского корпуса в старшей школе (8 класс) наблюдается в 1954–1988 гг.,

Filologia_5_14.indd 38 14.02.2015 23:36:43

когда он состоит из семи–девяти текстов, нормативно закрепленных программой. Так, с 1954 по 1961 г. программа для 8 класса предписывает всего шесть текстов: «Герой нашего времени»; «Дума»; «Родина»; «Поэт»; «Смерть поэта»; «Мцыри». С 1963 г. в список добавляются «Первое января» и «Выхожу один я на дорогу…». В 1972 г. список расширяется до восьми текстов: «Герой нашего времени»; «Дума»; «Родина»; «Поэт»; «Смерть поэта»; «Первое января»; «Выхожу один я на дорогу…»; «Из-под таинственной холодной полумаски…». В таком виде с единичными заменами (например, убирали два последних текста) он просуществовал все «застойное время» и «перестройку» вплоть до новой программы 1991 г., в которой была сделана попытка пересмотреть советский лермонтовский канон.

В стандарте и примерной программе 1991 г. фигурирует уже 20 текстов: «Герой нашего времени»; «Дума»; «Родина»; «Выхожу один я на дорогу…»; «Смерть поэта»; «Демон»; «Желанье»; «Первое января»; «Молитва» («Я, матерь Божия, ныне с молитвою…»); «Мцыри», «Песня… про купца…»; «Поэт»; «Благодарность»; «Есть речи – значенье…»; «И скучно, и грустно»; «Казбеку»; «Листок»; «Молитва» («В минуту жизни трудную…»); «Пленный рыцарь»; «Пророк». Хорошо видно, как в школу «просачивается» условно религиозная лирика Лермонтова (обе «Молитвы»), расширяется пласт интимной лирики («Есть речи – значенье…»).

Если характеризовать тематический репертуар советского школьного Лермонтова 1953–1990 гг., то особенно заметна его односторонность. В лирике перед нами поэт-патриот («Родина»), желчный сатирик («Первое января», «Дума»), поэт-ригорист («Поэт»). Интимная лирика Лермонтова в списки обязательных к прочтению текстов долго не входила – ее подача оставалась, очевидно, на выбор конкретному учителю (о трансформации отношения к любовной лирике Лермонтова в школьных интерпретациях см. ниже). Отрывки из «Демона» в качестве внеклассного чтения также не могли компенсировать элиминирование любовной лирики, поскольку заглавный образ трактовался как воплощение протеста и вольнолюбия.

Отдельно следует говорить о программе начальной (1–3/4 классы) и средней школы (4/5–7 классы). В книги для чтения в 1-м классе тексты Лермонтова вообще не входили, в отличие от Тютчева, Пушкина и Некрасова. В хрестоматии для 2–4 класса («Родное слово», «Родная речь») часто входили такие тексты Лермонтова, с которыми по программе учащиеся больше не встречались: например, пейзажная и очень ранняя (1828) «Осень» (для 2 класса) [Родная речь, 1976: 29] или отрывок «Терек» из «Даров Терека» [Родная речь, 1953: 234]. Главным лермонтовским текстом 4–5 класса, несомненно, стало «Бородино», которое в большинстве хрестоматий представляет все

Filologia_5_14.indd 39 14.02.2015 23:36:43

творчество поэта. К нему мог добавляться отрывок «Карагез» из «Героя нашего времени» (4 класс) [Родная речь, 1969: 115–116].

В средней школе (5–7 классы) список включал «Парус», «Два великана», «Тучи», «Утес», «Прощай, немытая Россия….», «На севере диком…», «Три пальмы», «Песня про… купца…», отрывок из поэмы «Хаджи-Абрек» «Утро в горах», «Смерть поэта», «Беглец».

Социологический опрос, проведенный Р.Г. Лейбовым в декабре 2013 г. среди 125 респондентов, показал, что в числе «хрестоматийных текстов» стихотворения Лермонтова занимают второе после Пушкина место по частотности припоминаний. Чаще всего респонденты называли «Парус» (27 ответов), «Бородино» (19) и «Выхожу один я на дорогу…» (11) [Вдовин, Лейбов, 2013: 31], что соответствует практике заучивания наизусть в 4–6 классах первых двух стихотворений и в 8-м классе третьего.

В старшем звене школы, когда учащиеся, наконец, должны были прочесть большой корпус поэтических текстов позднего Лермонтова и его роман «Герой нашего времени», учебники и учителя предлагали им не просто анализ конкретных текстов, но концепцию жизни и творчества. Как менялась степень ее идеологизированности, позволяют проследить нарративные главы о Лермонтове в учебниках 8 класса, а также методические пособия, предлагавшие готовые и «идеологически верные» шаблоны интерпретации.

Не ставя перед собой задачи в полной мере охватить весь спектр учебно-методических публикаций о Лермонтове (см. чрезвычайно объемные специализированные разделы в общих лермонтовских библиографиях: [Миллер, 1980, по указ.; Миллер, 2003: 231–247]), мы остановимся на основных тенденциях, сосредоточившись на базовых учебниках, методических указаниях к ним, специализированных пособиях (см. [Рез, 1959; Рез, 1963; М.Ю. Лермонтов в школе, 1976]), а также на публикациях в главном «отраслевом» журнале школьных словесников – «Литература в школе».

Чему учит Лермонтов? Эволюция интерпретаций

Послесталинская эпоха в старшешкольном преподавании литературы была ознаменована скорым переходом на новый учебник для 8-го класса: с 1954 г. основное пособие Н.И. Поспелова и П.В. Шаблиовского, составленное еще в 1939 г., сменил учебник С.М. Флоринского, который, однако, готовился еще на рубеже 1940–1950-х годов и в качестве экспериментального был впервые предложен в 1952 г. (см. [Пономарев, 2009]).

Концепция нового учебника отвечала основным идеологическим тенденциям поздних сороковых, когда на первый план стали выходить, с одной стороны, национально-патриотические ценности, а с другой – декларация бесспорного «мирового значения» русской

Filologia_5_14.indd 40 14.02.2015 23:36:43

культуры в целом и литературы в частности. Соответственно, при анализе творчества всех писателей-классиков начиная от анонимного автора «Слова о полку Игореве» особенно выделялись темы родины, русского народа, его героического прошлого, а также мотив борьбы с разнообразными «врагами России». При этом патриотическая риторика, разумеется, не отменяла классовой идеологии – прогрессивные писатели должны были преодолевать свою изначальную классовую ограниченность, проникаться ценностями угнетенного народа, бороться за его освобождение от гнета крепостного права и «самодержавно-полицейского режима» и тем самым способствовать успехам «освободительного движения», продолжая труды предшественников и предвосхищая явление настоящих творцов Революции.

Концепция жизни и литературной деятельности Лермонтова, предложенная в пособии Флоринского [Флоринский, 1952: 321–358; ср.: 1961: 213–245], ожидаемо иллюстрировала все эти общие идеологические положения. Основным содержанием лермонтовского творчества объявлялись «судьбы родины и народа» [Флоринский, 1952: 321], причем «любить родину в представлении Лермонтова значило бороться за ее свободу, ненавидеть тех, кто держит родную страну в цепях рабства» [там же: 340]. «Любовь к родной стране» крепла в Лермонтове с детства, когда он узнал от тарханских крестьян и о подвиге русского народа в Отечественную войну 1812 г., и о пугачевском восстании [там же: 323]. Эти благотворные впечатления, «шедшие от русской действительности», позволили юному поэту преодолеть «вредные стороны воспитания под руководством иностранцев», а также «содействовали зарождению и укреплению <…> патриотических чувств, свободолюбия и гуманизма» [там же: 324].

Дальнейшая жизнь Лермонтова в изложении авторов учебника представала постоянной и напряженной борьбой против морального гнета, угнетения свободолюбивой мысли и политической реакции, «воцарившейся в стране после разгрома декабристов». Протестом против подавления пансионской вольницы объяснялся уход Лермонтова из Благородного пансиона в 1830 г., увольнение из Московского университета в 1832 г. трактовалось как изгнание за вольномыслие, вынужденными обстоятельствами мотивировалось поступление в Юнкерскую школу – «настоящую казарму николаевского времени» [там же: 325–326], глубоко отчужденными и прямо враждебными рисовались отношения Лермонтова со светским петербургским обществом второй половины 1830-х годов. Едва ли не личным врагом вольнолюбивого поэта представал в учебнике император Николай I – это он посылал Лермонтова «под пули», отправляя в ссылку на Кавказ после дела «о непозволительных стихах» на смерть Пушкина (1837) и после дуэли с Э. де Барантом (1840); «с ведома царя и его семьи» была

Filologia_5_14.indd 41 14.02.2015 23:36:43

организована литературная «травля» Лермонтова (так подавалась публикация повести В.А. Соллогуба «Большой свет» [Флоринский, 1961: 216–217]); одна из дочерей царя намеренно провоцировала поэта на маскараде по случаю нового 1840 г., на что Лермонтов отвечал сатирическим «Как часто, пестрою толпою окружен…», которое еще больше настроило императорское семейство «против дерзкого поэта» [там же: 329]. В таком контексте неудивительно, что дуэль с Мартыновым интерпретировалась как «обдуманное политическое убийство», которое было с радостью встречено Николаем I и придворными кругами.

Эта биографическая схема, решительно пересматривавшая более сдержанный, лишенный «патриотических» перегибов и острого драматизма прямого противостояния самодержавию биографический нарратив в учебнике Поспелова-Шаблиовского (см.: [Поспелов, Шаблиовский, 1939: 319–343; 1953: 304–350]), оказалась исключительно живучей в педагогической традиции. Учебник следующего поколения, подготовленный в конце 1960-х годов и официально принятый в 1971 г., несмотря на бурные методологические дискуссии «оттепели», строил свой рассказ о жизненном пути Лермонтова по той же «патриотической» схеме, которая была намечена в учебнике Флоринского, но с повышением риторического градуса, особенно заметного в описании последней дуэли, представавшей прямо инспирированной царским двором и чуть ли не лично императором (подробнее см. ниже).

Преемственность по отношению к старому учебнику конца 1930-х годов (и, наоборот, отличия от пособий следующего поколения) обнаруживал раздел, посвященный интерпретации программных сочинений Лермонтова, число которых в стандартах 1950-х годов несколько сократилось по сравнению с программами предшествующего десятилетия. Учебник Флоринского предлагал весьма сжатые характеристики лермонтовских текстов, причем подробного разбора из лирики удостоились только «Смерть поэта», «Дума» и «Родина» [Флоринский, 1961: 223–225, 225–226, 227–228], весьма концентрированно давался и анализ «Героя нашего времени» [там же: 235–244], касавшийся проблем жанра и композиции, а также образов Печорина и ряда второстепенных героев (Грушницкого, Максима Максимыча, Вернера; общую характеристику получили женские образы, «типы горцев», а также «дворянское общество»).

В связи с тем, что «Герой…» рассматривался как «первый русский реалистический социально-психологический роман в прозе» [Флоринский, 1952: 345] или по позднейшей формулировке – «первый реалистический психологический роман» [Флоринский, 1961: 235], акцент, естественно, был сделан прежде всего на разборе «Княжны Мери», помимо которой привлекался материал «Бэлы» и «Максима

Filologia_5_14.indd 42 14.02.2015 23:36:43

Максимыча». Из персонажей «Тамани» в учебник попала только девушка-контрабандистка, воплощающая «дикую свободу» и «природность» народной жизни, а повесть «Фаталист» упоминалась только при перечислении частей лермонтовского романа. Но даже и такая подача материала выглядела существенным шагом вперед по сравнению с учебником Поспелова-Шаблиовского, в котором анализ романа по сути подменялся характеристикой Печорина, служившего воплощением прогрессивного, но все же «страшно далекого от народа» типа дворянина, вынужденного бесплодно тратить талант и душевные силы в условиях «подавления здоровой общественной деятельности».

Из старой программы перешли в учебник Флоринского характеристики поэм Лермонтова – «Мцыри» и «Демона», определенного с 1954 г. в разряд внеклассного чтения. Однако «Демон» оставался очевидно важным в характеристике Лермонтова – как яркий образ протеста и бунта, в который «по духу времени и вкусу» вчитывался «общественный протест против российской действительности, против царя, против религии», «отрицающий несправедливый общественно-политический строй» [Флоринский, 1961: 229] (ср.: сходные интерпретации в методических пособиях [Рез, 1959: 25–26]).

Завершал лермонтовский раздел в «патриотическом учебнике» Флоринского параграф «Значение Лермонтова в истории русской литературы», которое не сводилось к предвосхищению пути революционных демократов и великих русских писателей второй половины XIX в., но заключалось также в «обучении» поэтов разных народов СССР.

Учебник Флоринского, таким образом, резюмировал отношение к творчеству Лермонтова как совершенно внеличному отражению эпохи и общества, социального класса и поколения. Биографические подробности, которые должны были индивидуализировать творческий путь поэта, по сути оставались историко-бытовым антуражем – даже конкретная семейная драма (разлад между родителями, ранняя смерть матери, конфликт отца и бабушки) интерпретировалась не как важное событие в личной судьбе Лермонтова, но как обстоятельство, заставившее его «задуматься над отношениями между людьми и почувствовать себя одиноким» [Флоринский, 1961: 213].

Такая трактовка поддерживалась и на страницах методического журнала «Литература в школе», где с подобными интерпретациями выступали вполне серьезные академические ученые вроде Б.В. Неймана, который утверждал, что Лермонтов –

«орган общества» не только в стихах на большие социальные темы – о любви к родине, о царской тирании, о пороках светского круга. Он голос передовых людей эпохи и тогда, когда иронически благодарит бога за горечь своей жизни («Благодарность»), дает себе слово быть неизменным, как его

Filologia_5_14.indd 43 14.02.2015 23:36:43

«друг железный» («Кинжал»), или, не без чувства тайного удивления, отмечает отзывчивость и душевную чистоту в светской женщине («А.Г. Хомутовой»). И горькие мысли о жизни, и раздумья о необходимости сохранить стойкость среди измен и предательств, и суждения о женщинах света – печальный опыт любовных увлечений – все это обусловлено временем, когда жил и творил Лермонтов.

[Нейман, 1954: 13]

«Общественный» пафос Лермонтова Нейман доводил до крайности, призывая видеть его не только в «Парусе» (ср. «Оставаясь пейзажной зарисовкой, стихотворение таило в себе высокую идею протеста и возмущения»), но даже и в «Трех пальмах», которые, оказывается, заключают «иносказательное изображение бессердечия и неблагодарности светского общества», «Листке» (в котором говорится «о самом поэте и его социальном окружении»), стихотворении «Ребенка милого рожденье...», трактовавшемся как протест против «развращающего влияния» светского общества [там же: 15, 18, 20].

Такого рода внеличностные интерпретации, насаждаемые только что принятым учебником и методическими выступлениями вроде неймановского, выглядят тем выразительнее, что уже с 1953 г. и в школу стали проникать новые «оттепельные» веяния, принесшие в образование идеи личностного воспитания и общечеловеческой, надклассовой нравственности. Так, например, уже в пособии 1953 г. «Сочинение в старших классах как самостоятельная работа» авторитетный школьный методист В.В. Литвинов призывал не бояться личностного, эмоционального подхода в изучении классических текстов – в том числе лермонтовских, и приводил в качестве методически прогрессивного примера сочинение юноши, осмыслявшего поведение Грушницкого не в социально-исторической перспективе (как призывал это делать учебник Флоринского), но в соотнесении со своими собственными душевными слабостями [Литвинов, 1953: 16–17].

Особенно активно эта новая линия в методике и принципах интерпретации и подачи классических текстов развернулась в конце десятилетия – на рубеже 1950–1960-х годов – как на страницах журналов и газет, так и в методических пособиях. В этом отношении конкретные статьи о Лермонтове и подходе к преподаванию его произведений и биографии – лишь наглядная иллюстрация более общих процессов, в целом охарактеризованных в недавней публикации Е.Р. Пономарева [Пономарев, 2010b].

Протест оттепельных методистов вызывало главным образом отсутствие личного, человеческого, а потому воспитательного и вневременного начала в школьных трактовках программных героев и авторов. Предлагаемые учебниками интерпретации стали казаться чересчур историзированными, лишенными связи с современными

Filologia_5_14.indd 44 14.02.2015 23:36:43

проблемами и жизнью[15], а потому не понятными молодым советским читателям, которые за исторической обусловленностью и типичностью того или иного персонажа могли не увидеть общечеловеческого содержания – ср. сходные рассуждения московского учителя Л.С. Айзермана и преподавательницы из Даугавпилса М.М. Варшавской:

Обычно поэзия Лермонтова при изучении ее в VIII классе рассматривается как художественное выражение взглядов и настроений передового человека в эпоху реакции. Но этого мало для того, чтобы учащиеся смогли по-настоящему почувствовать и полюбить стихотворения Лермонтова. Задача учителя – раскрыть перед молодежью общечеловеческие чувства, волновавшие поэта, и найти им отклик в переживаниях самих детей.

[Варшавская, 1959: 67]

…Мы учили гладко, без стилистических ошибок, по плану *рассказывать* о паразитизме Обломова и твердой воле Рахметова <...> забывая, что в сотни раз важнее *воспитывать* в ученике ненависть к стяжательству и паразитизму, выковывать волю, формировать идейную убежденность. <…> если на уроке идет речь о Печорине, то мы не ограничимся раскрытием исторической обусловленности этого образа, а постараемся довести очень современную и очень важную для юношества мысль: талант, сила, ум, не вдохновленные большой идеей, растрачиваются на пустяки, ведут к душевной опустошенности

[Айзерман, 1959: 74, 77]

«Открытие» внеисторического, так сказать, «вечного», вневременного плана в литературных произведениях и личностных, индивидуальных, собственно «человеческих» (а не только типичных, классовых и т. д.) черт в характерах героев и писателей, безусловно, углубляли и усложняли интерпретационные схемы, позволяли хотя бы отчасти уходить от исключительно идеологической и социологической проблематики в анализе текста, расширяли тематические рамки программ. На волне «оттепели» в программу постепенно возвращались темы любви и дружбы, тема природы, нравственная и философская проблематика и т. д. (ср. их освещение в [Рез, 1963: 106–110, 121–122]) – в этом отношении классическая литература казалась проверенным, надежным образцом, который можно рекомендовать советской молодежи:

<…> скверную традицию игнорирования, замалчивания любовной лирики наших великих поэтов необходимо преодолеть, пусть учащаяся молодежь читает, заучивает наизусть любовные стихотворения Пушкина,

[15] Призывы повернуть к «жизни» и современности изучение литературной классики имели и важную идеологическую опору, выразив таким образом реакцию школьных словесников на принятый в конце 1958 г. закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (ср. требования преодоления «опасного отрыва школы от жизни, который столь сурово осужден Коммунистической партией», в статье Л.С. Айзермана [Айзерман, 1959: 74]).

Filologia_5_14.indd 45 14.02.2015 23:36:43

Лермонтова, Некрасова, Маяковского, современных поэтов, увлекается ими – она только выиграет от этого, обогатится высшим пониманием прекрасного чувства.

[Амитиров, 1962: 23]

Характерно, что уже с начала 1960-х годов в методичках и пособиях для учителей начинают появляться проспекты вечеров по поэзии Лермонтова, где за основу берется именно любовная лирика, расширяется круг программных текстов – в 1963 г. в программе появляются «лично-философские» «Как часто, пестрою толпою окружен…» и «Выхожу один я на дорогу…», а в 1966 г. образец чистой любовной лирики – «Из-под таинственной холодной полумаски…».

В методических рекомендациях по работе с «Героем нашего времени» в начале 1960-х годов возникает разбор «Фаталиста»[16], который – напомним – в базовом учебнике Флоринского упоминался только вскользь. Правда, заключительная новелла из «Журнала Печорина» и в 1960-е годы, и в последующие два десятилетия интерпретировалась как призыв к действию вопреки угнетающим обстоятельствам и предопределению: «Лермонтов показал обусловленность, предопределенность своего героя временем и средой, он показал фатальность гибели лучших людей в условиях николаевской действительности», но Печорин «своим поступком <…> доказывает нечто очень важное: есть судьба или нет, человек должен действовать и смело идти ей навстречу» [М.Ю. Лермонтов в школе, 1976: 200–201][17].

Перестают быть табуированными и религиозные темы и образность, обсуждения которых учитель не должен бояться, но, впрочем, объяснять, что «религиозная терминология: бог, ангел, душа и пр. – еще не доказывает религиозности поэта» и что «реализм поэта

[16] Рекомендованные министерством просвещения специализированные методические пособия были ожидаемо более консервативно-сдержанными, чем некоторые журнальные и книжные публикации. Так, в методической книге «Лермонтов в школе», вышедшей в 1959 г. (второе, дополненное издание – 1963 г.), специального разбора «Фаталиста» еще нет, однако несколько раз подчеркивается значение повести в общей структуре романа и построении характеристики Печорина (ср. раздел планирования уроков по «Герою...»: «Образ Печорина. Значение новеллы “Фаталист” для понимания образа главного героя идейного смысла романа» [Рез, 1963: 127]): «Всем укладом жизни Печорин был обречен на бездействие, судьба его в значительной степени оказалась “предопределенной“ обстоятельствами. Но Лермонтов не восклицает: “Да здравствует фатализм!” <...> Лермонтов утверждает необходимость борьбы, активного отношения к жизни при любых условиях. Возможно именно поэтому “Фаталист” и оказывается в конце романа, когда суд над героем свершен» [Рез, 1959: 192; ср. Рез, 1963: 200].

[17] Ср. формулировки «брежневского» учебника под редакцией Н.И. Громова и пособия 1980 г. для поступающих на филологический факультет МГУ: «… из всех событий, изображенных в повести, герой делает далеко идущие выводы: при любых обстоятельствах <...> нужно действовать, проявлять свою волю и решимость» [Громов, 1976: 198], «“Фатализм” героя не имеет фаталистического смысла, а отрицает пассивность, зовет к борьбе» [Грихин, Смирнов, 1980: 64].

Filologia_5_14.indd 46 14.02.2015 23:36:43

приводит его к материализму, особенно ярко и последовательно проявившемуся в романе “Герой нашего времени”» [Амитиров, 1962: 99–100]. В середине 1960–1970-х годов формулировки станут менее одиозными и более снисходительными к религиозному чувству: так, при разборе «Смерти поэта» образ тернового венца будет предложено толковать через отсылку к изображениям Христа [Соловьева, 1965: 157], а в методических указаниях 1970-х годов автор базового учебника Н.И. Громов назовет превосходным – уже без всяких оговорок – стихотворение «Молитва» («Я, матерь Божия, ныне с молитвою…») [Громов, 1977: 165].

Рост внимания к личным, индивидуальным чертам авторов и героев и их переживаниями повышал удельный вес биографических интерпретаций – причем не только в социологизированном варианте (Лермонтов как представитель передового дворянства выражает его разочарование в общественной борьбе), но и в биографически-индивидуализированном (Лермонтов-человек выражает свои конкретные чувства к Н.Ф. Ивановой и т. д.). Наряду с идейной появляется и эстетическая оценка, которая постепенно становится немаловажным критерием при разборе тех или иных произведений.

На первый взгляд такой личностно-эмоциональный, общечеловеческий и эстетический подход, который сумели отстоять «оттепельные» методисты, был несомненно прогрессивным и отчасти освобождающим от идеологического гнета. Однако при этом в «оттепельной» интерпретационной конструкции были заложены «мины» замедленного действия, сказавшегося, как кажется, и в постсоветской школьной практике.

В ближайшей перспективе «эмоционализм» и пафос воспитания юных душ, привнесенные учителями и методистами конца 1950-х – начала 1960-х годов, только усилили идеологическую индоктринацию школьников, которые теперь должны были не просто описывать недостатки Печорина как представителя неспособного к действию разочарованного поколения эпохи «николаевской» реакции, но «любить» и «ненавидеть» их и выражать личное к ним отношение (ср. предлагаемые темы сочинений «Что мне нравится в Печорине и за что я его осуждаю в повести “Бэла”?» [Рез, 1959: 213], «Что я *люблю* и что *ненавижу* в образе Печорина» [Амитиров, 1962: 140]; «*Мое отношение* к действиям и характеру Печорина в Тамани», «За что я *осуждаю* и почему *жалею* Печорина?», «Опасны или жалки Грушницкие в романе и в жизни?» [Рез, 1963: 221–222]). И хотя новые методисты не раз отстаивали право учеников на ошибки, «хороший учитель» должен был разубедить заблудших и заблуждающихся, доказать верность предлагаемых формулировок и интерпретаций, которые в основе своей продолжали оставаться и классовыми, и социологизированными, и подчеркнуто патриотическими. Так, поэ-

Filologia_5_14.indd 47 14.02.2015 23:36:44

зия Лермонтова объявлялась «трибуной совести, праведного гнева и смелого сердечного порыва» [Амитиров, 1962: 121], но при этом «высокогуманистический духовный облик гениального поэта» все равно неизменно противостоял «отвратительному лицу самодержавной России с ее приспешниками» [Соловьева, 1965: 155].

В то же время акцент на вневременном содержании произведений и настойчивые параллели с современностью, порой доходившие до абсурда[18], постепенно лишали школьные интерпретации исторического и уж тем более историко-литературного контекста (многие «эмоционально-воспитательные» характеристики разных писателей и произведений в учебных пособиях становятся неотличимо похожи друг на друга. Анализ образов героев, где внимание уделялось личной, эмоциональной оценке («чем мне близок образ Мцыри / Печорина / купца Калашникова), все больше приближался к бытовой, а не к историко-литературной характеристике, против чего еще в 1940-е годы восставал Г.А. Гуковский. Кроме того, внимание к общечеловеческой, морально-нравственной проблематике, которую для школы тоже «открыли» на волне «оттепели», потом, уже после крушения советской власти и идеологии, в начале 1990-х годов породит и до сих пор процветающие в школьном обиходе «духовно-нравственные» интерпретации[19], часто лишенные всякого историко-литературного смысла и в последние годы еще и отягощенные официальным православием.

Возвращаясь к методологическим дискуссиям и интерпретационным исканиям конца 1950-х – начала 1960-х годов и подводя их итог, нельзя не отметить того существенного сдвига относительно концепции учебника Флоринского, который зафиксировали методические публикации этого времени. С их учетом гораздо более детальной и индивидуализирующей проработки требовала биографическая часть главы о Лермонтове, существенно должен был быть пересмотрен и

[18] Ср., например, предлагавшиеся при анализе «Паруса» и «Думы» проекции на советскую современность: «Разве не просит бури наша героическая молодежь, едущая на целину, на стройки Севера, на Камчатку…», «Восприятие лермонтовской “Думы” будет острее, глубже, если преподаватель поставит перед учениками такие вопросы: “Прав ли Лермонтов, осуждая свое поколение?”; “Почему у нашей молодежи не может возникнуть подобного отношения к жизни?” <…> Сопоставление заставило школьников глубоко почувствовать счастье жить и трудиться в советской стране и по-новому прочитать “Думу”» [Варшавская, 1959: 67].

[19] Чрезвычайно показательной в этом отношении кажется статья И.П. Щеблыкина, который еще в 1990 г. призывал сосредоточиться в изучении и преподавании творчества Лермонтова на «нравственно-философском и эстетическом содержании», «стремлении отыскать пути духовного и социального возрождения человека», потому что «истинное искусство всегда человечно, <...> стало быть, молодые поколения недобирают именно в этой сфере, конкретнее говоря – в нравственности, что в свою очередь порождает другие перекосы в общественном быту, в экономике и т. д.» [Щеблыкин, 1990: 4].

Filologia_5_14.indd 48 14.02.2015 23:36:44

раздел, посвященный творческому наследию поэта, – не только из-за включенных в программу новых текстов, но и из-за необходимости расширения литературного контекста – теперь в обзоре нельзя было обойтись без любовной лирики, темы дружбы и одиночества (вовсе не представленных у Флоринского), подробного разбора образной системы «Героя нашего времени».

Новый учебник, ставший ответом на эти методические запросы, появился, однако, только в 1968 г., когда был предложен проект пособия для 8 класса под редакцией Н.И. Громова [Громов, 1968], окончательно утвержденного в качестве основного в 1971 г. вместе с новой программой средней школы. Несмотря на серию последующих переработок (см. об этом [Пономарев, 2014]), практически не затронувших, впрочем, раздел, посвященный Лермонтову, концептуально учебник менялся не сильно и, выдержав 16 изданий до 1990 г., дожил до конца советской эпохи и школьной программы.

Редактор учебника и автор ряда ключевых глав (в том числе о Лермонтове) Н.И. Громов декларировал в качестве основы нового пособия установку на соединение личного, эмоционального восприятия произведений с историческими знаниями: «Личное отношение учащихся к литературным героям вполне приемлемо и ценно, когда оно формируется на основе не только индивидуального эстетического вкуса, жизненного опыта, но и научных знаний, раскрывающих историческую основу изучаемого произведения» [Громов, 1971b: 36]. На деле это оборачивалось методологической эклектикой: старые, еще с конца 1940-х годов идущие идеологические – национально-патриотические и классовые – установки соединялись с эмоционально-оценочными характеристиками и анализом, порождая конструкции такого рода: «В своей поэзии, всегда искренней, страстной и взволнованной, Лермонтов отвергает сложившиеся веками устои крепостнической России и желает видеть русский народ свободным и просвещенным <…> Поэзия Лермонтова – поэзия глубокой мысли, гражданского долга и жажды жизни» [Громов, 1971a: 193], «Прогрессивные читатели и критики тех лет восторгались такими дивными стихотворениями Лермонтова, как “Дума”, “Поэт”, “Не верь себе”» [Громов, 1976: 165].

Преемственность по отношению к предыдущему учебнику Флоринского хорошо видна в биографическом разделе [Громов, 1971a: 165–179], написанном по старому идейному лекалу (Лермонтов – преемник Пушкина и декабристов, ненавидящий самодержавие и «мундиры голубые», но беззаветно любящий родину и свой народ, протестующий против крепостного права и выражающий разочарование передового дворянства), но с усилением повествовательной эмоции – ср., например, подачу одного и того же события, смерти Пушкина, в двух учебниках: «27 января 1837 года произошла дуэль Пушкина с Дантесом. Пушкин был смертельно ранен. <…> Это из-

Filologia_5_14.indd 49 14.02.2015 23:36:44

вестие буквально потрясло Лермонтова [Флоринский, 1961: 217] – «27 января 1837 года раздался злодейский выстрел Дантеса. <…> Горестное известие потрясло его [Лермонтова] впечатлительную душу» [Громов, 1971а: 171] и т. д. На эмоциональное восприятие работают также многочисленные цитаты из текстов Лермонтова, критических статей Белинского и публицистики Герцена, которыми щедро иллюстрируется собственно биографический нарратив.

Сходную технику Громов применяет и в разделах, посвященных собственно творчеству Лермонтова, – в редакции 1971 г. последовательно характеризуется ранняя и поздняя лирика (в издании 1976 г. и последующих эта дифференциация снята), а затем подробно разбирается «Герой нашего времени. В отличие от немногословных учебников предыдущих поколений, в пособии Громова лирика Лермонтова представлена очень объемно – здесь упоминаются и прямо цитируются большое число внепрограммных текстов, строками из которых названы отдельные параграфы («Нет, я не Байрон…», «И душно кажется на родине…», «Любовь не красит жизнь мою…», «Напрасно С враждой боролася любовь…»). Помимо традиционных тем поколения («Дума»), поэта и поэзии («Поэт», «Пророк»), родины («Родина»), представленных во всех без исключения учебниках советского времени, отдельно выделены темы любви и дружбы, показано значение пейзажной и философской лирики, – несомненный результат «оттепельных» новаций. Такой подход, предполагающий обязательное знакомство с целым рядом внепрограммных лирических произведений Лермонтова («1831-го июня 11 дня», «Я жить хочу, хочу печали…», «Когда твой друг с пророческой тоской…», «Любил и я в былые годы…», «Оправдание», «Портрет», «Когда волнуется желтеющая нива…» и др.), по-видимому, должен был компенсировать скудость предписанной программы в отношении лермонтовской лирики.

Достижения «оттепели» отразились и в подаче материала, связанного с «Героем нашего времени»: соответствующий раздел тоже существенно разросся по сравнению с прежними учебниками – за счет более подробного анализа самой структуры романа в целом и всех новелл в частности (так, наконец, появляется отдельный раздел о «Фаталисте» [Громов, 1971а: 208–209]), расширения числа «разобранных» второстепенных персонажей – среди которых появляются и горцы, и контрабандисты. Отметим также и усиление национально-воспитательного элемента (Лермонтов провозглашается певцом кавказских народов и Кавказа и сторонником «дружбы народов»), тоже отвечавшее еще оттепельным «вызовам»[20].

[20] Ср. яркую статью А.М. Дедюхина, в 1961 г. жестко критиковавшего учебник Флоринского за замалчивание кавказской темы при анализе «Героя нашего времени» и подчеркивавшего, что «роман Лермонтова и другие его произведения

Filologia_5_14.indd 50 14.02.2015 23:36:44

По-видимому, эта эклектичность учебника Громова, сочетавшая, с одной стороны, «правильные» и устоявшиеся идеологические трактовки, восходящие в основе своей к более ранним советским учебникам, прежде всего к «патриотическому» учебнику Флоринского, и признанные достижения оттепельного «эмоционализма», обеспечила ему – при незначительных стилистических корректировках – долгую жизнь в позднесоветской школе. Способствовали этому и производившие впечатление основательности и академичности мнимая ориентированность на разбор текстов (в сущности довольно односторонний – эмоционально-оценочный или социологизированный) и опора на некоторый научный аппарат (в списке рекомендованной литературы – и «Летопись…» В.А. Мануйлова, и «Загадка Н. Ф. И.» И.Л. Андроникова, и «Поэзия Лермонтова» Д.Е. Максимова). В силу всех этих обстоятельств школьный Лермонтов надолго «законсервировался» в эмоционально-патриотическом обличьи разочарованного, но вечно борющегося прогрессивного и просвещенного человека эпохи «николаевской реакции», воплощающего не только конкретно-исторические черты «героя своего времени», но и общечеловеческое стремление к свободе и деятельности.

Список источников и литературы

Абрамович Г., Головенченко Ф. Русская литература: Учебник для средней школы. Восьмой год обучения. М., 1934.

Айзерман Л.С. Уроки литературы и жизнь // Литература в школе. 1959. № 4. С. 74–79.

Амитиров Г.Е. Изучение поэтов в школе. Из опыта учителя литературы. М., 1962.

Браиловская 5 кл., 1964 – Родная литература: Хрестоматия для 5-го класса / Сост. В.В. Голубков, А.П. Алексич, С.М. Браиловская. 5-е изд. М., 1964.

Варшавская М.М. Изучение поэзии – ближе к жизни // Литература в школе. 1959. № 3. С. 66–68.

Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX века // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX века и поэтический литературный канон / Ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Tartu: University of Tartu Press, 2013. С. 7–34 (Acta Slavica Estonica. IV)

Грихин В.А., Смирнов А.А. Пособие по русской и советской литературе: Для поступающих на гуманит. фак. ун-тов. М., 1980.

Громов, 1968 – Русская литература: Учеб. пособие для 8-го кл. сред. школы / Под ред. Н.И. Громова. М., 1968.

Громов, 1971(*а*) – Русская литература: Учеб. пособие для 8-го кл. сред. школы / Под ред. Н.И. Громова. М., 1971.

наносили удар по реакционной шовинистической литературе, писавшей ложь о народах Кавказа с целью вызывать к ним ненависть у других народов страны. Поэт Кавказа воспитывал своих читателей в духе дружбы и уважения ко всем народам» [Дедюхин, 1961: 72].

Filologia_5_14.indd 51 14.02.2015 23:36:44

Громов, 1971(*a*) – О новом учебном пособии по литературе для VIII класса // Литература в школе. 1971. № 4. С. 35–40.
Громов Н.И. Методическое руководство к учебнику «Русская литература» для 8 класса. 2-е изд. М., 1977.
Дегожская 7 кл., 1953 – Родная литература: Хрестоматия для VII класса семилет. и средн. школы / Сост. А.С. Дегожская, Л.С. Троицкий. Т.В. Чирковская. 11-е изд. М.; Л., 1953.
Дедюхин А.М. К вопросу об интернациональном воспитании при изучении творчества Лермонтова // Литература в школе. 1961. № 1. С. 70–72.
Зубков К.Ю. Лакуны учебника: роман «Обломов» в средней школе // Русская литература. 2012. № 2. С. 39–50.
История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011.
Костин А.А. А.Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе. Сборник статей / Сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский. СПб.; М., 2008. С. 10–25.
Лит. чтение 5–7 кл., 1950 – Литературное чтение в V–VII классах: Метод. пособие для учителя / Под ред. В.В. Голубкова. М., 1950.
Литвинов В.В. Сочинение в старших классах как самостоятельная работа. М., 1953.
М.Ю. Лермонтов в школе / Сост. А.А. Шагалов. М., 1976.
Миллер, 1980 – Библиография литературы о М.Ю. Лермонтове (1917–1977 гг.) / Сост. О.В. Миллер. Л., 1980.
Миллер, 2003 – Литература о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Библиографический указатель. 1978–1991 / Сост. О.В. Миллер; под ред. Г.В. Бахаревой. СПб., 2003.
Нейман Б.В. Лирика Лермонтова // Литература в школе. 1954. № 6. С. 13–25.
Пономарев Е.Р. Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940–1950-е годы) // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 37–57.
Пономарев Е.Р. (*a*) Чему учит учебник? Учебник по литературе в рамках советской школы // Нева. 2010. № 1. С. 208–220.
Пономарев Е.Р. (*b*) Методика оттепели // Нева. 2010. № 11. С. 267–287
Пономарев Е.Р. Общие места литературной классики: Учебник брежневской эпохи разрушился изнутри // Новое литературное обозрение. 2014. № 126. С. 154–181.
Поспелов Н.И., Шаблиовский П.В. Русская литература: Учебник для VIII класса сред. школы. М., 1939.
Поспелов Н.И., Шаблиовский П.В. Русская литература: Учебник для VIII класса сред. школы / Под общ. ред. Н.Л. Бродского. 13-е изд. М., 1953.
Примерная программа по истории русской литературы. Пг., 1919.
Примерная программа по литературе для школы 2 ступени. М., 1921.
Программа средней школы. 8–10 классы. Литература. 2-е изд. М., 1934.
Программы восьмилетней средней школы на 1975–1976 уч. год. М., 1975.
Программы восьмилетней школы. Литература. М., 1966.
Программы восьмилетней школы. Русский язык и литература. М., 1962.
Программы средней школы на 1954–1955 г. Русский язык и литература. 8–10 класс. М., 1954.
Программы средней школы на 1954–1955 г. Русский язык и литературное чтение. 5–7 классы. М., 1954.

Filologia_5_14.indd 52 14.02.2015 23:36:44

Программы средней школы на 1957–1958 учебный год. Русский язык и литературное чтение. 5–7 классы. М., 1957.
Программы средней школы. Литература. 8–10 классы. М., 1939.
Программы средней школы. Литература. 8–10 классы. М., 1946.
Программы средней школы. Литература. 8–10 классы. М., 1949.
Программы средней школы. Литература. М., 1965.
Программы средней школы. Русский язык и литературное чтение (5–7 классы). М., 1939.
Программы средней школы. Русский язык и литературное чтение. 5–7 классы. Рига, 1946.
Рез З.Я. М.Ю. Лермонтов в школе. Л., 1959.
Рез З.Я. М.Ю. Лермонтов в школе. 2-е изд., доп. Л., 1963.
Рез З.Я. Изучение Лермонтова в школе // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981. С. 189–192.
Родная речь: Книга для чтения в III кл. нач. школы / Сост. Е.Е. Соловьева, Н.Н. Щепетова, Л.А. Карпинская и др. 9-е изд. М., 1953.
Родная речь: Книга для чтения в 4-м классе нач. школы / Сост. Е.Е. Соловьева, Н.Н. Щепетова, В.И. Волынская и др. 26-е изд. М., 1969.
Родная речь: Книга для чтения во втором классе / Сост. М.С. Васильева, Л.А. Горбушина, Е.И. Никитина и др. 4-е изд. М., 1976.
Русская литература: Учебник для восьмого класса сред. школы / Сост. Н.К. Семенова, Н.А. Спицына, В.И. Коровин, Н.И. Громов; под ред. Н.И. Громова. 6-е изд., перераб. М., 1976.
Снежневская, 1981 – Родная литература: Учебник-хрестоматия для 7-го кл. / Сост. М.А. Снежневская и др. М., 1981.
Соловьева Н.М. Изучение лирики М.Ю. Лермонтова в VII классе // Вопросы преподавания литературы в средней школе. М., 1965. С. 152–168 (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. № 241).
Толстов 6 кл., 1953 – Родная литература: Хрестоматия для 6-го класса сред. школы / Сост. А.С. Толстов, П.А. Шевченко, В.П. Цветаев. 13-е изд. М., 1953.
Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях. СПб., 1890.
Флоринский 6 кл., 1962 – Родная литература: Хрестоматия для 6-го кл. / Сост. П.А. Шевченко, С.М. Флоринский. 3-е изд., перераб. М., 1962.
Флоринский 6 кл., 1971 – Русская литература: Хрестоматия для 6-го кл. / Сост. П.А. Шевченко, С.М. Флоринский. 12-е изд. Киев, 1971.
Флоринский С.М. Русская литература: Учебник для 8 класса средней школы. М., 1952.
Флоринский С.М. Русская литература: Учебник для 8 класса средней школы. 8-е изд. М., 1961.
Щеблыкин И.П. Проблемы изучения творчества М.Ю. Лермонтова в вузе и в школе на современном этапе // Изучение творчества М.Ю. Лермонтова в вузе и школе. Пенза, 1991. С. 3–11.

Сведения об авторах: *Бодрова Алина Сергеевна*, канд. филол. наук, ст. преподаватель факультета филологии НИУ ВШЭ, научный сотрудник Отдела пушкиноведения ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). E-mail: allinnbod@gmail.com; *Вдовин Алексей Владимирович*, PhD, доцент факультета филологии НИУ ВШЭ. E-mail: avdovin@hse.ru

Filologia_5_14.indd 53 14.02.2015 23:36:44

К.А. Поташова

«АНГЕЛ РАФАЭЛЯ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕРМОНТОВА (к вопросу о возможном источнике рисунка «Младенец, тянущийся к Матери»)

Исследуются прямые и косвенные параллели творчества Лермонтова и изобразительного наследия Рафаэля Санти, указываются возможные источники знакомства поэта с его картинами. Особое внимание уделено карандашному рисунку матери поэта М.М. Лермонтовой, изображающему ангела с картины Рафаэля «Сикстинская Мадонна». Утверждается, что именно знакомство поэта с этим рисунком во многом обусловил интерес поэта к наследию Рафаэля и присутствие образов «рафаэлевских ангелов» в его художественной системе. Выдвигается гипотеза о возможном источнике рисунка Лермонтова «Младенец, тянущийся к Матери» (1829), подаренном поэтом своему отцу: вопреки распространенному мнению, что рисунок выполнен с гравюры, высказывается предположение, что он является точной копией фрагмента списка картины Рафаэля «Святое семейство Франциска I», выполненного вел. кн. Анной Павловной в 1816 г.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, Рафаэль Санти, вел. кн. Анна Павловна, «Святое семейство Франциска I», копия, образ ангела, ребенок.

The article deals with both direct and indirect connections between M.Yu. Lermontov's poetry and Raphael Santi's artistic heritage. It also investigates the various ways in which the poet could get familiar with the paintings. Special attention is paid to the drawing done by the poet's mother M.M. Lermontova which represents an angel from Raphael's oil painting "Sistine Madonna". It is stated that the familiarity with the painting determined to a great extent the poet's interest in Raphael's heritage and the presence of images of "Raphaelesque angels" in his works. A hypothesis is made about the possible source of Lermontov's drawing "The Baby Reaching for His Mother" (1829), presented by the poet to his father. Contrary to a popular belief that the painting was copied from an engraving, it is suggested that this is an exact copy of a fragment of the reproduction of Raphael's painting "The Sacred Family of Francis I" done by the Grand Duchess Anna Pavlovna in 1816.

Key words: M.Yu. Lermontov, Raphael Santi, Grand Duchess Anna Pavlovna, "The Sacred Family of Francis I", copy, mother, image of an angel, child.

На рубеже XVIII–XIX вв. в литературе и изобразительном искусстве сложилось особое восприятие детского мира, отношение к детству как к этапу духовной жизни человека. В поэзии и живописи частыми стали сравнения ребенка с ангелом или Младенцем Христом, матери – с Богородицей:

Filologia_5_14.indd 54 14.02.2015 23:36:44

«Слияние красоты и благодати – вот идеал художника! Великие живописцы поступали так: чтобы выразить идеал, носимый в душе, благодать Божественную чертами видимыми, они собирали по земле всё то, что есть чисто прекрасного, и чертами высшей земной красоты живописали благость Бога, Богоматери, ангелов, и в этих образах земная красота теряла свою земную чувственность и восходила в образ духовный»[1].

Размышления Лермонтова о сущности человека как подобии Творца и представление о «неизменности души» – условии «жизни человека в мире вечном как продолжение жизни в этом мире»[2], нашли свое отражение и в образе ребенка.

Взгляд на ребенка как на источник восприятия истинного, первозданного мира, на детство как период мудрости вообще свойственно романтикам, не случайно ценившим, например, творчество Рафаэля, на полотнах которого запечатлены и Младенец-Спаситель, и ангелы, и резвящиеся, играющие на музыкальных инструментах дети. В.Г. Вакенродер в «Фантазиях об искусстве» (знакомом Лермонтову), размышляя о детских фигурах на картинах Рафаэля, писал:

«На детей мы словно бы поднимаем глаза, дабы спросить совета, как нам вести земную жизнь. Они истинно серьезны и возвышенны, ибо не знают еще того, что мы, взрослые, называем серьезностью и возвышенностью, ибо они еще близки к источнику сияния, который с годами удаляется и темнеет»[3].

Созвучные размышления оставил и Жуковский, писавший Александре Федоровне в связи с впечатлениями от виденной им в Дрезденской галерее Сикстинской Мадонны:

«Будь младенцем, будь ангелом на земле, чтобы иметь доступ к тайне небесной»[4].

Находя у Рафаэля вневременное воплощение прекрасного, романтики не раз обращались к образу рафаэлевского ангела. В публичных лекциях по «Истории живописи итальянской, сосредоточенной на Рафаэле и его произведениях», Шевырёв говорит:

«… луч от Мадонны просиял необыкновенною красотою на лице великомученицы Варвары, которая улыбается, беседуя с двумя ангелами о Чистейшей и выражая тем мысль, что только в невинности этих небесных младенцев можно созерцать такое небесное видение»[5].

---

[1] *Шевырёв С.П.* Публичные лекции по истории живописи итальянской, сосредоточенной в Рафаэле и его произведениях. М., 1852. С. 8.

[2] *Киселева И.А., Гузина С.В.* Духовно-нравственный идеал русской поэзии 1820–30 годов // Вестн. Моск. гос. област. ун-та. Серия: Русская филология. М., 2010. № 3. С. 133.

[3] *Вакенродер В.-Г.* Фантазии об искусстве. М., 1977. С. 146.

[4] *Жуковский В.А.* Эстетика и критика. М., 1985. С. 308.

[5] *Шевырёв С.П.* Публичные лекции по истории живописи итальянской, сосредоточенной в Рафаэле и его произведениях. М., 1852. С. 123.

Filologia_5_14.indd 55 14.02.2015 23:36:44

У Лермонтова также особое лирическое чувство вызывает образ младенца, напоминающий ангела, ангела с полотна Рафаэля: «Как милы мне твои улыбки молодые, / И быстрые глаза, и кудри золотые, / И звонкий голосок!» [Лермонтов, II: 161]. Развивая пушкинскую традицию сравнения женщины с ангелом или Мадонной Рафаэля (ср.: «…ангел Рафаэля / Так созерцает Божество»), Лермонтов привносит в женский портрет мысль об ангельском начале не только во внешнем облике, но и в характере героини: «Ты не способна лицемерить, / Ты слишком ангел для того» [Лермонтов, IV: 241].

Переводя Байрона (“Had we never loved so kindly”) Лермонтов делает характерную ошибку, понимая “kindly” («нежно») как «по-детски»: «Если б мы не *дети* были, / Если б слепо не любили». Ассоциация мира взаимоотношений матери (идеальной женщины) и ребенка с миром ангелов, уподобление женщины ангелу навеяны, в частности, воспоминаниями о М.М. Лермонтовой.

Летом 1825 г. к Лермонтову попадает альбом М.А. Шан-Гирей, в котором есть и рука его матери: ею написано несколько стихотворений на французском языке, а также вклеен ее рисунок – перерисовка рафаэлевского ангела с картины «Сикстинская Мадонна» (с. 26). Начиная с 1825 г. Лермонтов и сам рисует в этом альбоме (портреты и животных).

Альбом М.М. Лермонтовой 1825–1830. Лист 26. РНБ. Ф. 429 (Лермонтов). № 41

Filologia_5_14.indd 56 14.02.2015 23:36:44

Карандашный рисунок М.М. Лермонтовой: рафаэлевский ангел, сложивший скрещенные на парапете руки – словно является для поэта небесным вестником материнской любви и заботы. В отличие от картины Рафаэля изображенный ангел устремил задумчивые глаза не в высоту, а в сторону, выражение его глаз задумчиво, в них нет ребяческого задора, присущего ангелу Рафаэля. На рисунке М.М. Лермонтовой умело переданы светотеневые особенности, соблюдены законы перспективы. Под рисунком имеется подпись на немецком языке: «Другу», рисунок датирован (1815 г., время младенчества М.Ю. Лермонтова), есть подпись «М. Л.». Будучи знакомым с рисунком, и сам Лермонтов в своем творчестве по отношению к ребенку употребляет слово «ангел»:

Провожать тебя я выйду –
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
«Казачья колыбельная песня» [Лермонтов, II: 140]

Вероятно, рисунок был выполнен М.М. Лермонтовой с одного из многочисленных офортов с «Сикстинской Мадонны» или тиражированной картины – изображения двух рафаэлевских ангелов, находящейся в собственности императрицы Александры Федоровны (известно, что *фрагмент картины «Сикстинская Мадонна», привезённый Жуковским из Дрездена,* украшал крышку переплёта альбома императрицы с записями стихов и сентенций религиозно-нравственного содержания, этот же фрагмент находился над письменным столом в кабинете императрицы).

Примечательно, что Дж. Санти, отец прославленного Рафаэля, оставивший два изображения своего сына, представил на одной из своих работ «Рафаэля в виде крылатого ангела, сложившего руки крестообразно в знак служения Богоматери»[6] (рисунок хранится в Берлинской Королевской галерее).

Связанная с памятью о матери живопись Рафаэля стала предметом наблюдений Лермонтова. Упоминания о Мадонне у Лермонтова связывают красоту с добром, бескорыстной заботой, помощью, защитой – качествами, с которыми обычно ассоциируется забота матери о ребёнке: «Прими мой дар, моя Мадонна! / С тех пор как мне явилась ты, / Моя любовь мне оборона / От порицаний клеветы» [Лермонтов, IV: 241].

Первая картина Рафаэля «Мадонна с Младенцем» (1598, Урбино), изображение Мадонны с Младенцем на руках, читающей книгу, лежащую на аналое, является воплощением зримой памяти о матери,

[6] *Шевырёв С.П.* Публичные лекции… С. 9.

Filologia_5_14.indd 57 14.02.2015 23:36:44

которую Рафаэль потерял в семилетнем возрасте. В сознании и Рафаэля, и Лермонтова ярко запечатлелась музыка песни, которую пела им мать. Поэт вспоминал: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» [Лермонтов, VI: 386]. На всю жизнь Рафаэль сохранил в памяти песню на слова Дж. Санти, положенную на музыку его матерью, Маджией Санти: «Дрожит листок на голой ветке, / Пока не сорван злобным ветром…»[7]. Неизвестно, был ли знаком Лермонтов с этой песнью, но мотивы, подобные тем, на которых она строится, есть и у русского поэта («Листок», 1841).

Своеобразным ответом на рисунок М.М. Лермонтовой стали выполненные поэтом с благоговением и подлинным лиризмом графические работы Лермонтова «Младенец, тянущийся к Матери» (1829; бумага, карандаш, ИРЛИ) и «Мадонна с Младенцем» (1830; бумага, сепия, карандаш; ИРЛИ).

Юношеские рисунки Лермонтова позволяют говорить не только о сложности выбранных сюжетов, но и о несомненном умении поэта убедительно выполнять копии. Из сохранившихся писем Лермонтова известно, что курс рисования под наставничеством А.С. Солоницкого, продолжавшийся в 1827–1829 гг., был построен на академической системе – с целью знакомства с классическими законами живописи, построением композиции, овладением различными рисовальными техниками поэт долгое время копировал с картин, рисовал с гипсовых слепков.

Оба рисунка были подарены Лермонтовым отцу и находились в его имении Кропотово, о чем указано в письмах К.М. Цехановской к А.А. Бильдерлингу: «В Кропотове <...> еще остались 3 картины, рисованные (2 карандашом и 1 краской) Михаилом Юрьевичем в детстве, а именно: в 1827–28 годах. Для мальчика таких лет, каких он был тогда, все эти картины исполнены очень хорошо. На них сохранились еще имя и фамилия рисовавшего, а также год и число»[8] (третий рисунок остается неизвестным). В письме неверная датировка рисунка: «Младенец, тянущийся к Матери» был подписан самим Лермонтовым, на изображении справа карандашом им сделана надпись: “Dessiné par M. L. l’an 1829” («Рисовал М. Л. в 1829 году»). Неверная датировка воспроизведена в книге «Детские годы Лермонтова»[9].

На рисунке Лермонтова «Младенец, тянущийся к Матери» перед нами поясной портрет младенца: его голова с вьющимися волосами несколько запрокинута, руками он обнимает мать, фигура матери

[7] *Махов А.Б.* Рафаэль. М., 2011. С. 46.

[8] *Вейс А.Ю., Ковалевская Е.А.* Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома // Живописное наследие Лермонтова. М.; Л., 1953. С. 127.

[9] *Иванова Т.А.* Юность Лермонтова. М., 1958.

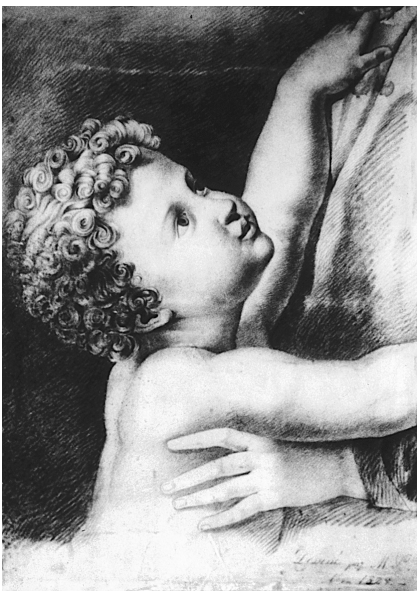
Filologia_5_14.indd 58 14.02.2015 23:36:44

представлена частично – отчетливо видна лишь ее левая рука, которой она придерживает ребёнка; изображение ребенка, тянущегося к матери, говорит об особом внимании к связям между ними. Известно, что в начале XIX в. «<…> появляется новый момент в изображении ребенка и в изображении взаимоотношений детей и родителей – это момент настоящих связей, глубоких связей, они так приближены физически друг к другу, так сплетены их руки, так касаются их лица»[10]. И хотя портреты, построенные на взаимодействии взрослых людей и ребенка, встречаются и у В.Л. Боровиковского, В.А. Тропинина, О.А. Кипренского, К.П. Брюллова, работа Лермонтова – это вовсе не только воспроизведение обычного сюжета; в стихах Лермонтова младенец тоже именно в материнских объятьях:

Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унесть любовь!..
«Подражание Байрону» [Лермонтов, I: 268]

Для рисунка «Младенец, тянущийся к Матери» Лермонтовым был выбран центральный фрагмент картины «Святое семейство Франциска I».

Рафаэль Санти «Святое семейство Франциска I»



М.Ю. Лермонтов «Младенец, тянущийся к Матери»

[10] *Волкова П.Д.* «Теперь о тех, чьи детские портреты…» // Волкова П.Д. Мост над бездной. Кн. 3. М., 2014. С. 206.

Filologia_5_14.indd 59 14.02.2015 23:36:44

Перед нами точная копия центрального фрагмента этой картины. На источник рисунка Лермонтова указывает Е.А. Ковалевская в Лермонтовской энциклопедии, замечая, что это рисунок с гравюры. Однако здесь допустимо сделать уточнение. Эстампы того времени копировали «Святое семейство Франциска I» в зеркальном отражении, тогда как рисунок Лермонтова доподлинно отражает ракурс, выбранный Рафаэлем.

В то время в России находились три эстампа с картины, выполненные французским гравёром Эделинком Жераром (известно, что все они хранились в Императорской Академии художеств – поступили из личной коллекции профессора Н.Ф. Жилле[11]).

Э. Жерар «Святое семейство» (фрагмент гравюры)

Эстампы выполнены с изображением всех фигур в противоположную сторону. И если, например, сепия Лермонтова «Мадонна» была точно выполнена с гравюры, что подтверждается прорисовкой на обороте – на задней стороне рисунка контуры лиц Мадонны и младенца обведены карандашом, то рисунок «Младенец, тянущийся к Матери» мог быть выполнен и с копии полотна Рафаэля.

[11] Канон красоты по Рафаэлю. Эпоха Рафаэля и русская художественная школа. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 118.

Filologia_5_14.indd 60 14.02.2015 23:36:45

В оригинале Лермонтов мог видеть находящиеся в Зимнем дворце картины Рафаэля «Святой Георгий и дракон» (1506), «Святое семейство» (1507), «Мадонна Альба» (1511). Картиной «Святое семейство» открывался известный в петербургском обществе каталог «Эрмитажная галерея, гравированная штрихами с картин, оную составляющих» (1805 г.), который часто использовался в качестве пособия для обучения рисованию. Можно предположить, что, получая достойное художественное образование от профессиональных мастеров, с живописью Рафаэля Лермонтов мог познакомиться, в том числе, и по этому изданию. Увлекались Рафаэлем и члены Императорского Дома. Император Николай I купил для Зимнего Дворца картину «Мадонна Альба» (1511), императрица Александра Федоровна разместила в одной из своих комнат копию с «Сикстинской Мадонны».

В 1816 г. копию с картины «Святое семейство Франциска I» выполнила Великая Княгиня Анна Павловна:

«Картина сия изображает Божию Матерь, младенца Иисуса, Св. Иосифа, Св. Елизавету, младенца Иоанна Крестителя и двух ангелов. Прекраснейший рисунок с сей картины, произведение Ее Императорского Высочества, Великой Княгини Анны Павловны, находящийся в Конференц-зале Академии Художеств, есть драгоценный дар, который Ее Высочеству угодно было пожаловать Академии»[12].

О передаче картины в дар Академии художеств говорится и в «Сборнике материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет», где под «июнем 10 дня» содержится запись:

«Императорская Академия Художеств имела счастие в самый день отъезда Ее Императорского Высочества Великой Княгини Анны Павловны получить от Ее Высочества письмо следующего содержания: «Почтеннейшее Собрание! Желая изъявить мое уважение к вам и к художествам, составляющим предмет ваших занятий, я прошу вас в знак оного принять слабый плод моих трудов. Весьма приятно мне будет, если сей опыт упражнения к моему удовольствию содействовавшего, послужит вам воспоминанием тех чувствований, с каковыми пребываю вам доброжелательною. Анна». Присланная картина трудов Ее Высочества есть тщательно отделанный рисунок с Рафаэлевой картины, представляющий Святую фамилию в натуральную величину, нарисованной с искусством, могущим сделать честь самим художникам»[13].

К сожалению, сама работа нами до сих пор не найдена[14]. Остается неизвестным и то, в какой технике была выполнена эта работа.

[12] Рафаэль Санцио // Изящные искусства. 1823. № 2. С. 161.

[13] Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет. Ч. II: 1811–1843. СПб., 1865. С. 77–78.

[14] Вероятно, работа Анны Павловны находилась в фондах Академии художеств до 1920–1930-х годов.

Filologia_5_14.indd 61 14.02.2015 23:36:45

Упоминание о ней как о рисунке и признанный графический талант Анны Павловны[15] позволяют предположить, что это графика; возможно, именно ее и копировал Лермонтов. Встреченная с восторгом работа Великой Княгини Анны Павловны могла быть тиражирована, и экземпляр мог оказаться и у кого-то из знакомых Лермонтова.

Список литературы

Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. М., 1977.

Вейс А.Ю., Ковалевская Е.А. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома // Живописное наследие Лермонтова. М.; Л., 1953.

Виллем II и Анна Павловна. Королевская роскошь Нидерландского двора. Каталог выставки. СПб., 2013.

Волкова П.Д. «Теперь о тех, чьи детские портреты…» // Волкова П.Д. Мост над бездной. Кн. 3. М., 2014.

Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985.

Иванова Т.А. Юность Лермонтова. М., 1958.

Канон красоты по Рафаэлю. Эпоха Рафаэля и русская художественная школа. Каталог выставки. СПб., 2008.

Киселева И.А., Гузина С.В. Духовно-нравственный идеал русской поэзии 1820–30 годов // Вестн. Моск. гос. област. ун-та. Серия: Русская филология. М., 2010. № 3. С. 132–137.

Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л., 1954–1957.

Махов А.Б. Рафаэль. М., 2011.

Рафаэль Санцио // Изящные искусства. 1823. № 2. С. 153–166.

Сандомирская В.Б. Альбом с рисунками Лермонтова (Лермонтов и М.А. Шан-Гирей) // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979. С. 122–138.

Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет. Ч. II: 1811–1843. СПб., 1865.

Шевырёв С.П. Публичные лекции по истории живописи итальянской, сосредоточенной в Рафаэле и его произведениях. М., 1852.

Сведения об авторе: *Поташова Ксения Алексеевна*, аспирант кафедры русской классической литературы факультета русской филологии Моск. гос. област. ун-та. E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

[15] Из работ Анны Павловны видно, что уже в юном возрасте она достигла невероятного мастерства в калькировании – ею были выполнены перерисовки работ, находящихся, в том числе и в императорском собрании (подробнее см.: Виллем II и Анна Павловна. Королевская роскошь Нидерландского двора. Каталог выставки. СПб., 2013. С. 41–413).

Filologia_5_14.indd 62 14.02.2015 23:36:45

С.В. Хоронов

«ШТОСС В ЖИЗНЬ» Б. ПИЛЬНЯКА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ О ЛЕРМОНТОВЕ, ВЫШЕДШЕЙ в 1928 г.

В статье рассматриваются причины появления в 1928 г., который не был юбилейным, сразу нескольких художественных произведений о жизни и творчестве Лермонтова. Повесть Б.А. Пильняка «Штосс в жизнь», ставшая одним из таких произведений, анализируется на фоне других (трилогия С. Сергеева-Ценского «Мишель Лермонтов», рассказ П. Павленко «Тринадцатая повесть», роман К. Большакова «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова»). Исследуются текстуальные и мемуарные источники повести, высказывается предположение о том, как Пильняк мог познакомиться с некоторыми из них. Также в статье проводятся историко-литературные типологические параллели, сближающие Лермонтова и Пильняка, делается попытка с их помощью объяснить заинтересованность Пильняка фигурой Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, Омер де Гелль, теория «двух планов», «Записки» Е.А. Сушковой, письмо Е.П. Ростопчиной А. Дюма, П.Е. Щеголев.

The article studies the publication in 1928 (even though that year was not that of his jubilee) of several different works of literature devoted to Lermontov's life and creative work. Pilniak's short novel "Stoss into Life" is analyzed alongside with others (Sergeev-Tsensky's trilogy "Michel Lermontov", Pavlenko's short story "The Thirteenth Story" and Bolshakov's novel "Prisoners Escape, or the Story of Tenginsky Infantry Regiment's Porutchik Mikhail Lermontov's Suffering and Death"). The article investigates textual and memorial sources of Pilniak's narrative and a supposition is made about how Pilniak got to know some of them. Historical and literary typological parallels are also drawn that compare Lermontov and Pilniak. There is an attempt to explain Pilniak's interest in Lermontov.

Key words: Lermontov, Hommaire de Hell, the 'two planes' theory, Yekaterina Sushkova's notes, Yevdokiya Rostopchina's letter to A. Dumas, Pavel Shegolev.

Советской литературе 1928 год принес, кроме прочего, несколько художественных произведений о жизни М.Ю. Лермонтова. Подсчитать точное количество таких сочинений непросто, некоторые из них труднодоступны, другие почти невозможно найти в московских библиотеках. Однако важны не столько цифры, сколько сам факт, что за один-единственный год на свет появилось произведений о Лермонто-

Filologia_5_14.indd 63 14.02.2015 23:36:45

ве «больше, чем за предыдущие 90 лет[1], и больше, чем о каком-нибудь другом русском писателе вообще было написано в художественной форме» [Фохт, 1929: 86]. На весьма короткой временной дистанции беллетристические тексты о Лермонтове решают создать литераторы разных поколений и общественно-политических установок: реалист с дореволюционным стажем Сергеев-Ценский и едва пришедший в литературу «пролетарий» Павленко, авангардный попутчик Пильняк и Константин Большаков, сменивший после Гражданской войны позу футуристического ниспровергателя основ на скрипучее кресло исторического романиста. Все они взялись за перо, чтобы писать о Лермонтове именно беллетристику. Не критические статьи писателя о писателе, которыми не так давно по меркам истории разразились Владимир Соловьев, Блок, Мережковский, Розанов и многие другие, а художественные произведения с авантюрно-приключенческим флером.

Представляется, что причиной столь неожиданного поведения советских литераторов в 1928 г. (неюбилейном, нелермонтовском) мог быть выход в свет первого полного издания известных «Записок» Е.А. Сушковой в издательстве «Academia». В предисловии к нему редактор Ю.Г. Оксман отмечает, что беспрестанные попытки дискредитировать воспоминания одной из возлюбленных поэта остались в прошлом, теперь же настало время уточнения «традиционных схем жизни и творчества Лермонтова» и пересмотра «первоисточников лермонтовской легенды» [Сушкова, 1928: 18–19]. Претворяя в жизнь собственную декларацию о пересмотре источников, Оксман включает в сушковский том воспоминания Э.А. Шан-Гирей (Клингенберг), письмо Е.П. Ростопчиной к А. Дюма, в котором она по просьбе французского писателя рассказывает о жизни и творчестве Лермонтова, а также письма Адель Омер де Гелль[2]. То, что эти письма являются литературной мистификацией П.П. Вяземского, было раскрыто чуть позже. В 1934 г. на закрытом заседании в Пушкинском Доме по этому вопросу выступил Н.О. Лернер, однако протокол заседания не сохранился. В 1935 г. свою разоблачительную статью опубликовал в «Новом мире» П. Попов [Попов, 1935]. Он убедительно доказал, что письма Омер де Гелль принадлежат перу П.П. Вяземского и к настоящей французской писательнице, которая действительно существовала и путешествовала по Кавказу и Крыму во время второй лермонтовской ссылки, не имеют никакого отношения. Повторимся,

[1] Очевидно, У. Фохт имеет в виду те 87 лет, что прошли к 1928 г. с момента смерти Лермонтова, округляя цифру до 90.

[2] Мы прибегли к принятому в настоящий момент русскому написанию этого имени, закрепленному в Лермонтовской энциклопедии. Однако стоит отметить, что орфография имени французской путешественницы менялась несколько раз с момента публикации П.П. Вяземским текста фальсифицированных писем в «Русском архиве» в 1887 г.

Filologia_5_14.indd 64 14.02.2015 23:36:45

однако, что разоблачение мистификации произошло шестью годами позже лермонтовского литературного «бума», поэтому на колоритную историю любви ссыльного русского поэта и замужней французской путешественницы и поэтессы обратили внимание все без исключения названные авторы.

Примечательна в этом смысле творческая история трилогии Сергеева-Ценского «Мишель Лермонтов», которая была составлена из трех повестей, написанных в разное время. Повесть «Поэт и чернь» (май – июнь 1925), посвященная последним дням и дуэли Лермонтова, появилась за три года до выхода «Записок». По всей видимости, Ценский не планировал писать о Лермонтове что-то еще, поскольку вторая часть («Поэт и поэтесса» – намек на Лермонтова и мадам де Гелль) появляется на три года позже первой, вскоре после выхода «Записок». И через короткое время после второй появляется и третья часть – «Поэт и поэт» (ноябрь 1929), посвященная, как нетрудно догадаться, Лермонтову и Пушкину. Таким образом, есть вероятность, что именно очередная публикация писем де Гелль в книге под редакцией Оксмана спровоцировала появление повести «Поэт и поэтесса», а затем побудила Сергеева-Ценского создать и третью повесть, объединив написанное в трилогию.

Все мемуарные источники, включенные Оксманом в книгу наряду с сушковскими записками, ранее публиковались, ни один из них не стал новостью и открытием. Однако собранные под одной обложкой, сопровожденные установкой редактора на обновление лермонтовской парадигмы, они заиграли другими красками и, вероятно, явились руководством к действию для советских писателей.

Фактически книга, составленная Оксманом, объединяла под одной обложкой несколько разных взглядов на Лермонтова, создавая некоторое поле противоречивости, более содержательное, чем констатации «сложности характера» Лермонтова в сочетании с его талантом. Ключевыми среди этих позиций были мнения трех женщин – Сушковой, Ростопчиной и Омер де Гелль.

Холодный взгляд Сушковой, который традиционно считается репрезентативным воплощением позиции светских мемуаристов, рисовал взбалмошного поэта, который не считался ни с чьим мнением, пренебрегал правилами приличия и испытывал на прочность женские сердца. Жизнь Лермонтова предстает в интерпретации Сушковой и многих других светских мемуаристов как эксперимент, с помощью которого Лермонтов как будто готовился к работе над своими произведениями. Характерно поэтому, что Сушкова запоминает и записывает обрывок ее диалога с Лермонтовым: «Вы пишете что-нибудь? – Нет, но я на деле заготовляю материалы для многих сочинений» [Сушкова, 1928: 9].

Filologia_5_14.indd 65 14.02.2015 23:36:45

Следующим по хронологии появления было письмо Ростопчиной А. Дюма, в котором графиня толкует о многих аспектах творческой личности поэта и рассказывает о событиях его личной жизни. Вспоминая пару эпизодических встреч с маленьким Лермонтовым на детских балах, Ростопчина пишет, что он был похож на старика, опередившего «года страстей трудолюбивым подражанием» [там же]. Описывая же их последнюю встречу на прощальном ужине перед отъездом Лермонтова из Петербурга во вторую ссылку, Ростопчина отмечает некоторую таинственность Лермонтова, его склонность к фатальным предчувствиям: «Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти» [там же: 353]. И излишняя серьезность в детстве (опережение «годов страстей»), и склонность Лермонтова к фаталистическим настроениям нашли свое отражение не только в воспоминаниях Ростопчиной, став расхожим штампом.

Наконец, последним «женским» свидетельством о Лермонтове были написанные рукой П.П. Вяземского письма Адель Омер де Гелль. Это был взгляд слегка высокомерной француженки, сожалеющей о ссыльной судьбе талантливого поэта. В письмах де Гелль нашла воплощение романтическая сторона лермонтовского изгнанничества, его постоянной чужести. «Мне жаль Лермонтова: он дурно кончит. Он не для России рожден» [Вяземский, 1887: 133].

Известно, что в 20-е годы авторы биографических произведений довольно часто следовали популярной тогда теории «двух планов», которую активно в применении к Пушкину разрабатывал В. Вересаев. Суть ее сводилась к тому, что обыденная жизнь великих людей подверстывалась под народные мерила нормальности, тогда как парадоксальность их творческого начала, напротив, гипертрофировалась порой до комических масштабов. В итоге «житейское, низкое, даже грязное» соседствовало в рамках одной личности с «поэтическим, почти надмирно возвышенным» [Большаков, 1991: 17]. Начавшаяся смена лермонтовской парадигмы отчасти коснулась и этой схемы.

Первый, самый несмелый шаг в сторону от нее сделал, на наш взгляд, Сергеев-Ценский, который ограничился простой гипертрофией метода «двух планов». То что ему удалось сделать в повести «Поэт и поэтесса», сложно назвать даже пародией на предшествующую традицию, потому что для пародирования необходима соответствующая ироническая дистанция, Ценский же убийственно серьезен. Из тех традиционных взглядов на Лермонтова, которые он мог почерпнуть из нового издания «Записок», он тяготеет, скорее, к «сушковскому», обыгрывая общее место светских мемуаристов о взбалмошности характера, светском щегольстве, остроумии и дерзости Лермонтова. Так, поэт у Ценского рассказывает в доме Бороздина о подробностях боя у Валерика, получая нескрываемое удовольствие от восторженных

Filologia_5_14.indd 66 14.02.2015 23:36:45

возгласов дам по поводу его храбрости [Сергеев-Ценский, 1933: 164]. А чуть ниже торгуется с мадам де Гелль, нельзя ли лечь в ее постель прямо в мундире после свидания с Ребровой, еще одной поклонницей поэта. Словом, вся та фактологическая основа, которую Ценский почерпнул из писем Омер де Гелль, «реализуется в такую душемутительную пошлость» [Гинзбург, 2007: 362], теория «двух планов» словно бы подрывает сама себя изнутри, не будучи способной стать основой для воплощения действительно противоречивого характера, разлагаясь на две составляющие, сшитые белыми нитками: сниженную бытовую и возвышенную поэтическую. К слову, для последней соседство со сниженным не проходит бесследно: сам язык «высоких» фрагментов снижается с трагического до мелодраматического и словно дезавуирует сам себя. В качестве примера приведем реакцию Мартынова на смерть Лермонтова и следующее за ней авторское заключение: « – Миша!.. Ми-ша!.. Ми-и-иша! Прости меня! – Молния и страшный удар грома. Вдруг все бегут от тела в ужасе. Хлещет дождь… Быстро темнеет… В стороне тонко, визгливо ржет чья-то лошадь» [Сергеев-Ценский, 1933: 349].

«Тринадцатая повесть»[3] П. Павленко в большей степени, чем «Поэт и поэтесса», способна претендовать на пародирование теории «двух планов». Начнем с того, что это произведение во многом ориентируется на позицию Омер де Гелль, а не на сушковские штампы в отношении Лермонтова[4]. Павленко эксплуатирует мысль де Гелль о чуждости поэта русскому обществу. Он груб и жесток на войне, сух и сдержан с женщинами, но в каждом его поступке чувствуется незаурядность и талант. Стремление к воплощению диалектически сложного характера реализуется у Павленко только в авторских характеристиках и никак не выражается в поведении, мыслях и поступках самого героя, он пока продолжает быть «ходульным»: то «сниженным» мужланом, то «возвышенным» поэтом, синтеза не возникает.

Павленко словно бы сознательно пародирует теорию «двух планов» в одном из эпизодов повести. «– Je vous écoute. Вы правы, – сказал сквозь сон поручик. – <…> С минуту он полежал еще, уткнувшись лицом в бурку, потом быстро повернулся, зевнул, почесал рукою место, откуда растут ноги, подержал на нем руку и сказал негромко, но очень слышно: – Какого черта не будишь?» [Павленко, 1929: 82]. Утонченный во сне и сниженный наяву, Лермонтов словно бы пред-

[3] Автор обыгрывает процитированный им в эпиграфе отрывок из газетного текста о том, что за прошедший год в печати появилось двенадцать произведений о Лермонтове.

[4] Разумеется, наше разделение писателей по тому, на чей взгляд они больше ориентируются (Сушковой, Ростопчиной или Омер де Гелль), создавая образ Лермонтова, очень условно. Черты всех трех позиций есть у каждого, но одна из них превалирует и определяет вектор образа.

Filologia_5_14.indd 67 14.02.2015 23:36:45

стает пародией на эту традицию двойственного изображения великих людей, точно так же, как, по замечанию одной из исследовательниц, сами письма Омер де Гелль, на которые во многом ориентируется молодой Павленко, замышлялись Вяземским в качестве пародии на «образ Лермонтова, созданный светскими мемуаристами» [Иванова, 1967: 116].

Однако, как мы уже отмечали, синтеза противоречивого характера в тексте Павленко не возникает. Сложность лермонтовского образа лишь констатируется в авторском комментарии: «Чернявый поручик покраснел. <…> Он мог смутиться от чего угодно. И чтобы реже окунаться в смущение, он перебивал его наглостью. Но наглость хорошо выходила, когда речь шла о чужом и выдуманном, – о своем же не всегда» [Павленко, 1929: 85]. Когда же описываются поступки героя или когда он получает право голоса, результат синтез вновь раздваивается на две отделенные друг от друга маски.

Эти две составляющие одного образа разделены в повести и композиционно. Первая часть – сниженный Лермонтов-военный, вторая часть – возвышенный влюбленный поэт. Именно поэтому только в первой части возможен текст вроде этого: «Поручик помял пальцами черные, грязные баки свои, лохмами свисавшие к подбородку, помочился на ногу жеребца и, влезая в седло, сказал:

– Ну, стервы, смотри у меня. Как выскочим на татар – все в голос. Голосом орать – злей будем» [Павленко, 1929: 83]. И вместе с тем только составляющей второй, возвышенной части может быть следующий фрагмент, рассказывающий о встрече Лермонтова и мадам де Гелль в Крыму: «Блуждая по заброшенным тропкам в поисках приюта, они набрели на охотничий киоск Нарышкиных и там сыграли кучную партию в биллиард <…>. Закончив игру, он прочел ей из Гейне четыре строчки. Он любил их и все собирался перевести стихотворение целиком:

> Они любили друг друга так долго и нежно…» [Павленко, 1929: 102].

Роман К. Большакова «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова» – самое большое по объему и наиболее педантичное в части исторической правдоподобности произведение из разбираемых нами. Однако, как справедливо (пусть и не без очевидного пристрастия) замечает А. Немзер, в основу романа легла не столько оголенная историческая правда, сколько специфическая интеллектуальная смесь, характерная для русской интеллигенции, в которой «истина мешается с удобным правдоподобием, факты с легендами, самооценки николаевской эпохи с переоценками ее, формировавшимися во второй половине XIX в., историческая конкретика с художественно-

Filologia_5_14.indd 68 14.02.2015 23:36:45

публицистическим ее переосмыслением, предпринятым великими писателями, прежде всего Герценом и Толстым» [Большаков, 1991: 319]. Но это верное замечание едва ли что-то меняет в понимании авторской установки, которая стремилась к фактографической точности и одновременно ориентировалась на образ «сушковского» Лермонтова, сдержанного, холодного, циничного.

На сообщение Раевского о смерти Пушкина Лермонтов реагирует флегматичным переспросом «Убит?», а потом пускается в длинный философский монолог о том, что «в России, если ты перерастешь воробьиные чувства и желания, тебе нет места», заключая его сообщением, будто «в Париже изобрели такие вещи, что теперь никакая венерическая болезнь уже не страшна» [Большаков, 1991: 129, 130].

В отношениях с дамами Лермонтов сдержан и склонен подавлять внешние проявления эмоций. Встретив свою пятигорскую знакомую, он про себя замечает: « «Нет, она положительно недурна. Почему я раньше никогда не замечал этого?» – подумал, гася в глазах торжествующую усмешку» [Большаков, 1991: 184]. В прощальном диалоге с мадам де Гелль он меланхолично вспоминает о своей детской влюбленности и мечтах о «бесконечно могущественной дружбе» [Большаков, 1991: 189], которую так и не обрел.

Словом, концепция «двух планов» практически полностью игнорируется в романе Большакова. Образ Лермонтова целен, не расслаивается на две плохо соединенные части. При этом нельзя говорить и о возврате к старой традиции идеализации великих писателей в биографической литературе. Опираясь при создании образа Лермонтова на «сушковскую» традицию, Большаков старается игнорировать приземленную оценочность светских мемуаристов и следует только «объективной» части их воспоминаний, оставляя в стороне назидательность и возмущенный тон.

Для Пильняка, в отличие от трех других авторов, Лермонтов был очень личным писателем. Он любил его с юных лет, неоднократно цитировал его стихи в письмах родным и близким [Пильняк, 2010, 1: 46, 59], а в одном из таких писем и вовсе продемонстрировал обезоруживающую искренность: «У всякого человека есть его любимые стихотворения, которые он повторяет “в минуты душевной невзгоды”. У меня мало: своих два-три да Лермонтова: “И скучно и грустно” и “Выхожу один я на дорогу”…» [Пильняк, 2010, 1: 59–60]. Годом позже он просит родителей срочно прислать ему «полное собрание Гоголя, Лермонтова. И историю литератур от Лермонтова до Островского включительно» [Пильняк, 2010, 1: 145].

Близок Пильняку Лермонтов и некоторыми особенностями своей творческой эволюции. Эйхенбаум в своей классической статье описывал то, как Лермонтов взаимодействует с литературной традицией:

Filologia_5_14.indd 69 14.02.2015 23:36:46

«Он не просто подражает избранному, «любимому» поэту <…>, а окружает себя всей русской поэзией от Ломоносова до Пушкина и склеивает поэму из чужих кусков. Он берет стихи Ломоносова, Дмитриева, Батюшкова, Жуковского, Козлова, Марлинского, Пушкина и создает из них некий сплав» [Эйхенбаум, 2013: 736]. И словно вторит ему Вяч. Полонский, рассуждая о творческих принципах Пильняка: «Л. Троцкий заметил как-то, что он (Пильняк. – *С. Х.*) пишет черным по Белому – это было справедливо и зло. Но не только по Белому пишет Пильняк – он пишет также по Замятину, по Ремизову, даже по В.В. Розанову <…> – я не говорю уже о попытках перемигнуться с Ф.М. Достоевским, – литературная энциклопедия, а не писатель» [Полонский, 1988: 140].

Вместе с тем, как отмечает Эйхенбаум, Лермонтов не только активно впитывал литературную традицию и создавал новые сплавы своих текстов на основе существующих чужих, но и активно пользовался одними и теми же поэтическими клише, которые однажды создал, в стихотворениях разных лет: «Число повторяющихся клише доходит у Лермонтова до сорока. Отказываясь от старых вещей, изобретая новые ситуации для героев своих поэм и новые лирические темы, Лермонтов тщательно сохраняет сложившиеся ранее формулы и сравнения, перенося их из одной вещи в другую и соединяя вместе. С этой точки зрения вся история лермонтовского поэтического творчества представляется как упорная и напряженная переработка того, что было им заготовлено в годы ранней юности» [Эйхенбаум, 2013: 746]. Мы знаем о подобной же особенности писательской эволюции Пильняка, также неоднократно обсуждавшейся в критической и научной литературе. Например, указывал на это В. Шкловский, комментируя роман «Голый год»: «Роман Пильняка – сожительство нескольких новелл. Можно разобрать два романа и склеить из них третий. Пильняк иногда так и делает. Для Пильняка основной интерес построения вещей состоит в фактической значимости отдельных кусков и в способе их склеивания» [Шкловский, 1927: 74].

Нельзя сказать, что вопрос о том, осознавал ли эти типологические параллели сам Пильняк, является в данном случае праздным, но он точно не первостепенен хотя бы потому, что творческое сознание могло воспринимать такую близость не на рассудочном, а на интуитивном или эмоциональном уровне. Приводили же мы эти аналогии только для иллюстрации несомненной типологической близости писателей. Возможно, это было одной из причин искренней заинтересованности Пильняка личностью Лермонтова. Есть вероятность, что отчасти поэтому необыкновенно сложный текст «Штосса в жизнь», перенасыщенный фактологией, документами и цитатами из исторических источников, а также прозы, поэзии и эпистолярных текстов Лермонтова, создан достаточно быстро, менее чем за месяц.

Filologia_5_14.indd 70 14.02.2015 23:36:46

Чтобы осознать масштабы подготовительной работы, которую должен был проделать Пильняк, достаточно перечислить некоторые исторические источники, без которых он не мог обойтись. Разумеется, этот список предположителен, потому что составлен нами исключительно на основании анализа тех фактов, которые Пильняк упоминает в повести. Итак, Пильняк должен был быть знаком: 1) с журналом военных действий кавказской линии; 2) воспоминаниями Э.А. Шан-Гирей разных лет, опубликованными в различных источниках; 3) донесениями генерала-адъютанта Граббе об участии Лермонтова в военных действиях; 4) высказываниями барона фон Майделя, зафиксированными П.К. Мартьяновым [Мартьянов, 1893–1896]; 5) наградными списками поручику Лермонтову (опубликованы Д.В. Раковичем [Ракович, 1900]); 6) воспоминаниями К.Х. Мамацева [Мамацев, 1897]; 7) «Заключением следственной комиссии об осмотре места дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым. 1841, июля 16» [Лермонтов, 1910–1914]. Отметим, что информацию, содержащуюся в первых трех источниках, Пильняк мог также почерпнуть из известной биографии Лермонтова, написанной П.А. Висковатым [Висковатый, 1891]. (Более того, по некоторым фрагментам «Штосса в жизнь» очевидно, что Пильняк внимательно читал Висковатого.) Четыре же других источника не были известны первому биографу Лермонтова, поэтому узнать об этих источниках Пильняк мог только самостоятельно. Ввиду известной неорганизованности и рассеянности Бориса Андреевича у нас возникли резонные сомнения: мог ли он успеть узнать об этих не самых распространенных источниках, разыскать их, изучить, а затем воплотить в повести за весьма короткий срок? Ответ должен быть скорее отрицательным, чем положительным. Тогда как же Пильняк познакомился с ними? Выскажем предположение.

В 1929 г. вышла «Книга о Лермонтове» П.Е. Щеголева [Щеголев, 1929], которая представляет собой сборник выдержек из писем, документов, художественных произведений, мемуаров и других источников о жизни и творчестве Лермонтова. Понятно, что эту книгу при всех своих талантах Щеголев, блистательно образованный историк, пушкинист, автор киносценариев, писал не один месяц, и чтобы выйти из печати в 1929 г., летом 1928 г. она должна была быть полностью или почти полностью готова.

Щеголев и Пильняк познакомились еще в начале 1920-х годов в кругу Замятиных и Ахматовой. 1 августа 1924 г. Пильняк пишет Щеголеву: «Замятин сказал, что Вы подобрали материалы для исторических романов и будете их раздавать писателям, и меня на сей предмет памятуете. – Я за такую работу взялся бы с охотой огромнейшей, и меня больше, чем все остальное, интересуют эпохи: петровская, Николая I-го, Александра II» [Пильняк, 2010, 2: 180]. Комментаторы писем замечают, что «не удалось установить, о каком проекте идет

Filologia_5_14.indd 71 14.02.2015 23:36:46

речь» [Пильняк, 2010, 2: 181]. И действительно, никакого «исторического романа» в полном смысле после августа 1924 г. Пильняк не написал. Однако в том и заключается наше предположение, что материалы для «Штосса в жизнь» были подготовлены именно П.Е. Щеголевым (исторический фон лермонтовской истории – как раз эпоха Николая I, которая интересовала Пильняка). По крайней мере, если сравнить приведенный нами список источников, с которыми должен был быть знаком Пильняк, создавая повесть, с тем что есть в вышедшей чуть позже «Книге о Лермонтове», то мы выясним, что все они представлены в компиляции Щеголева, кроме одного: заключения следственной комиссии об осмотре места дуэли. Но, во-первых, Щеголев необязательно должен был публиковать в книге все те выдержки и цитаты, с которыми был знаком, а во-вторых, нет оснований исключать возможность того, что у самого Пильняка было собрание сочинений Лермонтова под редакцией Д.И. Абрамовича, где был опубликован фрагмент заключения. Этот факт не ставит под сомнение то предположение, что вероятнее всего с подбором основной массы исторических источников помогал Пильняку именно Щеголев. Кроме того, косвенно свидетельствует об этом еще одна деталь.

Дело в том, что к 1928 г. предположение о поддельности писем Омер де Гелль, еще не было высказано и доказано, но в узких кругах витало в воздухе[5]. П. Попов со ссылкой на устное сообщение И.С. Зильберштейна писал: «Щеголев взялся проредактировать для “Academia” рукопись, найденную в архиве князя Вяземского, но убедился в том, что письма, приписываемые Омер де Гелль, не были ее подлинными писаниями. Щеголев сопоставил дату приезда де Геллей в Россию по псевдописьмам с материалами о них, находящимися в “Journal d’Odessa”, и удостоверился в несовпадении данных» [Попов, 1948: 774]. Смерть Щеголева в 1931 г. не позволила ему увидеть выхода в свет писем де Гелль под редакцией Чистяковой, которая характеризует Щеголева как вдохновителя издания [Оммер де Гелль, 1933: 459].

Возникает вопрос: если Щеголев знал о фальсификации, почему он не сообщил этого коллегам по работе над изданием, которое задумывалось еще при его жизни? Возможно, потому, что просто не хотел останавливать инерцию намерения (письма уже было решено издавать), возможно, потому, что сам любил литературно-исторические подделки и мистификации (достаточно вспомнить, как Щеголев и А.Н. Толстой издали вместе поддельные «Дневники Анны Вырубовой» и планировали издать «Дневник Григория Распутина», но после разоблачения первой подделки осуществление плана пришлось от-

[5] Поскольку такая мысль была высказана П. Поповым, который и разоблачил П.П. Вяземского в печати, есть основания сомневаться в обоснованности этого предположения. В то же время нет веских оснований полностью его отвергнуть.

Filologia_5_14.indd 72 14.02.2015 23:36:46

ложить). В любом случае есть основания предполагать, что идею о поддельности писем мадам де Гелль Щеголев успел высказать среди своего окружения. Возможно, это стало одной из главных причин столь скорого разоблачения П.П. Вяземского, меньше чем через год после выхода книги.

Итак, Пильняк, используя любовно-авантюрный сюжет встреч Лермонтова и Адель Омер де Гелль, скорее всего уже в момент создания повести «Штосс в жизнь» знал о поддельности писем, что, разумеется, отразилось на его авторской позиции.

«Штосс в жизнь» на фоне остальных произведений о Лермонтове, упоминавшихся нами, ориентирован на «ростопчинский» образ поэта: угрюмого, рано повзрослевшего, овеянного *таинственностью.* Начало повести наполнено именно такой атмосферой таинственной темноты (правда, травестированной), для создания которой Пильняк прибегает к цитате из лермонтовского письма А.А. Лопухину 17 июня 1840 г.: «<…> и каждый день был в театре. Что за т е а т р![6] Об этом стоит рассказать: смотришь на сцену – и ничего не видишь, ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются; смотришь назад – ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо – ничего не видно, потому что ничего нет; смотришь налево – и видишь в ложе полицеймейстера» [Пильняк, 1994, 3: 468]. Это та своеобразная таинственность, которая рождается из самой реальности, таинственность, смешанная с безысходностью и убожеством: ведь действительно в темной неуютной ложе провинциального театра может стать не по себе оттого, что ты не видишь ничего и никого, кроме полицеймейстера, который даже во время спектакля не прекращает свой надзор.

Кроме того, такой страх сродни детскому страху перед темной комнатой, дверь в которую всегда закрыта: эта комната абсолютно реальна, в ней нет ничего мистического, но каждый шорох за ее дверью или мелькнувшая по полу тень вызывают в наивном восприятии ощущение потустороннего, некоей «второй реальности», и будит тревогу. Если верить современному исследователю, именно «с Лермонтова и начинается в нашей литературе «вторая реальность», максимально переживаемая. <…> И Лермонтову первому удалось добиться эмоциональной наполненности прозы, сильнейшего ее воздействия через поэзию, через весь накопленный ею арсенал переживаний сопряжения реальности и тайны» [Журавлева, 2002: 247]. Другими словами, Лермонтов первым переносит напряженный страх от встречи с таинственным, создававшийся долгое время на почве

[6] В оригинале письма «феатр». См., например: [Лермонтов, 1937: 404–405]. Справедливости ради, укажем, что в первом журнальном издании избран вариант лермонтовского оригинала (Красная новь. 1928. № 10). Правка, по всей видимости, была внесена редакторами более поздних изданий Пильняка.

Filologia_5_14.indd 73 14.02.2015 23:36:46

русской литературы только в жанре баллады, в прозу. Делает он это в своей формально неоконченной повести «Штосс», которую Пильняк выбирает как источник вдохновения для собственного произведения о жизни Лермонтова. Не вдаваясь в подробности, скажем, что последняя повесть Лермонтова была написана в Петербурге зимой 1841 г. и во многом вдохновлена тем окружением, с которым общается в то время Лермонтов (Е.П. Ростопчина, В.Ф. Одоевский, Карамзины, Виельгорские), обсуждая новую мистическую литературу и устраивая спиритические сеансы. Именно из этой таинственности и вдохновленного ею художественного произведения рождается мистический образ Лермонтова под пером советского писателя Бориса Пильняка. Правда, созданная Пильняком в первой части таинственность образа развеивается им же во второй. Теория «двух планов» вовсе не принимается в расчет: в первой, «реалистической», части Лермонтов абсолютно однозначен и сведен к нескольким «ростопчинским» штампам. Во второй, «публицистической», Пильняк планомерно развеивает эту лермонтовскую таинственность с материалистических позиций, пародируя «романтическую позу разочарованного героя» и подвергая «травестийному переосмыслению» [Мурзак: 208] сцену свидания Лермонтова с мадам де Гелль. Получается, что приближение образа классика к современности происходит не благодаря снижению бытового начала его личности, а в результате свободной, критической дискуссии о Лермонтове: он не покрылся бронзой, потому что о нем можно говорить, принимать то, что близко, критиковать то, что кажется надуманным, – ту самую таинственность.

В первой части «Штосса в жизнь» бытовой таинственностью окутан почти каждый шаг Лермонтова: его поведение необычно и непонятно. Он приезжает в Тенгинский полк 30 декабря, накануне встречи 1841 г., последнего года его жизни. «<…> весть о приезде гусара, разжалованного в пехоту, поэта, дуэлянта и бамбошера, очень скоро разошлась по офицерским квартирам, и Лермонтова поджидали в корчме, где помещалось офицерское собрание. Лермонтов в корчме не появлялся <…>» [Пильняк, 1994, 3: 469]. Вместо того, чтобы поприветствовать командира и других офицеров полка, Лермонтов бездельничал вместе со своими слугами, «развешивая по стенам ковры и раскладывая трубки» [Пильняк, 1994, 3: 469]. На этом странности не заканчиваются. Разумеется, Лермонтов появился в штабе именно тогда, когда его никто не ждал, и всех «перещеголял небрежностью одежды», затем «откланялся офицерам, ни к кому не подошел, прошел в буфетную, заказал обед и вместо вина пил молоко, тяжестью глаз своих давил тарелки, ни разу не подняв их на подпрапорщика князя Вадбольского, который сидел против Лермонтова с бутылкой кахетинского» [Пильняк, 1994, 3: 471].

Filologia_5_14.indd 74 14.02.2015 23:36:46

По просьбе офицеров Лермонтов рассказывает таинственную историю о художнике Лугине, который играет в карты с титулярным советником Штоссом – оживающим по ночам портретом (вольное изложение лермонтовской неоконченной повести); а потом, после двенадцатого удара часов, Лермонтов произносит тост «за смерть», залпом осушает «рог, в котором было несколько бутылок вина» [Пильняк, 1994, 3: 476] и уходит из-за стола. Собственно, на этом таинственность образа Лермонтова заканчивается.

Во второй части своей повести Пильняк пытается развеять таинственность так называемого лермонтовского штосса, который, по сути, не что иное, как «мистический штосс Лугина и полная загадочности и противоречий жизнь самого Лермонтова: жизнь-борьба и жизнь-игра» [Клещикова, 1994: 10]. Другими словами, Пильняк старательно дезавуирует таинственность, лишает образ Лермонтова мистической загадочности. В каком-то очень абстрактном смысле Пильняк (наверняка сам о том не подозревая) включается в спор о фантастических повестях между Пушкиным и В.Ф. Одоевским. Этот спор отчасти отразился и на тексте лермонтовского «Штосса».

Пушкин ратовал за тот тип фантастического, который мы описывали чуть выше: таинственность должна рождаться из самой реальности, в ней не может и не должно быть ничего мистического. Фантастика же Одоевского ориентировалась на волшебное в прямом смысле и часто выходила за пределы жизнеподобия. «Естественность движения событий, бытовое правдоподобие сферы, из которой незаметно вырастает фантастический мотив, были художественными принципами “Пиковой дамы” <…>. Фантастика Одоевского стояла на противоположном эстетическом полюсе: она ежеминутно грозила превратиться в философский мистицизм или аллегорию, иллюстрирующую общую идею <…>» [Вацуро, 2008: 151]. Если в пушкинской модели снятие таинственности происходило за счет иронии, неожиданного переключения таинственного модуса на реалистический и обратно, то у Одоевского таинственное снималось естественнонаучно: либо «загадочное» явление объяснялось в конце повести действием физических законов, либо констатировалось психическое расстройство человека, который имел опыт встречи с таинственным.

По модели Одоевского идет и Пильняк. Во второй части «Штосса в жизнь» он описывает в привычной для него очерково-документальной манере свою поездку по лермонтовским местам, где он читал лекции о литературе курортникам. Там Пильняк встретил Жанну Дюкло, которая поражала публику, угадывая подробности личной жизни присутствующих на представлении, их имена, фамилии, профессии. Как позже рассказали Пильняку супруги Дюкло (фокусы проводились при участии мужа Жанны), весь секрет заключался в

Filologia_5_14.indd 75 14.02.2015 23:36:46

тренировке голоса мужа и слуха Жанны. Муж подавал реплики из зала со специфическими интонациями, в которых были зашифрованы ответы на вопросы, заданные Жанне зрителями. Пильняк, проводя аналогию между фокусом Жанны и лермонтовской таинственностью (таинственностью искусства и самой жизни Лермонтова), заключает: «Михаил Юрьевич! штосс Жанны Дюкло не есть даже фокус, это просто упорный труд и очень музыкальные уши» [Пильняк, 1994, 3: 498]. Таким образом, в противовес лермонтовскому мистическому штоссу (под штоссом понимается, по всей видимости, некий комплекс философских и жизненных установок) штосс Жанны Дюкло абсолютно прозрачен с материалистической, естественнонаучной точки зрения. Именно в этом контексте интересно одно из замечаний Пильняка, которое косвенно свидетельствует о том, что он уже в момент написания повести мог знать о поддельности писем Адель Омер де Гелль: «<…> оказывается, Жанну[7] Гоммер де-Гэлль совершенно не следовало выигрывать штоссом Жанны Дюкло» [Пильняк, 1994, 3: 502]. Мистическую, вымышленную историю любви Лермонтова и мадам де Гелль не следовало выигрывать логическим разоблачением Жанны Дюкло?.. А если известна вымышленность писем и есть возможность легко разоблачить ее логическими доводами, то почему «не следовало»? Хотя последний аргумент никогда не был для Пильняка существенным, ведь по его убеждению «факты могут быть неправдоподобными, как ложь – и неправда может быть фактом» [Пильняк, 1994, 2: 539]. Главное, чтобы этот факт вдохновлял.

Список литературы

Большаков К. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова. М., 1991.

Вацуро В.Э. Последняя повесть Лермонтова // Вацуро В.Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008. С. 145–174.

Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891.

Вяземский П.П. Лермонтов и Г-жа Гоммер де-Гелль в 1840 году // Русский архив. 1887. № 9. Кн. 3. С. 129–142.

Гинзбург Л.Я. С. Сергеев-Ценский. Поэт и поэтесса. Из-во «Федерация». 1930 // Гинзбург Л.Я. Работы довоенного времени: Статьи. Рецензии. Монография. СПб., 2007. С. 360–363.

[7] Почему Адель Омер де Гелль превратилась у Пильняка в Жанну, уже обсуждалось в литературе. См., например: [Крючков, 2002: 251]. К высказанной идее исследователя о том, что Пильняк создает параллель из имен Жанны Дюкло и Жанны Омер де Гелль, добавим следующее. В 1930 г. на советские экраны вышел фильм «Кавказский пленник» (реж. А. Ивановский), рассказывающий о жизни Лермонтова. Был в фильме и эпизод встречи Лермонтова с мадам де Гелль, которая также была переименована с Адель на Жанну. Автором сценария фильма был никто иной, как П.Е. Щеголев. См.: [Лермонтовская энциклопедия, 1981: 220].

Filologia_5_14.indd 76 14.02.2015 23:36:46

Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., 2002.
Иванова Т. Посмертная судьба поэта. М., 1967.
Клещикова В. Н. Березовая горечь штосса // Русская речь. 1994. № 1. С. 7–11.
Крючков В.П. Проза Б.А. Пильняка 1920-х годов (мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах). Саратов, 2005.
Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. / Под ред. и с примеч. Д.И. Абрамовича. СПб., 1910–1914.
Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Проза и письма. М.; Л., 1937.
Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981.
Мамацев К.Х. Воспоминания // Кавказ. 1897. № 235.
Мартьянов П.К. Дела и люди века. Т. 1–3. СПб., 1893–1896.
Мурзак И. Лермонтовские реминисценции в повести Б. Пильняка «Штосс в жизнь» // Страницы истории русской литературы. К семидесятилетию профессора Валентина Ивановича Коровина. М., 2002. С. 206–210.
Оммер де Гелль А. Письма и записки. М.; Л., 1933.
Павленко П. Тринадцатая повесть // Красная новь. 1929. № 2. С. 81–106.
Пильняк Б.А. Грего-тримунтан // Пильняк Б.А. Сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 529–540.
Пильняк Б.А. Письма: В 2 т. М., 2010.
Пильняк Б.А. Штосс в жизнь // Пильняк Б.А. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 468–505.
Полонский Вяч. Шахматы без короля (О Пильняке) // Полонский Вяч. О литературе. М., 1988. С. 124–149.
Попов П. Мистификация (Лермонтов и Оммер де-Гелль) // Новый мир. 1935. Кн. 3. С. 282–293.
Попов П. Отклики иностранной печати на публикацию «Писем и записок» Омэр де Гелль // Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948. С. 767–775.
Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис, 1900.
Сергеев-Ценский С. Мишель Лермонтов. М., 1933.
Сушкова Е.А. Записки. Л., 1928.
Фохт У. Лермонтов в современной беллетристике // Печать и революция. 1929. Кн. 9. С. 86–95.
Шкловский В.Б. Борис Пильняк // Шкловский В.Б. Пять человек знакомых. Тифлис, 1927. С. 69–91.
Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. Вып. 1–2. Л., 1929.
Эйхенбаум Б.М. Лермонтов как историко-литературная проблема // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. СПб., 2013. С. 725–754.

Сведения об авторе: *Хоронов Серафим Владимирович*, соискатель кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: khoronov@rambler.ru

Е.А. Тахо-Годи

Л.П. СЕМЕНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Статья посвящена творчеству литературоведа, фольклориста, этнографа, инициатора «Лермонтовской энциклопедии» профессора Л.П. Семенова (1886–1959) и описывает историю его лермонтовских исследований с 1912 по 1959 г.

Ключевые слова: история русской литературы, русская филология первой половины XX в., лермонтоведение, литературные и фольклорные традиции.

The article is devoted to the heritage of a philologist, folklore specialist and anthropologist, the initiator of the "Lermontov Encyclopaedia" professor L.P Semenov (1886–1959) and describes the history of his Lermontov studies from 1912 till 1959.

Key words: history of Russian literature, Russian philology of the first half of the XX century, Lermontov studies, literary and folklore traditions.

Круг научных интересов профессора Леонида Петровича Семенова (1886–1959) достаточно обширен: этнография, археология, фольклор – казачий и горский, и, конечно, классическая русская литература XIX столетия. Особое внимание ученый всегда отводил изучению творчества Лермонтова, называл поэта своим «излюбленным автором» [Тахо-Годи, 2012: 70].

К изучению лермонтовского наследия Семенов обращается, будучи студентом Харьковского университета (сюда он поступил в 1908 г. после владикавказского реального училища[1]) и участником Харьковского историко-филологического общества[2]. В 1913 г. именно

[1] С 1923 по 1951 г. жизнь Семенова связана с преподаванием в Северо-Осетинском педагогическом институте в родном ему городе Владикавказе. Подробнее о биографии и творческом пути см.: Л.П. Семенов. От музея «Домик Лермонтова» (Некролог) // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960. С. 5–28; Л.П. Семенов – историк и критик русской литературы: Учебное пособие / Науч. ред. М.А. Тахо-Годи. Орджоникидзе, 1986; *Мануйлов В.А.* Семенов Л.П. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971; Научное наследие Л.П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа / Отв. ред. М.А. Тахо-Годи. Орджоникидзе, 1988; *Тахо-Годи Е.А.* Литературная предыстория псевдонима ученого: Л.П. Семенов – Глыбов // Вестн. Моск. ун-та. 2012. Сер. 9. Филология. № 6. С. 127–133.

[2] В архиве Харьковского университета сохранились материалы Л.П. Семенова, посмертно опубликованные Л.Г. Фризманом, в том числе о Лермонтове [см.: Фризман, 1976; 1979].

Filologia_5_14.indd 78 14.02.2015 23:36:46

в трудах Харьковского историко-филологического общества появляется семеновская статья о лермонтовском стихотворении «Ангел» [Семенов, 1913][3], за которой последовала работа о влиянии Марлинского на Лермонтова, напечатанная в 1914 г. в журнале «Филологические записки» [Семенов, 1914а].

Закономерно, что Семенов дебютирует как исследователь именно лермонтовскими штудиями. Для начала XX столетия фигура Лермонтова становится знаковой. Безусловно, содействовало этому процессу и лермонтовское 100-летие, совпавшее с началом Первой мировой войны. Отсюда пристальное внимание к Лермонтову ярчайших представителей культуры Серебряного века: литературно-критические статьи о Лермонтове Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Вяч. Иванова и др. Вместе с тем в начале XX столетия лермонтовским наследием начинают более вдумчиво заниматься и профессиональные литературоведы.

Дореволюционный этап освоения Семеновым лермонтовского наследия завершается двумя обширными трудами. В датированной 1914 г. (фактически выпущенной в конце 1913) книге «Лермонтов и Лев Толстой. К столетию со дня рождения Лермонтова» Семенов одним из первых поднял вопрос о «глубоком внутреннем сродстве» [Семенов, 1914б: I], биографических и творческих связях Лермонтова и Льва Толстого, которых он называет «близнецами духа» [там же: 9]. Книга дала богатый фактический материал для осмысления лермонтовского «субстрата» в толстовском творчестве последующими поколениями ученых. Лев Васильевич Пумпянский в статье «Стиховая речь Лермонтова», опубликованной посмертно в 1941 г., писал: «Путь от Лермонтова к Толстому давно освещен наукой (монография Семенова). Но только в общей связи нового понимания всего творчества Лермонтова этот путь получает свой действительный, громадный исторический смысл <…>» [Пумпянский, 2002: 582]. За год до этого, в 1940 г., в журнале «Звезда», высоко отозвался о книге и Б.М. Эйхенбаум, для которого она и через три десятилетия после выхода представлялась «очень интересной» [Эйхенбаум, 1940: 180].

Эти позднейшие оценки во многом совпадают с рецензиями, появившимися синхронно с самой семеновской монографией. В третьем номере журнала «Путь» за 1914 г. была напечатана небольшая заметка о книге секретаря религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, Сергея Николаевича Дурылина, очень пристально в это время следившего за лермонтовской литературой в связи с собственными замыслами работы о Лермонтове. По словам С.Н. Дурылина, «книга Л. Семенова свидетельствует о прекрасном знакомстве с мельчайшими особенностями лермонтовского текста, и

[3] Судя по отдельному оттиску, статья появилась в печати в 1912 г., на оттиске значится: Харьков, 1912.

Filologia_5_14.indd 79 14.02.2015 23:36:46

многое, подмеченное им, до сих пор ускользало от работающих над Лермонтовым» [Дурылин, 1914: 70]. Особое внимание Дурылина привлекло приложение к книге, где автор анализировал отдельные лермонтовские тексты (поэму «Ангел смерти», стихотворения «И скучно и грустно», «Дубовый листок»), выявлял литературное воздействие предшествовавшей литературной традиции на Лермонтова, источники сюжетов, мотивов, реминисценций. Дурылин специально выделяет очерки о влиянии на Лермонтова творчества Ивана Козлова, о воздействии на стихотворение «Сон» песен гребенских казаков и о мотиве оживающего портрета в повести «Штосс».

Семеновский очерк о «Штоссе» был посвящен памяти умершего в апреле 1913 г. профессора Харьковского университета Сергея Викторовича Соловьева (1862–1913). Соловьев был специалистом по западноевропейской литературе, и это посвящение может показаться неожиданным, но лишь на первый взгляд. Во-первых, Соловьев был активным участником того Харьковского историко-филологического общества, где Семенов делал свои первые шаги как ученый и где он, вероятно, чувствовал поддержку Соловьева, отношения с которым у него сложились, судя по его воспоминаниям, близкие и достаточно доверительные. В этих же семеновских воспоминаниях о Соловьеве, напечатанных в Вестнике Харьковского историко-филологического общества в 1913 г., Семенов рассказывает о любви Соловьева к Лермонтову и о том, что к 100-летию поэта ученый «собирался написать статью (о влиянии на его творчество западноевропейской литературы)» [Семенов, 1915б: 8]. Опубликованный в книге «Лермонтов и Лев Толстой» семеновский очерк о «Штоссе» был не только первой в истории лермонтоведения[4] попыткой проанализировать эту незавершенную лермонтовскую повесть, но своего рода данью этому замыслу внезапно умершего учителя: именно этим в первую очередь объясняется ракурс исследования – истоки появления в лермонтовской повести таинственного портрета возводятся не только к гоголевским, но и западноевропейским, гофмановским, традициям.

В 1915 г. Семенов выпустил обширный труд «Лермонтов. Статьи и заметки», включающий биографический очерк «Судьба поэта», статьи о литературных связях Лермонтова с творчеством Мильтона, Пушкина, Баратынского, Огарева, а также подробнейший библиографический обзор публикаций, связанных с 100-летним юбилеем поэта. Подводя итоги юбилейному году, автор с присущей ему объективностью констатировал, что «самым авторитетным из всех

[4] В пристатейной библиографии к статье «<Штосс>» Э.Э. Найдича в «Лермонтовской энциклопедии» [Лермонтовская энциклопедия, 1981] книга С.И. Родзевич «Лермонтов как романист» (Киев, 1914), где на с. 102–109 речь идет о «Штоссе», ошибочно поставлена хронологически первой.

Filologia_5_14.indd 80 14.02.2015 23:36:46

вообще изданий сочинений Лермонтова остается Академическое» [Семенов, 1915а: 287], хотя в книге «Лермонтов и Лев Толстой» посвятил специальный очерк, чтобы показать, почему это собрание сочинений, вышедшее под редакцией профессора Дмитрия Ивановича Абрамовича, помимо «неотъемлемых достоинств: полнота текстов, обилие вариантов, снимков с автографов и рисунков поэта, интересные примечания и статьи» [Семенов, 1914б: 420], не является «образцовым изданием» [там же: 421]: не только из-за опечаток и ряда существенных упущений, но и из-за явного стремления одновременно «услужить обывателю и филологу» [там же: 418].

Семеновские книги 1914–1915 годов, получившие достаточно широкий резонанс в научной среде (на их выход откликнулись рецензиями Н.Л. Бродский, Н.К. Гудзий, Б.В. Нейман, Н.О. Лернер и др. [Литература о жизни и творчестве.., 1990]), представлялись самому ученому лишь подступом к новому исследованию. В 1916 г. в письме к М. О. Гершензону, он сообщал, что взялся писать «большую книгу о Лермонтове», «обобщающего характера», в сравнении с которой всё им прежде написанное о поэте – «лишь отдельные экскурсы, полусырой материал» [Тахо-Годи, 2012а: 70]. К сожалению, реализации этого замысла помешали общественно-политические события – революция, Гражданская война.

Тем не менее и на следующем, постреволюционном, этапе исследовательской деятельности Лермонтов – по-прежнему одна из центральных фигур для Семенова. Теперь главным объектом изучения становятся связи Лермонтова с Кавказом. В публикациях Семенова этого времени намечаются два вектора. Во-первых, анализ «кавказских» произведений Лермонтова, их связь с казачьим и горским фольклором (подступы к этой проблематике были сделаны уже в книге «Лермонтов и Лев Толстой», например, при сопоставительном анализе «Казачьей колыбельной песни» и песен гребенских казаков). Во-вторых, изучением фактографического материала, введение в научный оборот прежде неизвестных документальных источников. Так, в 1924 г. в «Известиях Северо-Кавказского педагогического института» появляется его статья «К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г. (по архивным материалам)» [Семенов, 1924].

Итогом этого этапа освоения лермонтовского наследия становится монография 1939 года «Лермонтов на Кавказе» [Семенов, 1939а], цель которой Б.М. Эйхенбаум в своей рецензии определил так: одна из первых попыток «определить круг вопросов, связанных с пребыванием Лермонтова на Кавказе, и наметить пути к освещению некоторых из этих вопросов» [Эйхенбаум, 1940: 180]. В 1941-м, в год 100-летия со дня смерти Лермонтова, помимо участия в двух лермонтовских изданиях, объединяющих «кавказские» тексты поэта [см.: Семенов,

Filologia_5_14.indd 81 14.02.2015 23:36:46

1939б; 1941а][5], выходит семеновская книга «Лермонтов и фольклор Кавказа», где последовательно рассматривалось обращение к кавказскому фольклору предшественников Лермонтова, причины, способствовавшие интересу Лермонтова к фольклору вообще и к фольклору Кавказа в частности, влияние на лермонтовское творчество фольклора горцев Северного Кавказа, гребенских казаков, народов Закавказья, а вместе с тем давался обзор всех основных мотивов в творчестве Лермонтова, «имеющих отношение к фольклору народов Кавказа» [Семенов, 1941б: 1]. Благодаря этим двум семеновским работам 1939 и 1941 гг., по мнению В.Э. Вацуро, «определилась особая область – изучение иноязычных, прежде всего кавказских, фольклорных источников лермонтовских стихотворений и поэм» [Вацуро, 1976: 211].

Лермонтовские публикации ученый готовит и в послевоенный период своей научной деятельности. Так, одна из последних его работ, напечатанная посмертно, продолжает тему «Лермонтов и фольклор» и посвящена связям поэмы «Хаджи Абрек» с горским фольклором, в первую очередь адыгейцев и кабардинцев [Семенов, 1960].

Делом всей жизни стало для Семенова собирание уникальной лермонтовской коллекции, переданной в 1951 г. в дар музею «Домик Лермонтова» в Пятигорске. «Семеновский фонд», включающий около 5 тыс. наименований, представляет, по оценке специалистов, «почти всю историю лермонтоведения и кавказоведения за 150 лет» [Тер-Габриэльянц, 1988: 44].

В историю лермонтоведения Семенов вошел и как инициатор создания первой в России энциклопедии одного автора – «Лермонтовской энциклопедии» [Лермонтовская энциклопедия, 1981: 5].

Надо сказать, что, если ретроспективно посмотреть на научный метод Семенова, присущий ему с первых его шагов, имея в виду именно его постепенно сложившийся план издания «Лермонтовской энциклопедии», многое, что ставилось ему рецензентами в упрек, окажется понятным и даже закономерным. Напрасно Дурылин полагал, что сопоставление Лермонтова и Толстого чрезмерно велико и автор обращает внимание даже на случайные аналогии и тождества [Дурылин, 1914: 70]. Напрасно Б.М. Эйхенбаум в рецензии на книгу «Лермонтов на Кавказе» говорил о чувстве досады и разочарования, которое он испытал, увидев в книге «сводку материалов, связанных с вопросом о кавказских поэмах Лермонтова и о пребывании Лермонтова на Кавказе», сводку полезную, но которую, с его точки зрения, мог «сделать любой лермонтовед», а не автор «очень интересной книги “Лермонтов и Л. Толстой”» [Эйхенбаум, 1940: 180]. Если мы,

[5] Подробнее о лермонтовских публикациях ученого в научных сборниках или газетах в этот период см.: Библиография литературы о М.Ю. Лермонтове (1917–1977 гг.) / Сост. О.В. Миллер; ред. В.Н. Баскаков. Л., 1980.

Filologia_5_14.indd 82 14.02.2015 23:36:46

зная о замысле издания «Лермонтовской энциклопедии», заглянем в ту же книгу «Лермонтов и Лев Толстой», то увидим и тут своего рода энциклопедию основных мотивов или своего рода заготовки для соответствующих энциклопедических статей. Отсюда такие заголовки глав, как «Война», «Смерть», «Суд», «Карты», «Музыка», «Пляска» и т. д. Семенов, сам того, может быть, не сознавая, изначально был склонен не к построению новых литературоведческих гипотез или теорий, но к кодификации фактического материала по энциклопедическому принципу – будь то литературные или фольклорные мотивы, литературные или биографические взаимосвязи, библиография или собирание коллекции прижизненных и посмертных изданий Лермонтова и о Лермонтове.

Реализацию намеченного Семеновым плана Лермонтовской энциклопедии взял на себя близкий ему человек и выдающийся лермонтовед Виктор Андроникович Мануйлов. О том, как он отнесся к предложению Семенова и как создал целый коллектив, говорила в докладе на пленарном заседании юбилейной Лермонтовской конференции, проходившей в начале октября 2014 г. в Московском университете, сотрудник Пушкинского Дома Ольга Валентиновна Миллер. Сам Виктор Андроникович рассказал об этом в 1965 г. в статье «Персональная энциклопедия как тип издания»[6] следующим образом: «История ее [энциклопедии. – *Т.-Г.*] замысла такова. 30 июня 1958 г., незадолго до смерти, известный лермонтовед и кавказовед, заслуженный деятель науки, профессор Леонид Петрович Семенов обратился к группе ленинградских литературоведов (в том числе к автору этой статьи[7]) с просьбой осуществить давний его замысел и подготовить к изданию Лермонтовскую энциклопедию. “В моем представлении, – писал Л.П. Семенов, – Лермонтовская энциклопедия должна быть солидным трудом, подытоживающим лучшие достижения лермонтоведения прежнего времени и советской эпохи… В целом эта энциклопедия будет сводом всесторонних сведений об эпохе, жизни и творчестве поэта, о его современниках, об источниках всех его произведений, о связи его литературного наследия с русской литературой, литературой народов СССР, зарубежной литературой, о ценности лучших трудов о нем за период XIX–XX вв., о научных изданиях его сочинений, об отражении его сюжетов и образов во всех областях искусства. Эта работа должна быть выполнена как патриотическое задание: к 150-летию со дня рождения великого поэта надо создать монументальный труд о нем, доступный для широких

[6] Сердечно благодарю О.В. Миллер за библиографические сведения об этой публикации.

[7] По устному свидетельству О.В. Миллер, письмо на самом деле было обращено лично к В.А. Мануйлову, и лишь по его скромности в тексте появился «коллективный адресат».

Filologia_5_14.indd 83 14.02.2015 23:36:47

читательских кругов, труд, который будет полезен для литературоведов не только нашей страны, но и для передовых людей Запада и Востока"» [Мануйлов, 1964: 264].

Хотя собранный Мануйловым коллектив энтузиастов работал не покладая рук, однако том не смог появиться к 150-летию со дня рождения поэта, а вышел лишь в 1981 г., к 140-летию со дня его гибели. В.А. Мануйлов искренне радовался тому, что этот сплоченный коллектив сумел «воплотить в жизнь замысел незабвенного моего друга и учителя Леонида Петровича Семенова»[8].

О самом Семенове в задуманной им Лермонтовской энциклопедии, к сожалению, специальной статьи помещено не было. По устным свидетельствам Виктора Андрониковича, причиной тому было отношение к Семенову одного из членов редколлегии – Ираклия Андроникова. Максимум, чего мог добиться Мануйлов как главный редактор тома, это упоминание о Семенове как инициаторе энциклопедии в обращении «К читателю», открывавшем это издание, остающееся до сих пор образцом, не превзойденным пока ни одним из последующих энциклопедических опытов отечественных литературоведов.

На первый взгляд, отсутствие Семенова в словнике «Лермонтовской энциклопедии» почти неявно, так как в том вошло очень мало отдельных статей, посвященных отечественным лермонтоведам (хотя статья об Андроникове туда вошла). Однако изъятие семеновского имени из издания 1981 г. рикошетом сработало в год 200-летия Лермонтова, когда под эгидой РГНФ вышел энциклопедический словарь, посвященный творчеству поэта [М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь, 2014]. Статьи о Семенове в нем нет, хотя словарь включает статьи об исследователях. Кроме того, в ряде отзывов на издание в качестве инициатора Лермонтовской энциклопедии фигурирует уже даже не В.А. Мануйлов[9], отдавший почти два десятилетия жизни реализации этой идеи, но Ираклий Андроников[10].

---

[8] Письмо В.А. Мануйлова к младшей сестре Л.П. Семенова цит. по: [Л.П. Семенов – историк и критик русской литературы, 1986: 20].

[9] О В.А. Мануйлове как инициаторе издания говорится и на сайте Пушкинского Дома, и в «Большом энциклопедическом словаре» 2000 г.

[10] «Со времен "Лермонтовской энциклопедии" (1981, гл. ред. В.А. Мануйлов) не было подобного издания. И жанр – "энциклопедический словарь" – обозначен все-таки не вполне верно. В сущности, это именно *Лермонтовская энциклопедия*. Но – другая. Представляющая современный уровень изучения М.Ю. Лермонтова. В ней отражено куда более адекватное представление о Лермонтове, чем в издании, инициированном И.Л. Андронниковым», – пишет профессор И.А. Есаулов в тексте «Лермонтов. МГУ. 200-летие. Международная конференция» http://esaulov.net/uncategorized/lermontov-mgu-konf/ и на сайте Литературного института, а вслед за ним это повторяется и на других сайтах, см., например, текст «В России стартовала серия презентаций энциклопедического словаря "М.Ю. Лермонтов"» http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/55614/.

Filologia_5_14.indd 84 14.02.2015 23:36:47

Печальна и судьба родового дома ученого в родном ему городе Владикавказе, где бывали многие выдающиеся деятели отечественной науки и культуры, – к настоящему времени, несмотря на охранную мемориальную доску он практически полностью разрушен. Это не может не наводить на достаточно пессимистические размышления о посмертной судьбе ученого, которого современники рассматривали как одного из крупнейших лермонтоведов первой половины XX в. [Л.П. Семенов. От музея «Домик Лермонтова».., 1960]. Однако лермонтоведческие работы Семенова начала прошлого столетия, давно ставшие библиографической редкостью, переиздаются и в наши дни, пусть не отдельными изданиями, но в антологиях [Лермонтовский текст.., 2007] – и это главное.

Список литературы

Библиография литературы о М.Ю. Лермонтове (1917–1977 гг.) / Сост. О.В. Миллер; ред. В.Н. Баскаков. Л., 1980.

Вацуро В.Э. М.Ю. Лермонтов // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л., 1976. С. 210–248.

Дурылин С.Н. Л. Семенов. Лермонтов и Л. Толстой. М., 1914 [рец.] // Путь. 1914. № 3. С. 70.

Л.П. Семенов. От музея «Домик Лермонтова» (Некролог) // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960. С. 5–28.

Л.П. Семенов – историк и критик русской литературы. Учебное пособие / Науч. ред. М.А. Тахо-Годи. Орджоникидзе, 1986.

Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981.

Лермонтовский текст: ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: исследования 1900–2007 годов: Антология: В 2 т. Т. 1 / Сост. К.Э. Штайн; под ред. проф. В.А. Шаповалова. 2-е изд., испр., доп. Ставрополь, 2007. 776 с. (сер. «Филологическая книга СГУ»)

Литература о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Библиографический указатель. 1825–1916 / Сост. О.В. Миллер; науч. ред. Г.В. Бахарева и В.Э. Вацуро. Л., 1990.

М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М., 2014.

Мануйлов В.А. Персональная энциклопедия как тип издания (по материалам подготовки Лермонтовской энциклопедии) // Книга. Сб. 11. М., 1964. С. 263–269.

Мануйлов В.А. Семенов Л.П. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971.

Научное наследие Л.П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа / Отв. ред. М.А. Тахо-Годи. Орджоникидзе, 1988.

Пумпянский Л.В. Стиховая речь Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова; коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб., 2002. С. 581–606.

Filologia_5_14.indd 85 14.02.2015 23:36:47

Семенов Л.П. «Ангел»: Очерк поэзии Лермонтова // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XIX. Памяти проф. Е.К. Редина. Харьков, 1913. С. 263–298.
Семенов Л.П. К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // Филологические записки. 1914а. Вып. 5–6. С. 614–639.
Семенов Л.П. Лермонтов и Лев Толстой. К столетию со дня рождения Лермонтова. М., 1914б.
Семенов Л.П. Лермонтов. Статьи и заметки. М., 1915а.
Семенов Л.П. Из воспоминаний о проф. С.В. Соловьеве. Харьков, 1915б [Оттиск из «Вестника Харьковского Историко-филологического общества». 1916. Вып. 6. С. 3–12].
Семенов Л. П. К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 (по архивным материалам). Владикавказ, 1924 [Оттиск из «Известий Северо-Кавказского педагогического института», 1924. Т. 2. С. 39–58].
Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск; Орджоникидзе, 1939а.
Семенов Л. П. Кавказские поэмы Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Кавказские поэмы. Ворошиловск, 1939б. С. 5–23.
Семенов Л. П. Кавказ в поэзии Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Кавказские стихотворения и поэмы. Пятигорск, 1941а. С. 5–42.
Семенов Л. П. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941б.
Семенов Л.П. Мотивы горского фольклора и быта в поэме Лермонтова «Хаджи Абрек» // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960. С. 7–28.
Тахо-Годи Е.А. Три письма Л.П. Семенова к М.О. Гершензону (материалы к биографии ученого) // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции / Отв. ред.: О.А. Клинг и А.А. Холиков. М.; СПб., 2012а. С. 67–73.
Тахо-Годи Е.А. Литературная предыстория псевдонима ученого: Л.П. Семенов – Глыбов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012б. № 6. С. 127–133.
Тер-Габриэльянц И.Г. Лермонтовед Л.П. Семенов и его коллекция в фондах Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова // Научное наследие Л.П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа / Отв. ред. М.А. Тахо-Годи. Орджоникидзе, 1988. С. 44–51.
Фризман Л.Г. Кавказ о Лермонтове (Из неопубликованного наследия Л.П. Семенова) // Проблемы литературы и эстетики: Сборник, посвященный памяти профессора Л.П. Семенова. Орджоникидзе, 1976. С. 19–21.
Фризман Л.Г. Л.П. Семенов – исследователь Льва Толстого // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 309–311.
Эйхенбаум Б.М. Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе // Звезда. 1940. № 2. С. 180–181.

Сведения об авторе: *Тахо-Годи Елена Аркадьевна*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: tahogodi@mail.ru

Filologia_5_14.indd 86 14.02.2015 23:36:47

СТАТЬИ

К.-Х. Лунд, О.В. Иванова (Дания)

ПОД ЗНАКОМ СЕВЕРА: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ДАТСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ В КОНЦЕ XVI в.

Статья рассматривает русско-датскую дипломатическую корреспонденцию в двух последних десятилетиях XVI в. Проводится сопоставительный лингвофилологический анализ датского и немецких переводов двух русских грамот, что в сочетании с собранными из разных источников сведениями о толмачах и других профессионалах на службе у датского короля дает возможность судить о качестве их подготовки, о механизме привлечения их на работу и о делопроизводстве и уровне информированности в датском дипломатическом ведомстве.

Ключевые слова: XVI в., русско-датские отношения, Лапландия, перевод, терминология, древнерусский язык, ранний новодатский, ранний нововерхненемецкий, средненижненемецкий.

The article examines the Russian-Danish diplomatic correspondence in the last two decades of the 16th century. In this connection it presents a comparative linguistic-philological analysis of one Danish and a number of German translations of two Russian official letters. Together with data from different sources about the interpreters and other professionals in the service of the Danish king this makes it possible to assess their professional skills, the mechanism of their recruitment, and of the information level and the procedures of the Danish diplomatic service.

Key words: 16th century, Russian-Danish relations, Lapland, translation, terminology, Old Russian, Early New Danish, Early New High German, Middle Low German.

Спор за Лапландию

После окончания Ливонской войны (1558–1583), когда власть в Прибалтике оказалась разделенной между Швецией и Польшей, на первое место в русско-датских отношениях вышел вопрос о праве владения Лапландией с Кольским полуостровом. Именно эти земли, а также устье Северной Двины, куда с середины века стали ходить английские, а потом и нидерландские и другие торговые суда, стали местом все возрастающей экономической активности, а с потерей Россией выхода к Балтийскому морю Мурманское побережье и основанный в устье Северной Двины порт Архангельск приобрели ключевое значение для торговли России с Западной Европой.

Filologia_5_14.indd 87 14.02.2015 23:36:47

В этих условиях активизировались притязания сторон на спорные территории. Датское королевство, у которого главным опорным пунктом в этом регионе была крепость Вардехус, претендовало на всю Лапландию, считая ее исконно норвежской землей[1], а с российской стороны продолжалась колонизация, в том числе через экспансию русских монастырей. Для урегулирования споров и размежевания территории неоднократно назначались съезды послов. Однако никакого решения по Лапландскому вопросу к началу нового столетия принято не было из-за недостатка политической воли с обеих сторон или нежелания идти на компромисс. В 1601 г. на повестку дня встает вопрос о заключении династического брака между дочерью Бориса Годунова и братом Кристиана IV, в котором каждая сторона имела свои интересы, в том числе, касающиеся Лапландии[2].

Дипломатическая активность и переписка

Появление новых ориентиров во внешней политике двух стран хорошо прослеживается на новом характере дипломатической активности и новой направленности переписки. Весной 1582 г. Фредерик II уже распорядился отправить три корабля к Вардехусу, Коле и Св. Николаю[3] для сбора сведений о «недозволенном» плавании иноземцев через королевские воды и с тем, чтобы по возможности положить конец такому плаванию [Щербачев, 1893: 120–121]. В грамоте же Ивана IV к датскому королю от июля 1582 г. [Щербачев, 1897: 189–206], переведенной на датский язык Хенриком Олуфсеном (см. [Лунд, Иванова, 2012]), впервые с российской стороны затрагивается вопрос о морском пути вокруг Норвегии. С этого времени и до конца столетия почти вся хранящаяся в архивах корреспонденция между двумя сторонами так или иначе касается Севера.

Для рассматриваемого периода с 1582 г. до конца века речь идет о 25 оригиналах с российской стороны, из которых 24 на русском языке, а один на немецком. К русским оригиналам приложено всего 36 переводов, три из которых – на датский язык, а 33 – на немецкий. К некоторым документам сделаны по два или более переводов или выдержек, а к четырем документам – одна общая выдержка. Кроме того, имеются копии около 30 исходящих писем с датской стороны, написанных на немецком языке. Для анализа в настоящей статье мы выбрали переводы к двум русским грамотам – к большой грамоте от 13 августа 1592 г., с которой сделаны один датский и два немецких перевода, и к грамоте от июля 1596 г., с которой сделаны целых пять немецких переводов.

[1] Норвегия входила в состав Датского королевства с 1397 по 1814 г.

[2] Подробнее о спорах за Лапландию и о торговых связях см. [Шаскольский, 1970; Lind, 1993].

[3] Гавань и монастырь в устье Северной Двины, где вскоре был основан порт Архангельск.

Filologia_5_14.indd 88 14.02.2015 23:36:47

Источники

Часть интересующей нас корреспонденции с 1582 г. до конца века хранится в Государственном архиве Дании (Rigsarkivet) в фонде, относящемся к Внешнему отделу Немецкой канцелярии (Tyske Kancellis Udenrigske Afdeling, сокр. TKUA)[4]. Это архивные единицы [TKUA (73–2); TKUA (73–3); TKUA (73–14); TKUA (73–17); TKUA (73–36)]. Кроме того, копии писем короля были внесены в копейные книги исходящих писем Немецкой канцелярии – Ausländisch Registrant 1540–1756, TKUA. Значительная часть интересующей нас корреспонденции в 1990-е годы была передана на хранение в Государственный архив Норвегии (Riksarkivet). Речь идет о единице [TKUA (73–16)]. Документы, относящиеся к этой архивной единице, мы просматривали по имеющемуся в Копенгагене микрофильму S16-film: S16_5265-5266. В дальнейшем для простоты изложения мы будем ссылаться на нее как на архивную единицу [TKUA (73–16)], хранящуюся в Государственном архиве Дании. Кроме того, мы будем уточнять местонахождение документа лишь в тех случаях, когда данный документ специально анализируется нами.

Все относящиеся к этому периоду документы, связанные с Россией, которые хранятся в Копенгагене, описаны (с единичными пропусками) русским историком и дипломатом Ю.Н. Щербачевым [1893]; им же изданы русские грамоты до 1690 г. [1897]. Для настоящей статьи мы будем использовать опубликованный Ю.Н. Щербачевым текст русских грамот[5]. Переводы, а также копии исходящих писем с датской стороны не опубликованы.

Переводчики на королевской службе

Известны имена по крайней мере двух переводчиков – Симона ван Салингена и Боркерта Гертсена.

Самым ярким из них является нидерландец Симон ван Салинген (Simon van Salingen, Simon von Salingen). О своем первом знакомстве с Лапландией и Россией в 1566 г. как бухгалтера Антверпенской торговой компании, о своих последующих поездках по России и самостоятельном плавании вокруг всего Кольского полуострова он

[4] В рассматриваемый период внешними сношениями Дании, кроме отношений со Швецией, ведал Внешний отдел Немецкой канцелярии, служащие которой в основном состояли из приглашенных на королевскую службу немцев. Подробнее о работе Немецкой канцелярии см. [Лунд, Иванова, 2012: 89].

[5] Протокольная часть русских грамот, включая возможное формулярное обращение к Богу и полное обозначение адресанта и адресата, передается Ю.Н. Щербачевым в сильно сокращенном виде. По мере необходимости мы эту часть рассматриваемых грамот восстановили по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве в Копенгагене. В остальном воспроизводим отрывки из русских грамот так, как они приведены Ю.Н. Щербачевым, не считая нужным для наших целей следовать правилам лингвистического издания памятников древнерусской письменности.

Filologia_5_14.indd 89 14.02.2015 23:36:47

писал в своем «Сообщении» на немецком языке от 1591 г. [Salingen, 1914; Салинген, 1901]. О королевской службе Симона ван Салингена в «Сообщении» нет информации, но, по всей видимости, она началась в 1582 г. В грамоте Ивана IV к Фредерику II от июля 1582 г. царь жалуется, «что приходили въ наше государство, въ Колское пристанище на Мурманскомъ мори и х Колмогорамъ, твоихъ пять кораблей, и розбойнымъ обычаемъ межь нашіе вотчины на морѣ у Колы и у Колмогоръ розбили нѣмецъ, которые къ намъ въ наше государство ѣхали», и среди пострадавших судов царь называет «корабль Семеновъ Фонзалингена» [Щербачев, 1897: 203]. Видимо, датчане усмотрели в предприимчивом купце, успевшем к тому времени выучить русский язык, полезного человека и сумели договориться с ним на взаимовыгодных условиях. Как бы там ни было, 7 января 1584 г. Симон ван Салинген в г. Орхус в Ютландии уже расписывается под двумя написанными его рукой переводами на немецкий язык [Щербачев, 1893: 122]. В мае 1584 г. его на корабле вместе с капитаном Норманом де Лановетом отправляют в Колу с миссией отстаивать права короля на Лапландию и собирать дань. Уже на этом первом задании определяется круг его обязанностей, который и дальше будет характеризовать его деятельность на королевской службе: он составляет письма на немецком языке к царским должностным лицам на Севере, переводит устно не только с русского на немецкий, но и с немецкого на русский, ведет письменную документацию, помечая документы и в том числе копии писем, остающиеся у посольства, собственноручными надписями, и, по всей видимости, это он составляет отчет об итогах посольства. Иными словами, он выполняет функцию ответственного секретаря, похожую на функцию дьяка в составе царского посольства, при этом он еще и служит толмачом. Что касается письменных переводов, то собственноручных немного: помимо двух упомянутых выше, выполненных в январе 1584 г., в архиве имеются только перевод грамоты от 22 июля 1595 г. [там же: 142] и перевод грамоты от июля 1596 г. [там же: 145]. Последний из этих переводов будет проанализирован ниже. Вообще Симон ван Салинген вряд ли занимался переводами по призванию – кроме дипломатической деятельности его больше занимала коммерция. По этому поводу есть ряд королевских распоряжений [Laursen, 1906: 394; 1908: 280, 391; 1913: 136], и в одном, от 1597 г., его даже называют ‘купцом короля’ [Laursen, 1913: 194–195]. Последним его известным поручением для короля была поездка в составе посольства в Москву к царю Борису Федоровичу зимой 1601–1602 гг. Симон ван Салинген был гражданином Копенгагена [Lind, 1974: 152–153]. В 1594 г. он стал членом престижного братства – Датской компании, членом которой с 1595 г. был сам Кристиан IV [Nielsen, 1884: 50].

Имя Боркерта Гертсена (Borchertt Gertsenn, borkert gertzenn) встречается впервые на письменном заявлении протеста, которое он

Filologia_5_14.indd 90 14.02.2015 23:36:48

вместе с другими свидетелями подписал в Коле 2 июля 1584 г. в конце встречи с кольским воеводой. Как явствует из собственноручной отметки Симона ван Салингена на обложке, документ был зачитан вслух, переведен им (устно), подписан им и его товарищами, скреплен печатью (или печатями), а затем вручен воеводе [Щербачев, 1893: 124]. Следующее известное нам упоминание о Боркерте Гертсене относится уже к началу 1593 г. В сборнике исходящих писем Датской канцелярии есть запись за 22 февраля 1593 г. об '[определении] на службу Боркерта Гертсена как русского толмача и помощника капитана на собственных кораблях короля и на других кораблях, плавающих северным путем вокруг Вардехуса, когда король велит ему; в остальное время он должен всегда быть в распоряжении государственного совета при дворе или там, где он нужен королю внутри или вне королевства, на суше или на море. Он должен получать 200 далеров и обычное придворное платье ежегодно из казначейства и бесплатное жилье в Копенгагене' [Laursen, 1910: 24]. Уже в начале марта 1593 г. Боркерта Гертсена отправляют гонцом в Москву с грамотой Кристиана IV к Федору Ивановичу, а оттуда он возвращается в конце октября с ответной грамотой. Однако еще до этой поездки, в том же 1593 г., он успел сделать перевод на датский язык большой грамоты от 13 августа 1592 г. к датскому королю от царских послов, тщетно ожидавших послов датских – это следует из самого перевода, который будет проанализирован ниже. В 1595 г. Боркерт Гертсен становится членом вышеупомянутой Датской компании [Nielsen, 1884: 50] и в том же году приобретает дом в Копенгагене [Ramsing, 1945: 21–22]. В этом и следующем году его еще два раза посылают в Москву с королевскими грамотами. Однако после возвращения из Москвы в сентябре 1596 г. его, кажется, больше не посылают в Россию гонцом. Зато его опять пробуют в качестве переводчика. Речь идет о привезенной им самим из Москвы царской грамоты, датированной июлем 1596 г. Его подпись значится под одним из пяти немецких переводов этой грамоты. К этим переводам, которые включают также вышеназванный перевод Симона ван Салингена, мы вернемся ниже. Имя Боркерта Гертсена появляется снова в 1599 г. Он упомянут как 'наш русский толмач Боркерт' в дневнике Сиверта Груббе, одного из участников большого трехмесячного похода молодого короля Кристиана IV весной и летом 1599 г. вокруг Норвегии к Вардехусу и дальше вдоль Мурманского побережья [Hagen, Sparboe, 2004]. Последнее упоминание о Боркерте Гертсене датируется 24 декабря 1601 г., когда он в качестве гонца должен был заказать ночлег и прочее необходимое для русских послов [Laursen, 1913: 695]. Речь шла об И.С. Ржевском и П. Дмитриеве, которые осенью 1601 г. прибыли в Данию с предложением Бориса Годунова о браке между младшим братом короля, герцогом Хансом, и царевной Ксенией Борисовной.

Filologia_5_14.indd 91 14.02.2015 23:36:48

Русская грамота 1592 г. и три ее перевода

Речь идет о большой грамоте от 13 августа 1592 г. к датскому королю Кристиану IV от царских послов, которые тщетно ожидали своих датских коллег [TKUA (73–16); Щербачев, 1897: 257–278]. Как следует из грамоты, царские послы сами прибыли в Колу волость, точнее, к острову Кильдин к северу от города Кола, к 21 июля (к Ильину дню)[6], чтобы там месяц дожидаться датских послов, как велел им царь. Датских послов они не застали, однако к ним прибыл королевский капитан Томас Норман[7] с двумя грамотами от Кристиана IV, одна из которых была адресована царю, а вторая предназначена для самих послов.[8] В грамоте к русским послам датский король известил их, что больше не может ждать известий от своего гонца Йоргена Муса[9], который так и не приехал из Москвы с сообщениями от царя, и поэтому не может послать на съезд выбранных было «честных мужей из думцов». Задержка Йоргена Муса крайне удивляет царских послов, поскольку он был отпущен из Москвы уже в начале февраля, а из Колы в Вардехус его отпустили в исходе марта, а «тому ныне шестой месяц», как подчеркивают послы.[10] Что касается дальнейшего ожидания царских послов, то они в любом случае будут ждать королевских послов в течение пяти недель после Ильина дня, как им велел царь, а только после этого отправятся обратно в Москву.

---

[6] Точная дата, на которую приходится Ильин день, 20 июля (по старому стилю). Об этом ниже.

[7] Томас Норман (Tomas Normand de la Navete), в сборнике исходящих писем Датской канцелярии упомянутый впервые в 1580 г. [Laursen, 1903: 22], в 80-е и 90-е годы неоднократно плавал в Вардехус и Колу с королевскими поручениями [Lind, 1974: 143–144].

[8] Копии двух грамот на немецком языке от 14 мая 1592 г. [Ausländisch Registrant; Щербачев, 1893: 134].

[9] Йорген Мус (Jørgen Mus) поступил на королевскую службу в 1582 г., после того как его корабль с товарами, которые он вез в Колу без разрешения, был остановлен и конфискован согласно распоряжению короля [Laursen, 1903: 551]. Он, однако, не оставил свою купеческую деятельность. В 'открытом письме' от 9 апреля 1591 г. Йоргену Мусу, копенгагенскому горожанину, разрешается забрать обратно из Вардехусского лена в Норвегии возможный непроданный крестьянам товар, несмотря на исключительные привилегии горожан Бергена и Тронхейма и ганзейской конторы в Бергене [Laursen, 1908: 581].

[10] Удивление царских послов можно понять. Согласно надписи (сделанной рукой секретаря Немецкой канцелярии Августа Эриха) на царской грамоте от февраля 1592 г., Йорген Мус привез ее в Копенгаген только 20 июня [Щербачев, 1893: 134]. Нельзя, наверно, совсем исключить, что задержка Йоргена Муса была связана с его личными делами. Как упомянуто выше, в открытом письме от 9 апреля 1591 г. король разрешил ему забрать товар обратно из Вардехусского лена. В середине мая ему было дано распоряжение отплыть в Норвегию [Laursen, 1908: 373], а в начале июня 1591 г. он отправился гонцом в Москву из Акерсхуса вместе с царским гонцом Гаврилом Салмановым [Щербачев, 1893: 133]. Как тут не заняться своими купеческими делами, когда Вардехус как раз на обратном пути!

Filologia_5_14.indd 92 14.02.2015 23:36:48

Кроме непосредственной реакции на известие о неприбытии датских послов, ответная грамота от 13 августа 1592 г. содержит традиционное для этого жанра описание предыстории данного вопроса. Традиционными являются также призыв к добрососедству и взаимовыгодной торговле и заверения в крепкой дружбе и приятельской любви к датскому королю со стороны царя. Нетрадиционным для такого документа является пространный рассказ о злоключениях частного человека, которому посвящена вся последняя часть грамоты. Речь идет о довольно запутанной истории с одним царским подданным, пашенным человеком, Петрушкой Лукьяновым сыном, который лет за девять до этого «для взятку даного долгу своего и для науки нѣметцкого языка» поехал из Колы на брабантском торговом корабле сначала в Антверпен, а потом к королю Фредерику. Этого Петрушку потом отпустили домой, дав ему отпускную грамоту за королевской печатью. Однако когда он приехал в Варгав, т. е. Вардехус, королевский приказной человек там, Йорген Кос[11], забрал у него отпускную грамоту и послал было его с приставом назад в Датскую землю. Но на море Петрушку встретили королевские капитаны Симон ван Салинген и Ханс Ланге[12], и они повезли его обратно в Варгав, чтобы Йорген Кос вернул Петрушке его отпускную грамоту. В Варгаве того Йоргена Коса не нашли («не изъѣхали»), и им сказали, что он поехал в Колу. Однако и в Коле королевские капитаны его не нашли. Поэтому они решили вернуться в Варгав вместе с Петрушкой, чтобы наконец-то застать Йоргена Коса и заставить его отдать Петрушке его отпускную грамоту. Дальше описывается, как с преодолением определенных трудностей в конце концов удалось вернуть Петрушке его грамоту, и он стал жить в Коле у матери своей и у братьев. И этот пример показывает, что могут и должны быть добрососедские отношения между двумя государствами.

С данной грамоты были сделаны три известных нам перевода – один датский и один немецкий, находящиеся вместе [TKUA(73–16)], и один отдельно лежащий немецкий [TKUA(73–3)]. Этот последний перевод выделяется своим внешним видом: он на хорошей, толстой бумаге, на листах размером примерно в А4, и все листы склеены вместе таким образом, что получается одна большая лента длиной

[11] Йорген Кос (Jørgen Eriksen Kaas) (1554–1619) был королевским фогтом и ленником в Вардехусе в 1587–1596 гг. [Thiset, 1895: 62–63].

[12] Ханс Ланге (Hans Simonsen de Lange), именуемый в русской грамоте Иван Долгой, был королевским морским капитаном, который до описываемых событий по крайней мере в 1588 г. ездил в Колу вместе с Симоном ван Салингеном [Lind, 1974: 149–150]. В сборнике исходящих писем Датской канцелярии есть распоряжение казначею Эневольду Крусе от 28 августа 1592 г. о выплате жалованья ранее уволенному, но вновь принятому на службу морскому капитану Хансу Сименсену (Hans Simensen) [Laursen, 1908: 860]. Это наводит на мысль, что, может быть, он вместе с Симоном ван Салингеном плавал по личным купеческим делам в северных водах.

Filologia_5_14.indd 93 14.02.2015 23:36:48

около трех метров, т. е. мы здесь имеем дело со своеобразным подобием русских грамот, написанных «в столбцах». Для удобства сопоставления сравнительно небольших фрагментов мы будем располагать их слева направо в следующем порядке: текст русской грамоты (Грамота) – датский перевод (Дат) – немецкий перевод, хранящийся вместе с датским (Нем1), – немецкий перевод, хранящийся отдельно (Нем2).

Формула обращения к Богу и титулы государей

Вся протокольная часть отсутствует в датском переводе, что может свидетельствовать о его сравнительно неформальном характере. В немецких переводах она есть. Дальше, в самом тексте документа, опять упоминается царь:

Грамота	Дат	Нем1	Нем2
И великій государь нашъ царь и великій князь Феодоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ земель государь самодержецъ	woris stormegtige Keiser alle Russens herre, fiodor Jwanowitza, som haffuer Lande nock och Keiser samoderschoi	Vnd vnser Grossfurst Keyser vnd Grossfurst Feder Jwanowitz aller Reussen, hat viele lande vnder sich	wir grosen H: Zaarn föder Iwannowitz aller Reusen, undt vielen Länder sellbst erhalter

Как видим, и в датском, и в первом немецком переводе титул *царь* переводится аналогичным термином на этих двух языках, что соответствует узусу в XVI в. Русское заимствование, которое используется вторым немецким переводчиком, утверждается в переводах только в XVII в. Новое звание *самодержецъ* в датском переводе передается заимствованием, которое в грамотах нигде больше не встречается и, скорее всего, было непонятным и для самого переводчика. В первом немецком переводе это звание пропущено, а во втором используется удачная калька *selbst erhalter*, которая в XVII в. уже становится нормой.

Чины и должности, антропонимы

Как можно было ожидать, такие привычные в дипломатических сношениях названия, как *посолъ* и *гонецъ*, трактуются почти одинаково у трех переводчиков:

Грамота	Дат	Нем1	Нем2
послы гонца своего Гаврила Салманова (вин. п.)	Gesanter hanss post Gaffrila Salmanova	Gesanten seinen Post Gavrrila Salmanova	gesanten Euren Courier gabriel Salomon

Менее ожидаемо сохранение падежных окончаний в фамилии царского гонца в датском и первом немецком переводах. Второй немецкий переводчик здесь выделяется тем, что, во-первых, переделал антропоним на немецкий лад, а во-вторых, выбрал неправильное

Filologia_5_14.indd 94 14.02.2015 23:36:48

личное местоимение *Euren* ‘Вашего’, сделав гонца королевским, а не царским. Больше различий в переводах наблюдаем, когда речь идет о других чинах и должностях у русских:

Грамота	Дат	Нем1	Нем2
дворянина и намѣстника козельского князя Ивана Михайловича Борятинского (вин. п.)	hoffzinn, och der thill stede, Kosselskogo, knas Jwan Michaillowitza Borentinskigo	den hofjunckern vnd Namestnick, Coselskogo den fursten Jwan Michaelowitz Boratinsko	unsere hof juncker undt Erbgesessen zu Koselskogo furst Iwan Michailowitz Boretinsko

Для звания *дворянинъ* датский переводчик удачно выбирает распространенный в это время датский термин *hoffzinn* (ср. *hofsinde* в [ODS]). В двух немецких переводах тоже выбирается вполне уместный эквивалент. Разброс решений вызывает должность *намѣстникъ*: у датского переводчика здесь получается неправильно понятая калька *der thill stede* ‘там на месте’, у первого немецкого переводчика используется заимствование, а второй немецкий переводчик останавливает свой выбор на немецком термине *Erbgesessen*, который, однако, не может считаться эквивалентным русскому оригиналу, поскольку означает человека, владеющего (наследственной) недвижимостью [DWB; DRW]. Можно удивляться, что среди переводов слова *намѣстникъ* нет принятого в большинстве хранящихся в Копенгагене датских и немецких грамот этого периода варианта *Statholder* и *Statthalter*. Зато сюрпризов нет в трактовке переводчиками русского чина *князь*: выбирается либо уже часто встречающееся к этому времени заимствование *knas*, либо стандартный перевод *furst* (ср. *fürst* в [DWB]). Как в предыдущем фрагменте, мы и здесь замечаем определенную неуверенность в передаче имен собственных. Такая неуверенность подтверждается и при обращении к следующему фрагменту, в котором представляют себя члены царского посольства в составе двух дворян и одного дьяка:

Грамота	Дат	Нем1	Нем2
меня, воеводу своего и намѣстника брянского князя Семена Григорьевича Звенигородцкого, а меня, дворянина своего и намѣстника болховского Григорья Борисовича Василчикова, а меня діака своего Ивана Максимова	mig hanss øuerste der thill stede første semena Gregoriwitza Svenigorskogo och mig hanss hoffzinn der thill stede Bolgaffskogo Gregorij Borisowitza Wasilsikowa och mig hans secretarius Jwana Maxzimava	Mir sein Weywod vnd Nameessnick Branskogo furst Simen Gregoriwitz Schwenigrotskoy, vnd mir ein sein hofjuncker vnd Namestnick Bolgofskogo, Gregorie Barissawitza Bassitzikowa, vnd mir ein Schreiber Juana Maximoua	dem weywodden unsers Erbgessen undt Bojaren Simon gregorowitz von isswenigorodt, nehbenst unserm Wassilly Schichowa, nehbenst unserm Cantzeler nahmens Iwan Machsimoss,

Filologia_5_14.indd 95 14.02.2015 23:36:48

Бросаются в глаза почти сплошное сохранение русских падежных окончаний в датском переводе и много случаев этого в первом немецком переводе. Это наводит на мысль о полном или частичном незнании переводчиками падежных форм. У второго немецкого переводчика меньше случаев сохранения таких окончаний, зато его перевод пестрит пропусками и искажениями, в том числе в именах собственных. Характерно еще, что все три переводчика сохраняют русские топонимические определения к должности *намѣстникъ*, причем с сохранением падежных окончаний. Что касается такой должности, как *воевода*, то датский переводчик выбирает аналогичный военный термин в датском языке – *øuerste*, тогда как немецкие переводчики используют заимствование, хорошо известное уже, когда речь идет о русских реалиях. Вообще датский переводчик чаще всего (хотя не всегда, как мы уже убедились) избегает использования заимствований и в этом фрагменте прибегает к принятому датскому переводу для чина *князь* – *første* [ODS]. А почему второй немецкий переводчик на этот раз для перевода этого чина использует уже другое хорошо известное заимствование из русского языка – *Bojaren*, остается загадкой. Последнее в этом фрагменте звание – *дiакъ* – передается по-разному тремя переводчиками: как *secretarius*, *Schreiber* и *Cantzeler*. Из них выбранный датским переводчиком вариант представляется наиболее правильным: дьяк Иван Максимов в составе посольства как раз выполнял функцию ответственного секретаря; он не был просто писарем, и он не был руководителем канцелярии.

Рассмотрим еще один русский антропоним и одно русское название должности:

Грамота	**Дат**	**Нем1**	**Нем2**
о Петрушкѣ Лукъяновѣ сынѣ	Petter Luckiano sønn	Peter Ruscha Lucanouitzin	Petrussky
с приставомъ	*отсутствует*	ein Leitszeger	*отсутствует*

Нет сомнений, что датский переводчик понял уменьшительную форму имени нашего многострадального царского подданного. Скорее всего, разобрался с этим и второй немецкий переводчик: кроме вышеприведенной формы, у него встречается и форма *Petrusska*, и один раз – форма *Peter*. Такое впечатление, однако, что первый немецкий переводчик не распознал уменьшительную форму: похоже, что уменьшительный суффикс им трактуется как второе имя или даже кличка, на что указывает регулярно в его переводе встречающаяся форма *Peter Russ*. Что касается конвоира, который должен был доставить Петрушку обратно в Данию и который здесь именуется приставом, то он упомянут только первым немецким переводчиком.

Filologia_5_14.indd 96 14.02.2015 23:36:48

Выбранный им перевод *Leitszeger* представляется вполне удачным: данное слово *Leitsager* [DRW] означало ’сопровождающий’, ср. средненижненемецкий глагол *lêtsagen* [Schiller, Lübben, 1875–1881] и датское существительное *ledsager*, происходящее из средненижненемецкого языка [ODS].

Перейдем теперь к случаям упоминания в русской грамоте королевских людей:

Грамота	Дат	Нем1	Нем2
человѣка своего Юрья Муса (вин. п.)	eders tienere Jørren Muss	Euren Diener Jurga Musa	Jeronimuss
гонецъ Юрьи Мусъ	post Jørren Muss	Post Jurgen Muss	Courier Jeronimuss
и въ Варгавѣ вашъ приказной человѣкъ Юрьи Кошъ	eders høffuitzmann paa wardøhuss Jørren Kaas	vnd auf Warthowj euren Beuhelhaber Jurgen Kaass	welcher Eur Maytt: befehlsshaber, Nahmenss Jurgen Schock
капитайны Симонъ Фансалинъ да Иванъ Долгой	Cappetin Simon fann salling och hanss lange	Capiteni Simon von Salingen vnd Hans Lange	Capitaein Simon Von Salen begegnet, undt wie dass unser Iwan Dolgoy

В датском переводе данные о королевских людях переданы вполне аутентично: о Йоргене Мусе, Йоргене Косе, Симоне ван Салингене и Хансе Ланге мы уже упомянули в предыдущем изложении. Что касается должностей, то оборот *человѣка своего* в соответствии с этикетом передается как *eders tienere* ‘Вашего слугу’, а слово *høffuitzmann*, т. е. глава, начальник, в том числе в военном и административном отношении (ср. *høvedsmand* в [ODS]), вполне отвечает обязанностям фогта и ленника в Вардехусе. В двух немецких переводах названия должностей тоже не вызывают трудностей, но есть очевидные проблемы с именами собственными. Если взять первый немецкий перевод, то в первых пяти случаях упоминания Йоргена Муса он назван в форме *Jurga Musa*, и только в двух последних случаях появляется форма *Jurgen Muss*. Есть и трудности с переводом топонима *Варгавъ*, к чему мы вернемся при обсуждении топонимов. У второго немецкого переводчика продолжается череда искажений: *Jeronimuss* (по-русски Иероним) никак не выводится из Юрья Муса, фамилия *Schock* может быть связана с фамилией *Кошъ* только посредством перестановки согласных фонем, и речь в русской грамоте не идет о каком-то царском подданном Иване Долгом.

Топонимика и территориально-административное деление

Так как многие местности в данном регионе имели и датско-норвежские, и русские названия, выбор переводчиком того или иного

Filologia_5_14.indd 97 14.02.2015 23:36:49

названия может дать нам некоторое представление о его происхождении или профессиональной среде.

Грамота	Дат	Нем1	Нем2
въ Колу волость	vdj Koll	auf den bestimbten ort zu Kole	nach Colly wollesty
Варгавъ	vardøhuss	Warthowa; Warhuss	Wargaff/dehuss/
межъ государя нашего, напресвѣтлѣйшаго царского величества, отчины Новогородцкого уѣзда Лопские земли и межъ […]	vdj mellom Woris stormechtige Keiser, hans stormechtighedtz for faders Nawogrodskogo och lapland, och vdjmellom […]	zwischen vnserm herrn S. Durchleucht[], vnd Key Maytt Veterlichem Erb, auf der neuwgartschen herstressen gelagen, dess Jlopky landes vnd zwischen […]	order gegeben wegen die Streitigkeiten des landes, […], zwischen unss Zaarsche: Maytt: ein Ende zu machen, wie auch wegen den weck Naugarden undt Laplandt
въ Вайдѣ губѣ	Kiørwag	in Waydemunde	in dem Revier
у Килдина острова	vdj Keldin	auf dem Eiland Kildin	in Caldinien, auf der insell Coldiny

В датских документах того времени и в том числе в документах, написанных по-немецки, город Кола именуется преимущественно *Malmus* или *Malmis*. Поэтому отсутствие этого названия в переводах может свидетельствовать о том, что никто из переводчиков не работал специально с этой проблематикой в Немецкой канцелярии в Копенгагене. Территориально-административная единица *волость* не отражена в переводах, если не считать подобие заимствования у второго немецкого переводчика. Русский топоним *Варгавъ* соответствовал датскому названию *Vardøhus*, что и отражено в датском переводе. В датских документах, написанных на немецком языке, использовались варианты типа *Wardhuss, Warthuss, Wardthuss*. Из 14 упоминаний топонима *Варгавъ* первый немецкий переводчик в первых девяти случаях пишет *Warthowa*, *Warthowj*, *Warthaj* и т. п., и только в последних пяти случаях – *Warhuss*, *Warhusen*. Что касается второго немецкого переводчика, то у него везде написано *Wargaff*, но сверху, над строкой, он везде добавил *dehuss*.

Следующий фрагмент труден для понимания для непосвященного человека, и никто из переводчиков не справился с ним. Речь идет о необходимости с помощью старожилов установить старые рубежи между, с одной стороны, Лопской (Лапландской) землей, входящей в Новгородский уезд и являющейся наследственным владением царя, а с другой – землей датского короля. У датского переводчика вместо подчинительной связи между словосочетаниями *Новогородцкого уѣзда* и *Лопские земли* (род. п. ед. ч.) получается сочинительная

Filologia_5_14.indd 98 14.02.2015 23:36:49

связь, причем без слова *уѣзда*, которое он, скорее всего, не знает, и эти две местности, согласно его переводу, принадлежали еще предку (*forfader*) царя. У первого немецкого переводчика вместо Новгородского уезда говорится о Новгородской военной дороге (ср. *heerstrasze* в [DWB]), у которой якобы расположена Лопская (?) земля, а само оттопонимическое прилагательное везде передается либо как *Jlopky*, либо как *Ylopky*. Такое впечатление, что переводчик не был знаком с этим топонимом. У второго немецкого переводчика опять такой свободный подход и витиеватый стиль, что смысл теряется и трудно делать сопоставление. Местность Вайда-Губа, упоминаемая в русской грамоте, является бухтой и населенным пунктом у мыса Кегор (ныне мыс Немецкий) на полуострове Рыбачий. Норвежцы в XVI в. называли становище в этой губе «Кьёрвог» (Kjørvaag) [Вальдман, 1968: 56]. В датских документах того времени используется именно это название в разных вариантах, например, *Kørvoge*, *Korvage*, *Kohrvag*, а в документах, написанных на немецком языке, было принято название *Kirwagen*. Как видно, датский переводчик использует аутентичный вариант – *Kiørwag*, а его немецкие коллеги – нет. Кроме того, существительное *Mund*, входящее в предложенный первым немецким переводчиком вариант, означает не бухта, а устье, а вариант *Revier*, который мы встречаем у второго немецкого переводчика, как одно из своих значений имеет «район берега, устья» [DWB]. Остров Кильдин упоминается в датских документах этого периода как *Keldin* или *Kildin*, чему не соответствуют предложенные вторым немецким переводчиком варианты.

Формулы и реалии

Характер данной грамоты определяет сравнительно малое количество формулярных выражений из дипломатического обихода, но то, что есть, очевидно, не смущает переводчиков:

Грамота	Дат	Нем1	Нем2
давъ своего царьского напресвѣтлѣйшаго величества очи ему видѣти	att hand motte see hans keiserlihe Maigh. Nadis øiien	die hat [---] gegeben S. Key Maytt augen zu sehen	zugelassen unsere Zaarsche: Maytt: durchleuchtigste augen zu sehen
опасная грамота за его, государя нашего, царскою печатью	sidtt geleide Breff , med hans Keiserliche Mags store zekredtt	ein Geleitsbrieue vnder vnsers herrn S. Key. Maytt siegel	mit einem absonderlichen brief undt mit unserm Pitschaft versigelt
с тою королевскою отпускною грамотою	med Kong: Mays: pasbortt	mit des Konigs Passbrieff	Euer Königl: Maytt: frey Erlassungsbrief

Filologia_5_14.indd 99 14.02.2015 23:36:49

Формула типа «дать своего царского величества ясные очи видеть», употребляемая о тех случаях, когда царь давал аудиенцию, была известна всем переводчикам, и она, видимо, так понравилась датскому переводчику, что тот еще два раза в своем переводе употребляет разновидность этой формулы в качестве определения к датскому гонцу Йоргену Мусу, ‘который предстал перед очами нашего царского величества’ (*som war for woris stormegtige Keisers nadis øgen*), хотя этого нет в русском оригинале. Речь, таким образом, идет о своеобразном трансферентном употреблении русской формулы.

Термин *опасная грамота*, употребляемый о документе, гарантирующем беспрепятственный проезд туда и обратно для посольств и гонцов, переводится датским и первым немецким переводчиком точно и почти одинаково, ср. *geleitsbrief* в [DWB] и *geleitbrief* в [DRW]. В датском языке соседствовали две формы – слово *lejde*, являющееся заимствованием из средненижненемецкого *leide* [ODS], и слово *gelejde*, представляющее собой заимствование из средненижненемецкого *geleide* или из верхненемецкого *geleit*(*e*) [ODS]. Вариант *absonderlicher brief* ’особенная грамота’ у второго немецкого переводчика не фиксирован в словарях как специальный термин, и его, скорее всего, следует рассматривать как импровизацию. Особый интерес представляют предложенные переводы сочетания *царская печать*. Слово *zekredtt*, употребляемое в датском переводе, своим основным значением имело личную печать правящего монарха, отличающуюся от большой государственной печати, ср. *sekret* в [Kalkar, 1881–1907; ODS]. Слово *siegel* в первом немецком переводе, в отличие от слова *sekret* (ср. *sekret* в [DWB]), может применяться и к большой государственной печати, ср. *siegel* в [DWB] и соответствующее датское слово *segl* в [ODS] и *sigel* в [Kalkar, 1881–1907]. Слово *Pitschaft*, предложенное вторым немецким переводчиком, употреблялось применительно к маленьким печатям наподобие перстней-печаток, ср. *petschaft* в [DWB] и соответствующее устаревшее датское слово *pitskaft*, *petskaft* в [ODS]. В данном случае, когда речь идет об опасной грамоте, наиболее точный термин – *sekret* (*zekredtt*), обозначающий печать среднего размера. Термин *siegel*, употребляемый первым немецким переводчиком, тоже подходит, имея наиболее общее значение, а третий термин, выбранный вторым немецким переводчиком, наименее удачный.

Термин *отпускная грамота* для документа, который должен был обеспечить Петрушке беспрепятственное возвращение на родину (с возможным бесплатным проездом и содержанием в пути), датским переводчиком совершенно точно передается как *pasbortt,* ср. *pasbord* в [Kalkar, 1881–1907; ODS], а первым немецким – как *Passbrieff*, ср. *paszbrief* в [DWB] и *paßbrief* в [DRW]. Третий предложенный вари-

Filologia_5_14.indd 100 14.02.2015 23:36:49

ант – *Erlassungsbrief* – больше похож на кальку, но в данном контексте вполне адекватен, ср. *erlassungsbrief* в [DRW].

Даты

То, как переводчики трактовали приводимые в русской грамоте указания дат, оказалось неожиданно интересным:

Грамота	Дат	Нем1	Нем2
сего лѣта Ильинъ день, іюля 21-е число	paa sancte Jacops dag den 25 Juli	in Diesem Jhare auf Elias Dag, welcher sein wert der 21 Julij	in diesem Jahr den 21: July
лѣта 7100-го августа въ 13 день	*В начале перевода:* [---] Gesanter, som haffuer weredet vdj Koll Thette vor ledenn Aar Anno 1592	ins Jahr 7100 im Monat Augusti den 13.	Jm Jahr: 7000: ein hundert undt dritten Jahr, d 23: Agusty

Ильин день, день памяти святого пророка Илии, в русской православной церкви приходился на 20 июля, ср. *Ильинъ-день* в [Даль, 1978–1980]. В лютеранской Дании этот день не был широко известен и не был отмечен в современных альманахах. Зато день памяти святого апостола Иакова Зеведеева, приходившийся всего на несколько дней позже, на 25 июля, был весьма почитаем и отмечался в современных альманахах и церковных календарях, как, например, в [Dybvad, 1580] и [Heldvad, 1591]. Такое впечатление, что датский переводчик не распознал православный праздник и не понял, о каком святом идет речь, и поэтому выбрал ближайший ему известный датский праздник. Правильная идентификация первым немецким переводчиком этого праздника или, по крайней мере, библейского имени может, наряду с другими примерами, свидетельствовать о неплохой общей подготовке и осведомленности.

Как все такие грамоты, и эта заканчивается датой составления. Как правило, переводчики просто заменяли кириллические буквенные обозначения чисел арабскими цифрами, сохраняя принятое у русских как православных славян летоисчисление от сотворения мира. Так и поступает первый немецкий переводчик, точно расшифровав цепочку под титлом ≠з҃ρ^{г} как тысячу (знак ≠) умножить на семь (буква з) плюс сто (буква ρ), итого 7100, и правильно усмотрев в надстрочной букве г окончание порядкового числительного в форме род. п. ед. ч. муж. и сред. р., т. е. *-го*. Подход второго немецкого переводчика к передаче даты такой же, но у него получается неправильный год – видимо, он не понял, что надстрочная г не относится к цифрам[13] (а цифровое соответствие буквы г как раз цифра 3), и поэтому у него получается 7103 год. Труднее понять, почему у второго немецкого переводчика и число

[13] О надстрочных буквах см. [Щепкин, 1999: 165–166].

Filologia_5_14.indd 101 14.02.2015 23:36:49

неправильно – 23 августа, вместо 13 августа: в русском оригинале число 13 обозначено как гі, то есть буква г и і десятеричное, а число 23 имело бы буквенное обозначение кг. Наконец, у датского переводчика совсем другой подход: он вообще пропускает дату составления в конце грамоты, зато в самом начале своего перевода он говорит о царских послах, ‘которые были в Коле в прошедшем 1592 году’, тем самым указав на время выполнения своего перевода.

Оценка переводов и некоторые выводы о переводчиках

Как видно хотя бы из факта пропуска датировки в конце грамоты и личного замечания в начале перевода о времени ее выполнения, датский переводчик выбирает относительно неформальный подход к передаче содержания грамоты. Неформальность подхода проявляется и в том, что сильно сокращен рассказ о Петрушке Лукьянове сыне и вообще пропущены последующие пространные рассуждения царских послов о необходимости добрососедских отношений, которыми заканчивается грамота. При этом, однако, смысл русской грамоты везде сохранен. Характерно для стиля датского переводчика предпочтение датских терминов вместо заимствований из русского языка, хотя чувствуются определенные пробелы в знании русских реалий, в частности, когда он сохраняет слово *самодержецъ* как заимствование или пытается сделать датскую кальку из должности *намѣстникъ*. Зато он безошибочно передает имена людей на королевской службе, а также топонимы на Севере, с которыми напрямую были связаны интересы Датского королевства. Особым случаем его «лингвистической доместикации» является замена православного праздника датским праздником, приходящимся на другую дату. Все сказанное здесь о датском переводе указывает на переводчика-датчанина, не очень опытного, неформального в передаче содержания, хорошо знакомого с местными условиями с датской стороны, близкого к событиям, т. е. все здесь хорошо сочетается с тем, что мы уже знаем о королевском толмаче, помощнике капитана и гонце Боркерте Гертсене. Кроме того, под датским переводом стоит подпись на кириллице «Бори^{с} Грегорьева сы^{н}», что, во-первых, наводит на мысль о некоторой щеголеватой неформальности, а во-вторых, вполне соответствует тому, как звали его русские. Так, в грамоте Федора Ивановича к Кристиану IV от июля 1596 г., которую в сентябре того же года привез из Москвы Боркерт Гертсен, первая фраза после протокольной части гласит: *Прислалъ еси къ нашему царскому величеству з грамотою гончика своего Бориска*. Поэтому сомневаться в авторстве датского перевода не приходится.

В отличие от Боркерта Гертсена первый немецкий переводчик не допускает каких-либо значительных пропусков, и в этом отношении он проявляет формальный подход к переводу. При этом во всем глав-

Filologia_5_14.indd 102 14.02.2015 23:36:49

ном смысл грамоты сохранен. Однако не все русские реалии, слова и выражения поняты правильно. Помимо таких проблем, как вышеуказанное непонимание слова *уѣздъ*, он, например, не знал, что глагол *изъѣхати* может иметь значение *настигнуть*, *найти*, *обнаружить*, ср. [СРЛ]. Поэтому получается совсем другой оттенок, когда немецкий переводчик в своем описании прибытия двух королевских капитанов и Петрушки в Вардехус сообщает, что Йорген Кос 'оттуда не уехал', когда на самом деле его не нашли: *И въ Варгавѣ того Юрья Коша не изъѣхали, а сказали имъ про него, что поѣхалъ въ государя нашего, царьского величества, отчину въ Колу* (Грамота) – *Vnd auf Warhus der Jurgen Kaass war nicht von der gereiset, Aber sie beruchteten ihn, wie er war gereiset in vnsers herrn S. K. M. Vaterlichen Erb, nach Cole* (Нем1) 'И в Вардехусе Юрген Кос оттуда не уехал, а передали дурной слух, будто он поехал в государя нашего, его царского величества отчину, в Колу' (ср. *berüchten* и *berüchtigen* в [DWB]). Пожалуй, более примечательным фактом, чем отдельные недостатки в понимании русского языка, является неуверенность переводчика в отношении топонимов на Севере, входящих в сферу интересов датского короля, а также в отношении королевских людей. Примечательно также, что в конце перевода ему, по всей видимости, помогли правильно передать топоним *Варгавъ* и антропоним *Юрьи Мусъ* и, вероятно, заодно подсказали, кто скрывается под именем *Иванъ Долгой*. Все это говорит в пользу того, что он не был штатным переводчиком в администрации датского короля и в отличие от Боркерта Гертсена не был близок к упоминаемым событиям. С учетом этого надо отдать должное его профессионализму как переводчика. Его рукой выполнен всего лишь еще один известный нам перевод, а именно перевод опасной грамоты царя от мая 1592 г., которая, видимо, была доставлена в Копенгаген вместе с грамотой царских послов. Итак, речь идет о переводчике-внештатнике, немце по национальности, хорошо знающем русский язык, но не знакомом с Севером.

Второй немецкий перевод на первый взгляд тоже предстает как настоящий, полноценный перевод, но очень быстро обнаруживается, что не только его внешний вид наподобие русских грамот, писанных столбцом, является странным, но и его содержание должно вызвать серьезные сомнения. Сомнения основывается не только на примерах очень вольной передачи или, вернее, прямого искажения имен собственных – и топонимов, и антропонимов, о чем был разговор выше, и на таком факте, как упомянутая странная и ошибочная датировка в конце документа. Сомнения также вызваны неоднократными случаями прямого «сочинительства», которые местами до неузнаваемости искажают смысл русской грамоты, но от иллюстрации которых за неимением места приходится отказаться здесь. Возникает естественный вопрос: какую роль мог играть такой перевод? Неужели он был

Filologia_5_14.indd 103 14.02.2015 23:36:49

принят к сведению просто так? Ответ кроется в недрах Государственного архива в Копенгагене: здесь в разных архивных сериях (описях) в фонде TKUA хранятся по меньшей мере еще 19 немецких переводов, выполненных таким же почерком, такими же чернилами и на такой же бумаге (правда, не склеены столбцом), и сделаны они с русских грамот, охватывающих период с 1562 г. до 1639 г. Очень возможно, что есть и другие, кроме найденных нами. Критерии выбора русских грамот для такого перевода не ясны – иногда есть другие переводы, иногда нет, но в любом случае можно предположить, что эти переводы были заказаны для внутреннего делопроизводства в Немецкой канцелярии в Копенгагене и что, возможно, само содержание не имело первостепенного значения. Одинаковый внешний вид дает основание думать, что все переводы были сделаны за довольно короткий период, то есть не раньше 1639 г., а это означает, что к этому времени уже никто не помнил о далеких событиях, описанных в грамоте 1592 г.

Русская грамота 1596 г. и пять ее переводов

Речь идет о грамоте Федора Ивановича к Кристиану IV от июля 1596 г. в ответ на грамоту, присланную с «гончиком Бориском», в которой король по причине малого времени отказался от предложенного царем съезда послов в Коле в июле 1596 г. и вместо этого предложил съезд в Коле в июне 1597 г. В своем ответе царь резюмирует предложение короля и упрекает его в том, что он не стал посылать своих послов на встречу в июле, тогда как царь своих послал, а ныне вынужден их вернуть в Москву. В конце грамоты царь дает понять, что после этого ему не только послать своих послов, но даже писать королю о послах «непригоже» было [TKUA(73–3); Щербачев, 1897: 305–308].

С этой грамоты были сделаны целых пять переводов. Они все на немецком языке и вместе с русским оригиналом хранятся в [TKUA(73–3)]. Один из переводов, который, как отмечает Ю.Н. Щербачев, представляет собой официальный московский перевод, по его справедливому замечанию передает смысл оригинала в совершенно искаженном виде [1893: 145]. Еще один перевод, почти вдвое короче остальных и с совершенно пустым содержанием, принадлежит руке вышеупомянутого «второго немецкого переводчика», который в переводе грамоты 1592 г. отличился «сочинительством». Из остальных трех переводов два написаны рукой Симона ван Салингена и секретаря Немецкой канцелярии Августа Эриха, а один подписан Боркертом Гертсеном и частично написан его рукой. Все три последних перевода в достаточной степени близки к оригиналу, чтобы их действительно можно было назвать переводами, и при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что они и между собой очень похожи – слишком похожи, чтобы это могло быть случайностью.

Filologia_5_14.indd 104 14.02.2015 23:36:50

Возникает вопрос о первоисточнике переводов. Перевод, написанный рукой Августа Эриха, можно сразу сбросить со счета. Он, надо полагать, не знал русского языка, но он, в частности, занимался регистрацией переводов, и надписи, сделанные его рукой, имеются на ряде переводов с русского языка по крайней мере в период с 1586 по 1598 г.[14] Что касается остальных двух, то мы уже знаем, что Симон ван Салинген переводил на немецкий, в то время как о знании Боркертом Гертсеном немецкого языка ничего не известно. Уже этот факт указывает на первого в качестве самого вероятного источника, и такое предположение подтверждается уже с первых строк трех переводов. Приведем сначала фрагмент русского оригинала, а затем соответствующие три перевода:

Милосердія ради милості Бога нашего въ нихъ посети насъ востокъ свыше воеже направити ноги наша на путь миренъ, сего убо Бога нашего в Троице славимаго милостию. От великого государя царя и великого князя Феодора Ивановіча всея Русіі самодержца владимерского, московского, ноугородцкого […] Приятелю нашему и сосѣду Крестьянусу королю датцкому, норветцкому, вендеискому, и готцкому, арцуку шлезвитцкому, голштенскому, стормарскому, и детмарскому, графу олденборскому. Прислалъ еси […]

Симон ван Салинген	**Боркерт Гертсен**	**Август Эрих**
Durch die herliche Barmhertzikeytt Gottes Wir tzar vnde Grossfurst Feoder Iuanowitz aller Reussen suluest Erhalter etc. Entbietten Vnsern zugehorige Verwante vnde Nachbar Konig Cristianus zu Dennemarken, Norwegen, gotten vnde Wenden, Konig Hertzogh zu Schlesswych, Holsteyn, Stourmharen vnde zu Ditmarschen, Grauen zu Oldenborch	Durch die herliche Barmhertzigkeit gottes wir Keisser vnd grossfyrste Fioder Juanowitz aller Russen suluest Erhaller etc. Entbieten vnser zu gehorig vor wanthen vnd nachbar Konig Christian zu Dennemarck norwegen gotten vnd wnden konig hertzoch zu Schlesswigk holstenn sturmarn vnd der ditt marschen graff zu olden Borch	Durch die herrliche Barmhertzigkeit Gottes etc. Entbietten wir König vnd Grossfurst Feder Juanowitz, aller Reussen Erhallter Vnserm ver wandten Freunde vnd Nachbarn, Christiano zu Dennemarck, Norwegen, die Wenden vnd Gotten könige, hertzogen zu Schlesswig, Holstein, Stormarn vnd der Dithmarschen, Grafen zur Oldenburg vnd Delmenhorst, zu wissen

[14] Кроме своих поручений в качестве секретаря Немецкой канцелярии, Август Эрих (Augustus Erich) занимался и творческой деятельностью. В 1597 г. он издал на немецком языке подробное описание коронации Кристиана IV в Копенгагене 29 августа 1596 г., которое потом, в 1598 г., вышло в датской обработке [Erich, 1597; Erich, Dallin, 1598]. В этой связи король, который, конечно, благословил это предприятие, в 'открытом письме' от 9 мая 1597 г. запретил любой не разрешенный Августом Эрихом ввоз книги в королевство, а также не санкционированную им перепечатку книги в стране [Laursen, 1913: 155–156].

Filologia_5_14.indd 105 14.02.2015 23:36:50

Обращают на себя внимание средненижненемецкие элементы в языке Симона ван Салингена, который, напомним, начал свою карьеру бухгалтером в Антверпене. Это союз *unde* (здесь: *vnde*), местоимение *sulf* (здесь: *suluest*), существительное *greve*, *grave* (здесь: *grauen*), ср. [Schiller, Lübben, 1875–1881]. Бросается в глаза передача титула *самодержца* у Боркерта Гертсена, который, как мы помним, в начале 1593 г. передал этот титул как *samoderschoi*, сам не понимая, по-видимому, значение этого слова. И сейчас такое впечатление, что он его не понимает, списав *suluest Erhalter* у Симона ван Салингена, при этом написав *Erhaller* вместо правильного *Erhalter*. Впрочем, Август Эрих, видимо, тоже не понимает этот титул в переводе Симона ван Салингена, оставив только *Erhallter*. Кроме не слишком уверенного немецкого языка у Боркерта Гертсена и добавления Августом Эрихом топонима *Delmenhorst*, по правилам входящего в титулатуру датского короля, но отсутствующего и в грамоте, и у Симона ван Салингена, интересно отметить разные варианты передачи звания *царь*: последний использует уже заимствование *tzar*, Боркерт Гертсен, как и в начале 1593 г., придерживается эквивалента *Keisser*, а чиновник Немецкой канцелярии предпочитает «доместицированный» титул *König*.

Что касается сути царской грамоты, то, как следует из нашего краткого резюме, она заключалась в том, что царь в завуалированной форме отказался от предложенного королем съезда в Коле в июне 1597 г., поскольку ввиду предыстории послать ему своих послов туда было бы «непригоже». До этого сообщения, которое помещено в самом конце грамоты, в пространной форме царь, как это было принято в таких грамотах, резюмирует содержание королевской грамоты и в том числе предложения короля. Такой пересказ действия, которое другой стороной предложено было предпринять царю, типично имел форму: *и нам бы…* Так оно и есть в данной грамоте, где есть следующий пассаж: *и намъ бы, великому государю царю и великому князю Федору Ивановичю, всеа Русіи самодержцу, прислати пословъ въ 105-мъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ*. В переводе Симона ван Салингена (и тем самым и в двух других переводах) этот пассаж воспринимается как желание, стремление царя предпринять такое действие, и в результате общий смысл грамоты искажается. На деле, однако, это недоразумение никаких последствий не имело. Как бы там ни было, в ответной грамоте от 17 октября 1596 г. король сообщает, что не может будущим летом послать своих послов, так как лица, которых он обыкновенно употребляет для таких посылок, назначены к другому делу [ср.: Щербачев, 1893: 146].

Если предположить, что перевод, выполненный в Посольском приказе в Москве, был забракован сразу, а перевод вышеупомянутого «второго немецкого переводчика» появился только позже, то

Filologia_5_14.indd 106 14.02.2015 23:36:50

спрашивается, зачем помимо перевода Симона ван Салингена нужны были еще два варианта, учитывая, что они, в сущности, списки этого перевода? Можно думать, что появление варианта Августа Эриха было продиктовано желанием иметь текст на верхненемецком языке, а зачем было браться за это Боркерту Гертсену, не совсем понятно. Любопытно в этой связи, что только первая страница перевода, подписанного Боркертом Гертсеном, написана его рукой, а вторая и третья страницы – другой, анонимной рукой. Отдельный вопрос – почерк Боркерта Гертсена, поскольку текст его перевода грамоты от 13 августа 1592 г. написан не тем же почерком, что первая страница его варианта перевода грамоты от июля 1596 г. Нет сомнений, что именно в последнем случае речь идет о почерке Боркерта Гертсена, так как почерк данной первой страницы и подпись соответствуют подписи, сделанной Боркертом Гертсеном на заявлении протеста, составленном в Коле 2 июля 1584 г. Видимо, его перевод грамоты 1592 г., написанный без исправлений и зачеркиваний, представлял собой чистовик.

Навстречу новому веку и новому этапу в русско-датских отношениях

Переводы царской грамоты 1596 г. – последние известные нам переводы, выполненные Симоном ван Салингеном и Боркертом Гертсеном. Смена веков ознаменовалась и сменой переводчиков. На сцену вышел молодой Нильс Мунк, которому есть все основания приписать датский перевод ответного извещения, врученного находившимся в Москве датским послам в марте месяце 1598 г. [TKUA (73–16); Щербачев, 1897: 309–326]. Но этот первый известный нам переводческий опыт Нильса Мунка и последующие два десятилетия его деятельности на королевской службе, приходящиеся на правление Бориса Годунова, смуту и первые годы царствования Михаила Федоровича, заслуживают самостоятельного рассмотрения.

Список литературы

Вальдман К.Н. Старинное становище и торг (XVI в.) на крайнем севере (Кегор – Вайда-Губа) // Известия Всесоюзного географического общества. 1968. № 1.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–1980 [1880–1882].

Лунд К.-Х., Иванова О.В. Хенрик Олуфсен – датский переводчик XVI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 5.

СРЛ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979.

Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России (IX–XX вв.). Л., 1970.

Filologia_5_14.indd 107 14.02.2015 23:36:50

Щепкин В.Н. Русская палеография. 3-е доп. изд. М., 1999.
DRW – Deutsches Rechtswörterbuch. URL: http://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw
DWB – Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. URL: http://www.dwb.uni-trier.de
Dybvad E. [Almanak for 1580], [Prognosticon for 1580]. Kbh., 1580.
Erich A. Aussfürliche vnd warhaffte Beschreibung des ... Fürsten vnd Herrn ... Christians des Vierden ... zu Koppenhagen den 29. Augusti Anno 1596 glücklich geschehenen Krönung ... Kbh., 1597.
Erich A., Dallin A.B. Klarlige oc visse Beskriffuelse om ...Christians den Fierdis,...kongelige Kroning, som lycksaligen bleff holden udi Kiöbenhaffn den 29 Augusti Anno 1596... Kbh., 1598.
Heldvad N. Almanach oc Practica paa det Aar … 1591 beregnet ved Nicolaum Helwaderum. Kbh., 1591.
Kalkar O. Ordbog til det ældre danske sprog (1300–1700). Kbh., 1881–1907. URL: http://www.hist.uib.no/kalkar/
Lind H.D. Kong Kristian den fjerde og hans mænd på Bremerholm. Kbh., 1974 [1889].
Lind J. Nordkalotten. Fra Alminding til statsterritorier. Konflikter og forvirring omkring grænserne ved Ishavet i 1500-tallet // Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år. Svantevit. 1993. XVI. № 1.
ODS – Ordbog over det danske Sprog, udg. af Det Danske Sprog- og Litteraturselskab, Kbh., 1919–1956. URL: http://ordnet.dk/ods
Ramsing H.U. Københavns ejendomme 1377–1728: oversigt over skøder og adkomster. Bd. 3: Snarens Kvarter. Kbh., 1945.
Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1875–1881.
Thiset. Kaas, Jørgen // Dansk biografisk leksikon. 1. Udgave. Bd. 9. Kbh., 1895.

Опубликованные источники

Салинген С. ван. Сообщение Симона ван Салингена. Перевод с немецкого, предисловие и примечания А.М. Филиппов // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 293–311.
Щербачев, 1893 – Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. Изд. Ю.Н. Щербачев // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1893. Кн. 1. М., 1893.
Щербачев, 1897 – Русские акты Копенгагенского государственного архива. Изд. Ю.Н. Щербачев // Русская Историческая Библиотека. Т. XVI. СПб., 1897.
Hagen R.B., Sparboe P.E. (*red.*). Kongens reise til det ytterste nord, dagbøker fra Christian IVs tokt til Finnmark og Kola i 1599. Tromsø, 2004.
Laursen, 1900 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1576–1579. Kbh., 1900.
Laursen, 1903 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1580–1583. Kbh., 1903.

Filologia_5_14.indd 108 14.02.2015 23:36:50

Laursen, 1906 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1584–1588. Kbh., 1906.
Laursen, 1908 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1588–1592. Kbh., 1908.
Laursen 1910 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1593–1596. Kbh., 1910.
Laursen, 1913 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1596–1602. Kbh., 1913.
Nielsen O. (udg.). Kjøbenhavns Diplomatarium, Samling af Dokumenter, Breve og andre Kilder til Oplysning om Kjøbenhavns ældre Forhold før 1728. Bd. VI. Kbh., 1884.
Salingen S. von. Simon von Salingens Bericht // Reizen van Jan Huyghen van Linschoten naar het Noorden (1594–1595) uitgegeven door S. P. L'Honoré Naber. 's Gravenhage, 1914. Bijlagen: 211–222.

Неопубликованные источники

Ausländisch Registrant – Rigsarkivet, TKUA, Ausländisch Registrant 1540–1756.
TKUA (*73–2*) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A I, 2 (73–2) – Breve fra russiske kejsere og kejserinder til danske konger 1516–1769.
TKUA (*73–3*) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A I, 3 (73–3) – Breve fra russiske kejsere og kejserinder til danske konger 1516–1769.
TKUA (*73–14*) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A II, 14 (73–14) – Personalakter vedrørende danske gesandter i Rusland og russiske gesandter i Danmark 1562-1684.
TKUA (*73–16*) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A II, 16 (73–16) – Akter og dokumenter (mest afskrifter) vedrørende grænserne i Lapland mellem Norge og Rusland 1563–1730. S16-film: S16_5265–5266.
TKUA (*73–17*) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A II, 17 (73–17) – Akter og dokumenter vedrørende det politiske forhold til Rusland 1493–1772.
TKUA (*73–36*) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A III, 36 (73–36) – Rusland: Afskrifter 1557–1763.

Сведения об авторах: *Лунд Карл-Хенрик* (*Lund Karl-Henrik*), Ph.D., в 2005–2013 гг. приглашенный преподаватель датского языка (датский лектор) на кафедру германской и кельтской филологии филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: mail@khlund.dk; *Иванова Ольга Владимировна*, канд. ист. наук, автор работ по русско-датским дипломатическим отношениям XVII в. E-mail: olga@ivanova.dk

А.А. Волков

СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА КАК ТВОРЧЕСКИЙ АКТ

В статье на материале концепции церковнославянского как единого литературного языка Древней Руси, разрабатываемой проф. М.Л. Ремнёвой, рассматривается проблема творческого конструирования литературного языка. Различаются два типа формирования письменно-литературного языка: транскрипционный, характерный для языков западноевропейского культурного ареала и формирующий литературное многоязычие, и переводной, характерный для языков восточноевропейского культурного ареала и формирующий единый письменно-литературный язык.

Ключевые слова: заимствование письма, динамика языка, культура, литературный язык, нормирование языка развитие языка, старославянский язык, церковнославянский язык, эшелоны науки.

In this article the issue of creatively constructing standard literary language is considered on the basis of the conception, put forward by Professor M.L. Remnyova, of Old Church Slavonic as the unified literary language of Old Rus'. Two ways in which a written literary language is formed are distinguished: the transcriptional type, characteristic of the languages of west European cultural area and forming literary multilingualism, and the translational type, characteristic of the languages of east European cultural area and forming a unified written literary language.

Key words: borrowing of writing, dynamic of language, culture, literary language, evolution of language norms, language development, Old Slavonic, Old Church Slavonic, fleets of science.

Возникают, затихают и снова возрождаются споры о церковнославянском языке – не только языке Священного Писания, Божественной Литургии, церковного обихода, но о языке, классическом для русской культуры наряду с древнегреческим и латинским. Споры эти не случайны. Они связаны с духом времени и имеют свою историю. Каждый раз, когда в жизни страны происходят существенные социальные и политические изменения и на повестку дня ставится вопрос о путях развития общества, изменяется отношение к культуре и обсуждаются вопросы, связанные с культурным отбором: какие сферы культуры актуальны, а какие подлежат сдаче в архив. Предметом гуманитарных наук является культура, поэтому и культура самого научного знания имеет особое значение.

Filologia_5_14.indd 110 14.02.2015 23:36:50

Наука, в том числе и гуманитарная, строится в несколько эшелонов.

Прикладная проблематика образует как бы первый эшелон науки: проблемы лингвистической дидактики; исследование и нормализация речевых отношений в обществе (теоретическая риторика); научная критика литературной продукции; обеспечение информационных систем и машинного перевода; разработка формальных моделей анализа текста; экспертиза публичных высказываний; так называемая юридическая лингвистика и т. п. Эта проблематика в основном инженерного типа: решение конкретной прикладной проблемы предполагает использование данных различных областей знания и их синтез для решения поставленной задачи.

Второй эшелон отечественной гуманитарной науки – собственно научные исследования в обычном понимании: описание состояния языковых систем, и в первую очередь русского языка, на уровне современной лингвистической теории; описание языков народов России; создание моделей построения текстов различных видов и жанров; сопоставительные исследования; типология; стилистические исследования; изучение современного литературного процесса, продукции массовой коммуникации; разработка методов исследования языка и произведений слова; составление нормативных грамматик и словарей.

Третий эшелон науки – фундаментальная диахроническая проблематика в собственном смысле слова, обеспечивающая компетентность научного сообщества и, следовательно, научного знания в целом. Это – классическая филология: изучение греческого, латинского, древневосточных, а также средневековых языков и литератур, в особенности византинистика; история культуры в целом; классическое востоковедение; сравнительно-историческое языкознание; история русского литературного языка и древнерусской словесности. Этот третий по счету эшелон науки на деле является первым, поскольку именно он обеспечивает продуктивное и устойчивое развитие науки и ее реальный авторитет в обществе, образуя фундамент научного знания.

Приходится признать, что все беды филологической науки в прошлом и нынешнем веке происходят именно от небрежного отношения к этому фундаменту, грозящего обрушить всю конструкцию.

Вот почему проводимая профессором М.Л. Ремнёвой и ее научной школой работа по комплексному изучению и описанию старославянского и церковнославянского языков [Ремнёва, 2011; Ремнёва, Дедова, 2011; Савельев, 2011 и др.] представляется особенно значимой в современном контексте научной деятельности.

Дело в том, что в этих публикациях на материале, принципиально значимом для русской культуры, решается фундаментальная философская проблема науки о языке – проблема сознательного целе-

Filologia_5_14.indd 111 14.02.2015 23:36:50

направленного конструирования языка, следствием чего является формирования и развития национальной культуры.

Книга М.Л. Ремнёвой «Старославянский язык» [Ремнёва, 2011] написана как учебное пособие для будущих филологов, историков, богословов, но назначение ее значительно шире. Она предназначена для всех, кто готов приложить усилия для освоения культуры языка. В основе книги проф. М.Л. Ремнёвой лежит понимание старославянского языка как «единого творческого акта» Первоучителей, а задачу книги автор видит в научной реконструкции созданного святыми Кириллом и Мефодием и их учениками старославянского языка. Процитируем формулировку концепции автора:

«Старославянский язык – язык древнейших богослужебных книг на славянском языке. Эти переводы были осуществлены во второй половине IX века. Однако самые ранние рукописи, в которых оказались зафиксированными тексты на старославянском языке, датируются X в., причем основная масса текстов принадлежит XI в. Не сохранились переводы самих Первоучителей – Константина и Мефодия, не сохранились переводы и тексты, написанные их ближайшими по времени учениками.

Списки (копии) ранних славянских переводов, переписанные в X–XI вв., в определенной мере отражают уже черты, свойственные речи переписчиков. И поскольку нет письменных памятников, отражающих классический старославянский, – реально опираясь на данные поздних старославянских, древнерусских и других памятников, на данные родственных языков, мы реконструируем исходный старославянский язык, который был создан Первоучителями. Именно этот реконструируемый язык описан в учебниках» [Ремнёва, 2011: 10].

Прервем цитату и обратим внимание на принципиально важные положения автора.

1. Старославянский язык представляет собой продукт сознательного творчества, если угодно, целенаправленного конструирования Первоучителями системы языковых норм старославянского языка для точного воспроизведения в новом, славянском языковом материале системы смыслов Священного Писания. Этот языковой материал деятельностью свв. Кирилла и Мефодия обрел осмысленную форму, что и позволило не только выразить содержание Священного Писания непосредственно в переведенных текстах, но и сделало возможным дальнейшее раскрытие в славянском языковом материале вероучения Православной Церкви. Отсюда следует, что перевод святых Первоучителей был деянием боговдохновенным.

2. Святые равноапостольные Мефодий и Кирилл были людьми высокообразованными. Тексты Священного Писания, чинопоследование Божественной литургии, творения Отцов Церкви, произведения агиографии и гомилетики были ядром византийской культуры, на-

Filologia_5_14.indd 112 14.02.2015 23:36:50

следовавшей и развившей опыт античной философии, поэзии, историографии, ораторской прозы. Этот опыт был воплощен в греческом языке и воспроизведен в старославянском переводе, что позволило славянским народам, воспринявшим православие, развивать национальные культуры.

Достаточно напомнить, что, например, «Источник знания» св. Иоанна Дамаскина был впервые переведен на старославянский язык Иоанном Экзархом Болгарским уже в начале X в., а на латинский язык − переводился с XII века.

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из «Философских глав» − одной из частей «источника знания»:

«Но святые отцы, отказавшись от пространных словопрений, общее и о многих предметах высказываемое, т. е. низший род назвали субстанцией (οὐυσίαν) природою (φύσιν) и формою (μορφήν), − например, ангела, человека, собаку и т. п. Ведь [слово] οὐσία – субстанция – происходит от [глагола] εἶναι, и природа (φύσις) – от πεφυκέναι, а εἶναι и πεφυκέναι означают одно и то же – быть. Равным образом слова ειδος – вид и μορφε − форма означают одно и то же, что и φύσιν – природа. Единичное же (μερικόν) они называют индивидуумом (ἄτομον), лицом, ипостасью, например, Петра, Павла. Ипостась же должна иметь субстанцию с акциденцией, существовать сама по себе и созерцаться через ощущение, или актуально (ἐνεργεία). Две ипостаси не могут различаться друг между собою акциденциями, раз они различаются друг от друга числом. Следует заметить, что отличительные свойства – это акциденции, характеризующие ипостась» [Иоанн Дамаскин, 2002: 84].

Этот фрагмент, быть может, не всегда понятный современному читателю, является, между прочим, и логической базой обоснования иконописания, указывая не только на его правомерность с точки зрения православного богословия, но и на основные принципы построения иконы: что именно и в каком виде может быть изображено на иконе.

Спрашивается, каким образом бесписьменный язык «сам по себе», путем «естественной эволюции» мог бы выработать инструментарий для выражения подобных смыслов? Ответ таков: «Переводчики на славянский язык искали и находили славянские эквиваленты греческих терминов, форм, конструкций, которых не могло быть в славянском языке бытового общения, использовали греческую лексику и греческий синтаксис, создавали славянские слова по греческому образцу, поэтому уже в древнейших письменных памятниках старославянский язык выступает как язык, богатый лексически, с развитым синтаксисом, хорошо обработанный стилистически, реализованный в разных жанрах письменности» [Ремнёва, 2011: 13].

3. Задача, которую ставит перед собой М.Л. Ремнёва, – изложение результатов реконструкции исходного старославянского языка,

Filologia_5_14.indd 113 14.02.2015 23:36:50

осуществленной несколькими поколениями ученых. Это значит, что учебное руководство «Старославянский язык» представляет собой реконструкцию замысла святых Первоучителей славянских. Даже научившись читать церковнославянские, а тем более старославянские тексты, мы этот замысел как единое целое не увидим и не поймем.

Язык существует как непрерывная деятельность конкретных человеческих личностей, поскольку «бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности и в качестве таковой. При неизбежном в языковедении расчленении языкового организма, необходимом для изучения языков, мы даже вынуждены рассматривать их как некий способ, служащий для достижения определенными средствами определенных целей, то есть видеть в них, по сути дела создание наций» [Гумбольдт, 1984: 70]. Язык есть знание, умение и навык, а не совокупность отпечатков.

Для общества ограничение понимания языка методологическими принципами лингвистики вредно, поскольку оно снимает ответственность за использование достояния культуры. Культура не массовая коммуникация, но хранимый опыт общества, на основе которого осуществляется вся духовная и практическая деятельность народа и при утрате которого общество распадается и погибает. В основе культуры лежит язык. Расхожее мнение, будто литературный язык творится народом, который оттого якобы вправе распоряжаться языком по своему усмотрению, а вернее, по своей прихоти, – заблуждение тем более вредное, если дело идет о литургическом языке. Язык не «создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба» [Гумбольдт, 1984: 49].

Язык изменяется во времени, и мы изменяемся вместе с языком. Если язык является судьбой народа, то рассматривать его только как знаковую систему недостаточно. Каждое слово языка было когда-то, кем-то и зачем-то изобретено, впервые произнесено и оформлено в грамматическую конструкцию, чтобы обозначить некий смысл или определенным образом организовать мысль, ибо слово или синтаксическая конструкция не «отражает» мысль, но, по существу дела, создает ее.

Эти слова и синтаксические конструкции были усвоены, одобрены и используются обществом. Слова, обозначающие факты духовной или материальной реальности, и синтаксические конструкции, организующие формы мысли, образуют общую для нас картину мира, и делают нас единым духовным целым и направляют нашу совместную деятельность. Поэтому понимание и, стало быть, использование того, что создали предшествующие поколения, определяется историей нашего языка.

В исторической динамике языка можно выделить три составляющие: эволюцию, развитие и совершенствование языка [Рожде-

Filologia_5_14.indd 114 14.02.2015 23:36:51

ственский, 2002: 237]. Как пишет М.Л. Ремнёва, «возникновение и эволюция языка как средства повседневного общения не зависит от воли, сознания и инициативы отдельного индивидуума, лица. Появление и дальнейшие судьбы литературных языков являются результатом сознательной творческой деятельности. Эта деятельность может быть коллективной, а в ряде случаев – и индивидуальной, как в случае создания старославянского языка Кириллом и Мефодием» [Ремнёва, 2011: 13]. Поэтому старославянский язык «по самому своему предназначению не мог быть ориентирован на особенности одного живого диалекта: задуманный как язык славянской богослужебной литературы, он не был результатом развития одного из живых славянских языков. Он стал итогом единого творческого акта. И хотя мы обоснованно можем говорить о народно-разговорной основе старославянского языка, его отличительными чертами с самого начала были наддиалектность и обработанность» [там же].

Рассматривая историю народного разговорного языка, уместно использовать понятие эволюции, то есть спонтанного изменения в первую очередь фонетической и морфологической систем языка. Каждое новое поколение усваивает речь старшего поколения с малозаметными изменениями, которые со сменой ряда поколений приобретают систематический характер, в результате чего преобразуется фонетический и морфологический строй языка. Живой разговорный язык эволюционирует, оставаясь при этом тем же самым языком до тех пор, пока общество сохраняет единство и преемственность. Разумеется, в лексической, фонетической и грамматической системе старославянского языка отразились фонетические и грамматические особенности одного из южнославянских диалектов. Но «народно-разговорная основа» литературного языка ни в коей мере еще не есть сам язык, как «начало времени еще не время и не самомалейшая часть времени» [Василий Великий, 1991: 10].

Развитие языка – изменения, непосредственно зависящие от истории общества, которое использует этот язык. В ходе развития общества растет словарный состав, развертывается грамматическая система, возникают новые разряды произведений слова. Язык развивается за счет внутренних и внешних ресурсов. Так, русское слово «личность», возникшее не раньше второй половины XVII в. и означавшее привязанность, а также оскорбительное высказывание в адрес кого-либо, в начале XIX в. означает уже индивидуальные свойства человека, а в 20–30-е годы XX в. приобретает в богословском и философском дискурсе (см.: [Лосский, 2004: 155–158]) значение «индивидуальной субстанции разумной природы»[1].

[1] По Боэцию и Дунсу Скоту: “rationalis naturae individual substantia” [Дунс Скот, 2001: 462].

Filologia_5_14.indd 115 14.02.2015 23:36:51

Нормирование языка – сознательная организация материала речи и системы единиц языка, цель которой – упорядочение и унификация речевой деятельности. Существуют нормы речи и нормы языка. Нормы речи возникли в глубокой древности и выражаются в пословицах, поговорках, мифе и сказке. Так, герой сказки, правильно и учтиво отвечающий на вопросы волшебного помощника, достигает искомого.

Создание норм языка возможно лишь в условиях письменной культуры. Для создания нормы языка необходим научный анализ материала речи, который возможен при условии сопоставления различных высказываний и выделения их составляющих, повторяющихся в различных окружениях. При этом необходим критерий отбора правильных с определенной точки зрения высказываний и создание ограниченного корпуса текстов, на основе которых и строится норма. Все это возможно только при условии, что тексты будут фиксированы в письме. Норма языка всегда формирует определенную картину мира и определенные формы мышления и речи. Рассматривая историю языка литературного, следует говорить главным образом о развитии и совершенствовании, поскольку в динамике «литературных языков главную роль играет сознательная деятельность людей, а также теория, лингвистическая и нелингвистическая…» [Ремнёва, 2011: 10].

Нормы подразделяются на прецедентные и аналитические. Прецедентные нормы существуют в виде образцовых текстов; аналитические нормы представляют собой грамматические и словарные описания системы языка, правил аналитического чтения или построения высказываний, если они относятся к произведениям словесности.

Прецедентные нормы древнегреческого литературного языка основаны на образцовых текстах поэзии, ораторской прозы, истории, философии, обработанных и истолкованных александрийскими филологами. Аналитические нормы – грамматика, риторика, поэтика и диалектика. На основе этого опыта античной и византийской науки и был создан старославянский литературный язык: «Таким образом, специфика бытования литературного языка, каковым является старославянский, не развитие, эволюция, а изменение в зависимости от характера сознательной, нормализующей деятельности людей» [Ремнёва, 2011: 13].

Само по себе создание письма – алфавита, графики (принципов записи слов) и орфографии (системы норм организации графического слова) следует считать теорией языка, потому что создатели алфавитов решают сложнейшие проблемы не только того, какие языковые сущности обозначать буквами, но того, как соотносятся эти обозначаемые сущности языка-источника и языка, для которого создается письмо.

Существуют два основных способа создания системы письма: транскрипционный и переводной [Волков, 1982: 24–33]. Транскрип-

Filologia_5_14.indd 116 14.02.2015 23:36:51

ционный способ состоит в использовании имеющегося алфавита языка-источника для записи текстов на новом бесписьменном языке. Переводной способ создания системы письма состоит в переводе обычно значимого теста на бесписьменный язык, но подобный перевод предполагает не только приспособление алфавита к системе прежде бесписьменного языка [тут речь должна идти не о «приспособлении алфавита», а о создании нового алфавита на основе уже существующего], но и формирование на этом языке прецедентной нормы. Если латинский культурно-письменный ареал использовал транскрипционный способ, то восточный, Византийский ареал формировал новые письменно-литературные языки – коптский, готский, армянский, грузинский, старославянский − вторым способом. При этом в дальнейшем и новые письменно-литературные языки, как языки народов Советского Союза, также создавались переводным способом. Переводной способ создания письма существенно влияет на организацию письменной речи – алфавит, графику, орфографию, а также на строение письменности – системы классов письменных текстов, что и способствует формированию главным образом прецедентных норм на основе строения, содержания и состава образцовых текстов. Тем самым задается определенный вектор развития литературно-письменного языка.

Исторические изменения литературного языка определяются развитием литературы – созданием новых произведений слова, в которых воспроизводятся и развертываются нормы первоначальных текстов. Это наследие почти двухтысячелетней к тому времени греческой культуры и легло в основание старославянского перевода Священного Писания. Но реконструкция «исходного старославянского языка, который был создан Первоучителями», предполагает установление границ продуктов эволюции, развития и нормирования языка.

Таким образом, если подходить к проблеме формирования письменно-литературных языков не только с собственно лингвистической, но с герменевтической и риторической позиции, то создание письма и письменности осмысливается как риторическая задача, в основании которой лежит вполне определенный замысел.

Понимая язык как дар, небесполезно вспомнить и о Дарителе. Если мы вместе с нашим обыденным языком меняемся во времени, то истины христианского вероучения вечны и раскрываются в непрерывной традиции, теснейшим образом связанной с языком, который и был создан как средство выражения и осмысления православной веры. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий творили не собственным усмотрением, но Промыслом Божиим. Из этого следует, что церковнославянский язык есть Богоданная содержательная основа русской национальной культуры и культур других православных народов: «Церковнославянский язык очень рано (уже в X–XI вв.)

Filologia_5_14.indd 117 14.02.2015 23:36:51

становится книжно-литературным языком восточных славян, при этом в Древней Руси он складывается в результате усвоения старославянских традиций в древнерусских условиях, Он стал прежде всего языком беседы с Богом, языком богослужения, богослужебных книг. И в этом качестве церковнославянский язык пережил долгую историю и в основных чертах сохраняется сегодня в издаваемой литературе, обслуживающей потребности православного культа. Церковнославянский язык становится также языком, на котором излагались представления о мире, человеке, истории, языком науки Средневековья. <…> Примерно в XI в. возникает оригинальная (непереводная) древнерусская литература. В ней разрабатываются жанры, как пришедшие вместе с христианской литературой, так и родившиеся на восточнославянской почве (нет, например, среди переводных произведений точного соответствия жанру русских летописей) и все они писаны по-церковнославянски, поскольку пришедший с христианской литературой язык становится языком высокой русской книжности, обладает высоким авторитетом и несомненным престижем, а потому втягивает в сферу своего влияния нарождающуюся новую культуру» [Ремнёва, 2011: 19].

Итак, старославянский язык скоро становится литературным языком православных славянских стран, а старославянские тексты приобретают черты формирующихся славянских языков, в результате образуются соответствующие изводы церковнославянского языка. Поэтому в особенности для русской культуры старославянский язык предстает как классический.

Почему «в особенности для русской»? Н.С. Трубецкой показал, что «церковнославянский язык русской редакции есть единственный, живущий до сего дня прямой потомок старославянского языка святых славянских Первоучителей. Этот же церковнославянский язык русской редакции лежит в основе и светского русского литературного языка. <…> Еще Ломоносов совершенно справедливо указал на то, что разные комбинации церковнославянской и великорусской стихий русского литературного языка порождают стилистические различия. Ломоносов различил только три стиля. Но на деле таких стилей, конечно, гораздо больше. Русский литературный язык богат разнообразнейшими стилистическими возможностями. И если присмотреться внимательнее к словарным палитрам хороших русских стилистов, то придется признать, что богатство стилистических типов и оттенков становится возможным только благодаря сопряжению в русском литературно-языковом сознании двух стихий – церковнославянской и русской. <…> Так как староцерковнославянский язык, как мы видели выше, был по своему замыслу общеславянским литературным языком конца эпохи праславянского единства и так как за исключением русского литературного языка ни один из славянских

Filologia_5_14.indd 118 14.02.2015 23:36:51

языков, не сохранил непрерывной преемственности церковнославянской традиции, то естественно был бы русскому литературному языку стать языком культурных и деловых отношений между отдельными славянскими народами» [Трубецкой, 1995: 192–199].

Литературный язык является формой существования национальной культуры, а реальная культура может быть только культурой конкретного общества в исторической преемственности поколений: «Каждый народ, воспринявший христианство, должен преобразовать свою культуру так, чтобы ее элементы не противоречили христианству, и так, чтобы в этой культуре был не один национальный, но и христианский дух. И таким образом, христианство не упраздняет, а, наоборот, стимулирует это творчество, дает ему новые задания» [там же: 336].

Это «задание» действительно стимулировало культурное творчество. Церковнославянский язык стал единым литературным языком Древней Руси, что проявилось в сложении двух вариантов литературной нормы: строгой и сниженной. Древнерусская языковая стихия проникает в церковнославянские тексты, образуя своего рода «радужную сеть»[2] литературных и письменных жанров от священного Писания к памятникам сниженной нормы (житиям, летописи) и далее к древнерусским памятникам, например берестяным грамотам. Непрерывность этой сети и образует единство языка в разнообразии стилей.

В этой связи следует подчеркнуть принципиальное различие литературно-языковой ситуации Древней Руси и Западной Европы. В Западной Европе латинскому языку Священного писания, богословия, науки, образования и высокой литературы, как правило, противостоят «вульгарные» литературные языки, в результате чего складывается сложная ситуация литературного многоязычия.

В этой ситуации расслаивается и сам латинский язык, выделяя язык классической римской литературы, язык Вульгаты, святоотеческой словесности, литургических текстов, богословия – «схоластическую» латынь с ее специфической терминологией и синтаксисом, язык документально-деловой прозы, язык средневековой латинской словесности (как поэзия вагантов).

Но латинскому языку в целом противостоит иерархия новых, «вульгарных» языков в основном светской литературы: старофранцузский, провансальский, древневерхненемецкий и т. д., среди которых первенствует старофранцузский. И это литературное многоязычие в конечном счете приводит к противостоянию духовной и светской культуры, выразившемуся в особенности в Реформации. Отсюда «диглоссия» и «билингвизм».

В Древней Руси никакого литературного многоязычия не было. Язык Церкви был литературным языком всего народа, уровень гра-

[2] Термин Н.С. Трубецкого.

Filologia_5_14.indd 119 14.02.2015 23:36:51

мотности которого, судя по берестяным грамотам и стилистическому распределению текстов, был высоким. Тем самым обеспечивалось вероисповедное и культурное единство народа. Создатель первой исторической грамматики русского языка (1858) Ф.И. Буслаев следующим образом оценивал соотношение старославянского, церковнославянского и русского языков: «Книжный язык русский уже с древнейших времен отличался от разговорного, потому что образовался на основе церковнославянских книг, по которым наши грамотные предки учились читать и писать. – И далее. – Русский язык, в связи с церковнославянским, уже в самых древних памятниках нашей письменности, не только так же богат и разнообразен, как и язык нынешний, но даже во многом его богаче и совершеннее». И далее: «Русский язык, по грамматическому составу, оказывается в двояком родстве с языком Церкви: во-первых, по племенному родству, ибо они суть наречия одного общего целого, т. е. языка славянского; и во-вторых, тот и другой в историческом своем развитии стоят в обоюдной зависимости: язык Церкви изменился у русских под влиянием их речи и в свою очередь оказал действие на образование нашего языка, не только книжного, но частью и разговорного» [Буслаев, 1959: 25, 30–32].

Между тем языковая и культурная ситуация в средневековой Западной Европе побуждала многих российских историков и филологов западнической ориентации противопоставлять старославянский язык церковнославянскому, а тот и другой – древнерусскому и обнаруживать некое их «противоборство», Так, академик Ф.Ф. Фортунатов представлял соотношение старославянского и церковнославянского следующим образом: «Старославянским, или церковнославянским, языком называется тот древний южнославянский язык, на который в IX веке было переведено Священное Писание. <…> С течением времени старославянский язык обратился у нас в тот искусственный, искаженный язык, который употребляется теперь в богослужении и называется церковнославянским языком. Для того чтобы не смешивать с этим ломаным языком тот древний церковнославянский язык, который мы открываем при изучении древнейших его памятников, я называю последний языком старославянским» [Фортунатов, 1957: 5–6]. Замечательно, что взгляды представителей основанной Ф.Ф. Фортунатовым научной школы – Н.С. Трубецкого, Н.И. Толстого, О.С. Широкова, М.Л. Ремнёвой – практически совпадают с взглядами Ф.И. Буслаева.

Язык остается основой русской культуры, которая является продуктом развития культуры общеславянской, уходящей своими корнями в глубокую индоевропейскую древность. Только так мы сможем понять, что современный церковнославянский язык является наследием непрерывной культурно-языковой традиции, а не «иска-

Filologia_5_14.indd 120 14.02.2015 23:36:51

жением» мифического первоначального «совершенства» «древнего южнославянского языка». Подробно излагая предысторию и доисторию старославянского языка – протославянский и праславянский периоды, проф. М.Л. Ремнёва рассматривает сложную и окончательно не решенную проблему прародины славян, так как по данным топонимики, гидронимики, сведениям о расселении балтийских, иранских, восточно-германских, финно-угорских племен, археологическому материалу «славянские племена в последние столетия до н. э. занимали территорию между средним течением Вислы и средним течением Днепра, на севере их предполагаемой границей была река Припять, на юге – правобережные лесостепные районы (южнее Киева, ниже по Днепру)» [Ремнёва, 2011: 120]. Действительно, «наука не знает других этнических групп, которые с большей долей вероятности могли бы поселиться» на этих территориях [там же].

В заключение хотелось бы подчеркнуть: мы изучаем историю не для эрудиции, а для понимания самих себя. Русский литературный язык – продолжение церковнославянского, который в свою очередь – продолжение старославянского. Как литературный язык старославянский − продолжение одновременно византийского, греческого и общеславянского, праславянского, протославянского, индоевропейского: такова его историко-культурная родословная. И Россия остается страной, призвание которой – хранить это великое и уникальное наследство.

Список литературы

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Василий Великий, свт. Беседы на Шестоднев. Ч. I. М., 1991.

Волков А.А. Грамматология. М., 1982.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Дунс Скот Иоанн. Избранное. М., 2001.

Иоанн Дамаскин, прп. Источник знания // Творения преподобного Иоанна Дамаскина. М., 2002.

Ремнёва М.Л. Старославянский язык: Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011.

Ремнёва М.Л., *Дедова О.В.* Старославянский язык: Электронный курс. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 2002.

Савельев В.С. Тексты и словарь // Ремнёва М.Л. Старославянский язык: Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.

Фортунатов Ф.Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957.

Сведения об авторе: *Волков Александр Александрович*, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филол. ф-та МГУ. E-mail: volkovalexander@mail.ru

Filologia_5_14.indd 121 14.02.2015 23:36:51

С.В. Князев, Е.В. Грамматчикова

РУССКИЕ ЗАУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ В ПРЕДУДАРНОЙ ПОЗИЦИИ ВНУТРИ СИНТАГМЫ

В работе излагаются результаты экспериментально-фонетического исследования некоторых факторов, регулирующих реализацию заударных гласных в позиции внешнего сандхи в современном русском языке. Одним из важнейших факторов этого рода является место ударения в последующем слове.

Ключевые слова: фонетика, ударение, ритмическая структура слова, заударные гласные, внешнее сандхи.

The present paper reports on some results of an instrumental study of post-stress vowel realizations in the external sandhi position in Modern Russian. It is claimed that one of the most powerful factors influencing these realizations is the presence or absence of stress on the first syllable of the following phonological word.

Key words: phonetics, stress, rhythmical structure of a phonological word, post-stress vowels, external sandhi.

Одной из наиболее ярких типологических черт, отличающих современный русский литературный язык (далее – СРЛЯ) от едва ли не всех прочих языков мира, является его ритмическая структура. Еще в конце XIX века А.А. Потебня описал специфическую для русского языка схему ритмики слова, главная особенность которой заключается в наличии так называемого просодического ядра, состоящего из ударного и 1-го предударного слогов [Потебня, 1866]. Гласные в этих слогах отчетливо противопоставлены гласным во всех прочих слогах (за исключением отдельных случаев, о которых см. ниже), в первую очередь, по длительности и своим спектральным характеристикам (так, только в них невозможны редуцированные гласные [ъ] и [ь][1]). За прошедшие с тех пор полтора столетия – по мере совершенствования методов фонетического эксперимента и накопления экспериментальных фонетических данных – эта схема уточнялась и конкретизировалась. Результаты современных исследований в области как литературной, так и диалектной просодики позволяют утверждать, что в некоторых системах в зависимости от различных параметров реализация гласных в слове может отличать-

[1] За исключением отдельных случаев типа *да ладно*.

Filologia_5_14.indd 122 14.02.2015 23:36:51

ся от традиционной «формулы Потебни» и обладать значительной степенью вариативности.

Существенные отличия ритмической структуры слова от ритмики, характерной для СРЛЯ, наблюдаются в некоторых диалектных системах, являясь при этом одним из наиболее ярких признаков, противопоставляющих диалектное (региональное) произношение литературному. В частности, в отличие от акающих разновидностей СРЛЯ (в том числе так называемой московской), в системах с полным оканьем, свойственных севернорусским говорам, не наблюдается выраженного противопоставления гласного 1-го предударного слога всем остальным безударным гласным, т. е. просодическое ядро слова в таких системах отсутствует [Высотский, 1973; Пауфошима, 1983; Альмухамедова, Кульшарипова, 1980]. В других диалектных системах специфические отношения между гласными просодического ядра существуют, но выражены иначе, чем в СРЛЯ – так, в говорах с диссимилятивным аканьем длительность (и вследствие этого качество) гласного 1-го предударного слога определяется длительностью ударного гласного [Kniazev, Shaulskiy, 2007]. Отличия от «московской» ритмической структуры наблюдаются и в некоторых региональных вариантах литературного языка, они свойственны носителям северных, северо-западных, восточных и южных разновидностей СРЛЯ. Данные, полученные в результате более раннего исследования [Грамматчикова и др., 2013], позволяют утверждать, что подобные различия могут быть обусловлены особенностями просодической организации речи, в том числе местом реализации фразового акцента в слове. Так, еще в 1949 г. Р.И. Аванесов отмечал, что «в разных русских говорах степень полновесности разных безударных слогов по отношению к ударенному неодинакова. Это зависит не только от экспираторной силы, но также от связанной с нею длительности и движения тона (т. е. относительной высоты)» [Аванесов, 1949: 58]. В [Грамматчикова и др., 2013] приводятся результаты анализа места размещения (восходящего) тонального акцента в региональных вариантах СРЛЯ, особенностью ритмики которых является отсутствие просодического ядра, в сопоставлении с московским вариантом, характеризующимся наличием просодического ядра. Эти данные свидетельствуют о том, что меньшая длительность и степень выделенности гласного 1-го предударного слога относительно ударного гласного (вследствие отсутствия просодического ядра слова), характеризующая региональное произношение, связана, вероятно, со смещением тонального акцента вправо по сравнению с московским вариантом.

В пределах литературного языка известным отклонением от канонической ритмической схемы 112311 в первую очередь является произношение гласных в предударных неприкрытых слогах. В этом положении (в абсолютном начале слова или после гласного в пред-

Filologia_5_14.indd 123 14.02.2015 23:36:52

ударных слогах) гласные не подвергаются качественной редукции и произносятся так же, как в 1-м предударном слоге. Так, например, фонемы <а> и <о> в неприкрытом слоге в начале слова реализуются звуком, который по своим тембровым характеристикам близок к [а] в первом предударном слоге [Князев, Пожарицкая, 2012: 71] или даже к ударному [á] [Бондарко, 1977]. Таким образом, оказывается, что «абсолютное начало слова – положение, в котором безударный гласный изменяется меньше всего» [Бондарко, 1977: 112].

Особый интерес представляет реализация гласных в конечных заударных открытых слогах, которая может существенно отличаться от реализации тех же самых гласных в неконечных и/или закрытых слогах. В частности, принято считать, что внутри синтагмы они подвергаются редукции и реализуются звуками [ъ] и [ь], а перед паузой могут реализовываться звуками, схожими с гласными 1-го предударного слога [Князев, Пожарицкая, 2012: 245]. Эта же особенность была отмечена и Р.И. Аванесовым: «При аканье в заударном неконечном слоге фонемы *о* и *а* совпадают в варианте ъ, в конечном же слоге – в варианте ъ или *а*. В последнем положении употребление звука ъ или *а* фонетически не разграничено: в одном и том же положении, в одном и том же слове, в речи одного и того же лица возможно употребление как ъ, так и *а*. Если и имеется разграничение в употреблении этих вариантов, то это разграничение жанрово-стилистическое и интонационно-синтаксическое: ъ произносится в обычной, более беглой речи, не в конце фразы или речевого тракта, а *а* – в более отчетливой речи, в «полном стиле», в конце фразы или речевого такта» [Аванесов, 1949: 113–114]. Результаты некоторых недавних исследований дают основания считать, что гласные конечных заударных открытых слогов отличаются еще большим разнообразием. Например, реализация фонем <а> и <о> в положении после твердого согласного могут варьироваться от звука [ъ] до [а] с «промежуточными» звучаниями [ъ^{а}] и [а^{ъ}], а после мягких согласных возможны те же варианты и [ь]. Фонема <е> после мягких может быть реализована звуками [ь], [ь^{е}], [е^{ь}], [е], а после шипящих и [ц] – звуками [ъ], [ъ^{э}], [э^{ъ}], [э] [Князев, Пожарицкая, 2012: 245]. Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что «заударный слог – самая критическая для гласного фонетическая позиция» [Бондарко, 1977: 112]. При этом принято считать, что произношение заударных гласных может регулироваться только ударением в том слове, в котором они находятся, т. е. «действие ударения (характер распределения полных и редуцированных гласных) прекращается на границе двух фонетических слов» [Панов, 1967: 167].

В настоящее время вопрос о том, какие именно факторы обусловливают такой широкий набор возможных реализаций гласных в конечном заударном слоге, по-прежнему остается открытым. Деталь-

Filologia_5_14.indd 124 14.02.2015 23:36:52

ные исследования показали, что ритмика слова в целом зависит не только от места ударения в изолированно произнесенном слове, но также и от типа слога, признаков соседних по отношению к гласному сегментов, положения слова во фразе и многого другого. Среди такого рода факторов применительно к заударному слогу в работе [Князев, 2007] выделяется, в частности, конечное или неконечное положение слова в синтагме или фразе; в последнем случае – положение перед гласным или согласным, с которого начинается следующее слово; в последнем случае – положение перед одиночным или группой согласных. Основной целью указанного исследования было проверить гипотезу о влиянии еще одного фактора – места ударения (на первом или втором слоге) в фонетическом слове, следующем за словом с конечным безударным гласным в открытом слоге, например, *кромка́ ко́роба* / *кромка́ коро́бки*, *крика́ во́рона* / *крика́ воро́ны*, *кошка́ бра́та* / *кошка́ сестры́*. Результаты проведенного в ходе исследования фонетического эксперимента свидетельствуют о том, что конечный безударный гласный перед ударным первым слогом следующего слова отличается большей степенью выделенности и в значительно большей степени сближается с гласным [а] (как количественно, так и качественно) по сравнению с позицией перед словом с ударением на 2-м слоге ([ко́шка бра́та], но [ко́шкъ с’истры́]) – см. табл. 1.

Таблица 1

Длительность в мс (t), значения в Гц 1-й (F1) и 2-й (F2) формант гласного [ъ] в конечном открытом безударном слоге в зависимости от места ударения в следующем слове внутри синтагмы (усреднено по всем дикторам и всем произнесениям)

	t	F1	F2	F2-F1
[á]		619	1184	565
[ъ] перед ударным гласным следующего слова	46,5	417	1284	867
[ъ] перед безударным гласным следующего слова	37,9	389	1393	1004

Что же касается таких факторов, как тип конечного слога (открытый или закрытый) и место размещения фразового акцента, то применительно к русскому языку вопрос об их влиянии на реализацию конечного заударного гласного до сих пор не изучен, хотя и предполагается, что «в этой фразовой позиции полный гласный все чаще встречается и в конечном безударном закрытом слоге ([ко́шкам бра́та] (*кошкам брата*)» [Князев, Пожарицкая, 2012: 245]. Таким образом, целью настоящего исследования является экспериментальная проверка гипотезы, согласно которой длительность гласного в конечном безударном слоге может зависеть от наличия/отсутствия слого-

Filologia_5_14.indd 125 14.02.2015 23:36:52

вой финали, а также от наличия или отсутствия фразового акцента на фонетическом слове, следующем за анализируемым словом, т. е. словом, в котором измерялась длительность конечного гласного.

В связи с тем, что некоторые региональные варианты СРЛЯ характеризуются отличной от «московской» ритмической структурой слова, можно предположить, что в зависимости от места ударения в последующем слове некоторые свойства конечного безударного гласного (прежде всего, длительность) в региональном и в московском произношениях также будут иметь какие-то различия. В этой связи одной из задач настоящего исследования было сопоставить данные, полученные в работе [Князев, 2007] для московского регионального варианта, с данными, характеризующими различные региональные варианты СРЛЯ.

Для проверки сформулированных гипотез были отобраны следующие информанты: СК (Москва), МП (Москва), АФ (Сочи), ЕТ (Калининград), ЕЕ (Челябинск), МХ (Ставрополь), ДК (Белгород) – см. рис. 1. Все информанты являются носителями современного литературного произношения, двое из них представляют московский вариант СРЛЯ, остальные – региональные варианты. Наличие трех информантов, представляющих южные регионы России, обусловлено гипотезой о том, что указанное произношение свойственно в большей степени именно южнорусскому произношению (и, возможно, в московском варианте является следствием его экспансии).

Материалом проведенного в ходе исследования фонетического эксперимента служили 26 пар внутрисинтагменных сочетаний фонетических слов, которые зачитывались в составе предложений. Первое слово каждой пары состояло из трех слогов, с ударением на 1-м слоге, все гласные звуки являлись реализациями фонем <а> или <о> (или гиперфонемы <о/а>) после твердых согласных, например, *способа*, *запаха*, *монота*; второе слово начиналось с сочетания твердого согласного с гласным, также являющимся реализацией фонем <а> или <о> (или гиперфонемы <о/а>). Всего было исследовано три фактора, каждый из которых принимает два значения:

1) наличие/отсутствие ударения на первом слоге второго слова;

2) открытый/закрытый конечный безударный слог в первом слове;

3) наличие/отсутствие фразового акцента на втором слове.

Таким образом, все экспериментальные пары разбиваются на восемь групп: в двух из них оказывается по четыре пары слов, в остальных – по три. В табл. 2 приведено распределение всех экспериментальных пар со словом *способ* по всем группам. Полужирным выделены слова, на которых был реализован фразовый акцент.

В ходе анализа ритмической структуры были измерены длительности всех трех гласных (ударного, 1-го заударного и 2-го заударного)

Filologia_5_14.indd 126 14.02.2015 23:36:52

Рис. 1. Схема территориального расположения исследованных регионов

в первых словах каждого сочетания по всем информантам. Для записи рабочего материала, определения границ гласных звуков и измерения их длительности была использована программа Speech Analyzer. Выделение сегментов проводилось на основе спектрограмм и осциллограмм соответствующих звуковых фрагментов. На следующем этапе из рассмотрения были исключены сочетания, в которых фразовый акцент был реализован на первом слове. Анализ производился на базе интонограмм, с использованием аудитивного контроля.

Filologia_5_14.indd 127 14.02.2015 23:36:52

Таблица 2

Распределение всех парных сочетаний со словоформами лексемы *способ* по разным значениям факторов

	Наличие фразового акцента на втором слове		**Отсутствие фразового акцента на втором слове**	
	ударный первый слог второго слова	**безударный первый слог второго слова**	**ударный первый слог второго слова**	**безударный первый слог второго слова**
открытый конечный слог	*способа* ***записи***	*способа* ***познания***	*способа справиться* (***с бессонницей***)	*способа поднять* (***настроение***)
закрытый конечный слог	*в способах* ***заработка***	*способов* ***проснуться***	*способах варки* (***кофе***)	*способах достать* (***деньги***)

Результаты анализа ритмической структуры слова в московском и региональных вариантах СРЛЯ по каждому из трех исследуемых параметров приведены в табл. 3–5. В табл. 3 приводятся данные об относительной длительности (в процентах от длительности ударного) заударных гласных в различных региональных вариантах СРЛЯ в зависимости от ударности или безударности первого слога последующего слова; в табл. 4 – в зависимости от того, открытым или закрытым является последний заударный слог в слове; в табл. 5 – в зависимости от того, реализуется ли фразовый акцент на втором слове сочетания или оба слова не несут акцента. Те же данные, усредненные по всем информантам, представлены на рис. 2–4.

Приведенные в табл. 3 и на рис. 2 данные позволяют сформулировать вывод о том, что средняя длительность заударного гласного в конечном слоге в позиции перед фонетическим словом с ударением на 1-м слоге составляет 78% от средней длительности ударного гласного в этих же словах, а средняя длительность конечного заударного гласного в позиции перед словом с ударением не на первом слоге – только 54%. Таким образом, конечный безударный гласный в слове перед ударным слогом следующего слова действительно отличается большей выделенностью, чем в позиции перед безударным гласным. Подобная закономерность наблюдается у всех информантов – у носителей как московского, так и других региональных вариантов, при этом в наибольшей степени – у информантов из Сочи и Белгорода, что косвенным образом подтверждает гипотезу о южнорусском происхождении данного явления.

Приведенные в табл. 4 и на рис. 3 данные позволяют сформулировать вывод о том, что средняя длительность заударного гласного в конечном открытом слоге составляет 69% от средней длительности

Filologia_5_14.indd 128 14.02.2015 23:36:52

Таблица 3

Средняя относительная длительность (в % от ударного) гласных 1-го и 2-го заударных слогов в различных региональных вариантах СРЛЯ в зависимости от наличия/отсутствия ударения на первом слоге следующего слова

Информант, регион	В словах перед ударным гласным следующего слова (примеры типа *способа за́писи*)			В словах перед безударным гласным следующего слова (примеры типа *способа позна́ния*)		
	ударный	1-й заударный	2-й заударный	ударный	1-й заударный	2-й заударный
СК (Москва)	100%	8%	70%	100%	21%	48%
МП (Москва)	100%	38%	72%	100%	34%	54%
АФ (Сочи)	100%	45%	86%	100%	43%	51%
ЕТ (Калининград)	100%	33%	77%	100%	35%	55%
ЕЕ (Челябинск)	100%	30%	80%	100%	42%	39%
МХ (Ставрополь)	100%	47%	73%	100%	49%	62%
ДК (Белгород)	100%	40%	91%	100%	38%	65%
Общее значение	**100%**	**34%**	**78%**	**100%**	**37%**	**53%**

Таблица 4

Средняя относительная длительность (в % от ударного) гласных 1-го и 2-го заударных слогов в различных региональных вариантах СРЛЯ в зависимости от открытости/закрытости конечного заударного слога

Информант, регион	В словах с открытым конечным заударным гласным (примеры типа *способа записи*)			В словах с закрытым конечным заударным гласным (примеры типа *способов проснуться*)		
	ударный	1-й заударный	2-й заударный	ударный	1-й заударный	2-й заударный
СК (Москва)	100%	9%	66%	100%	21%	50%
МП (Москва)	100%	35%	67%	100%	37%	57%
АФ (Сочи)	100%	42%	67%	100%	46%	71%
ЕТ (Калининград)	100%	37%	62%	100%	31%	69%
ЕЕ (Челябинск)	100%	21%	67%	100%	53%	66%
МХ (Ставрополь)	100%	48%	77%	100%	48%	56%
ДК (Белгород)	100%	41%	76%	100%	37%	83%
Общее значение	**100%**	**33%**	**69%**	**100%**	**38%**	**65%**

Filologia_5_14.indd 129 14.02.2015 23:36:52

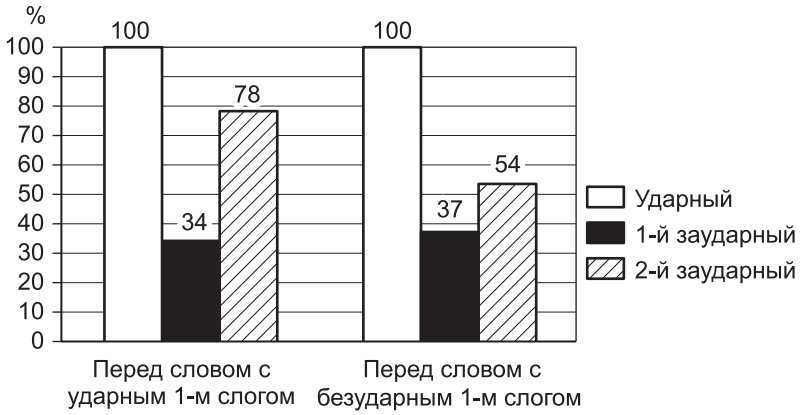


Рис. 2. Средняя относительная длительность (в % от ударного) заударных гласных в трехсложных словах по всем информантам в зависимости от наличия/отсутствия ударения на 1-м слоге следующего слова

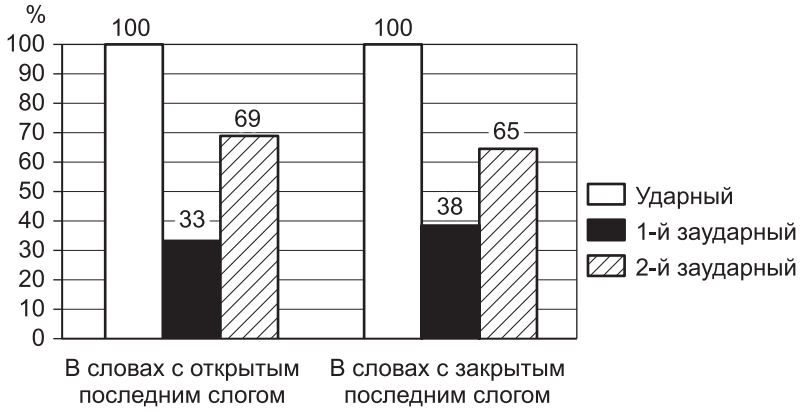


Рис. 3. Средняя относительная длительность (в % от ударного) заударных гласных в трехсложных словах по всем информантам в зависимости от открытости/закрытости последнего слога

ударного гласного в этих же словах слоге, а средняя длительность гласного в конечном закрытом слоге – 65%. Необходимо отметить, что в московском варианте длительность конечного гласного в открытом слоге в среднем составляет 66,5% от ударного, а в закрытом – 53,5%; в других региональных вариантах в открытом слоге – 69,8%, а в закрытом – 69%. Таким образом, в регионах различия в длительности гласного конечного слога в зависимости от его открытости или закрытости не наблюдается, тогда как в московском варианте оно составляет 13%.

Filologia_5_14.indd 130 14.02.2015 23:36:52

Таблица 5

Средняя относительная длительность (в % от ударного) гласных 1-го и 2-го заударных слогов в различных региональных вариантах СРЛЯ в зависимости от наличия/отсутствия фразового акцента на следующем слове

Информант, регион	**В словах с фразовым акцентом на следующем слове (примеры типа** *способа* ***записи***)			**В словах без фразового акцента на следующем слове (примеры типа** *способах достать* ***(деньги)***)		
	ударный	**1-й заударный**	**2-й заударный**	**ударный**	**1-й заударный**	**2-й заударный**
СК (Москва)	100%	18%	67%	100%	10%	46%
МП (Москва)	100%	36%	67%	100%	36%	58%
АФ (Сочи)	100%	47%	74%	100%	40%	63%
ЕТ (Калининград)	100%	32%	67%	100%	37%	63%
ЕЕ (Челябинск)	100%	25%	75%	100%	43%	60%
МХ (Ставрополь)	100%	41%	66%	100%	57%	67%
ДК (Белгород)	100%	43%	80%	100%	33%	77%
Общее значение	**100%**	**35%**	**71%**	**100%**	**36%**	**62%**

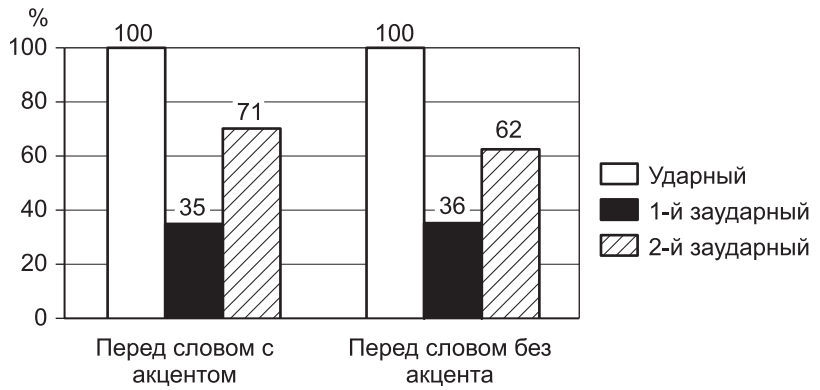


Рис. 4. Средняя относительная длительность (в % от ударного) заударных гласных в трехсложных словах по всем информантам в зависимости от наличия/отсутствия акцента на следующем слове

Приведенные в табл. 5 и на рис. 4 данные позволяют сформулировать вывод о том, что средняя длительность гласного в конечном заударном слоге перед словом, несущим фразовый акцент, составляет 71% от средней длительности ударного гласного, в то время как перед словом без фразового акцента эта величина составляет 62%. Таким

Filologia_5_14.indd 131 14.02.2015 23:36:53

образом, длительность конечного заударного гласного перед акцентированным словом больше, чем перед словом без акцента.

Для того чтобы оценить статистическую значимость сформулированных выводов, был проведен анализ полученных данных с применением статистического критерия. С этой целью был применен однофакторный непараметрический анализ и использована статистика Краскела-Уоллиса. Данный критерий был применен к каждому из трех исследуемых факторов для оценки различий в степени выраженности анализируемого признака между двумя уровнями каждого фактора:

Фактор 1. Ударение на первом слоге следующего слова. Уровни: 1) наличие; 2) отсутствие;

Фактор 2. Тип последнего слога в слове. Уровни: 1) открытый; 2) закрытый;

Фактор 3. Фразовый акцент на следующем слове. Уровни: 1) наличие; 2) отсутствие.

Основной задачей данного статистического анализа было выяснить, оказывает ли фактор влияние на реализацию исследуемого параметра – длительность конечного заударного гласного, т. е. являются ли две выборки данных, соответствующие двум уровням фактора, однородными. В связи с этим были сформулированы две противоположные гипотезы (Н):

1. $\mathbf{H_0}$: сравниваемые выборки являются однородными, т. е. фактор не оказывает влияния на реализацию признака;
2. $\mathbf{H_1}$: сравниваемые выборки неоднородны, т. е. фактор оказывает влияние на реализацию признака.

Все данные по длительности конечного заударного гласного, полученные от всех информантов, были расположены в общий вариационный ряд (по возрастанию) и проранжированы (ранг – порядковый номер конкретного значения длительности в общем вариационном ряду; если несколько значений совпадает, для них вычисляется средний ранг). Затем были найдены суммы рангов для каждого уровня каждого фактора. Критерий основан на следующем принципе – если различия между выборками незначимы, то и суммы рангов не будут существенно отличаться одна от другой и наоборот. При этом, чем меньше взаимопересечение выборок, тем выше наблюдаемое значение критерия.

Таким образом, для анализируемых факторов были получены следующие наблюдаемые значения критерия:

При уровне значимости α=0,05 и числе степеней свободы 1 критическое значение критерия составляет **3,84**.

Таким образом, полученные значения позволяют сделать следующие выводы:

- поскольку наблюдаемое значение критерия больше критического, нулевая гипотеза отклоняется, следовательно, фактор 1 ока-

Filologia_5_14.indd 132 14.02.2015 23:36:53

Таблица 6

Наблюдаемые значения критерия по трем факторам

	Фактор 1	**Фактор 2**	**Фактор 3**
Наблюдаемое значение критерия	18,89	2,55	2,79

зывает влияние на значение исследуемого признака. Таким образом, наличие/отсутствие ударения на первом слоге следующего слова влияет на длительность гласного в последнем слоге и получившееся различие в средних значениях следует признать статистически значимым;

- поскольку наблюдаемое значение критерия меньше критического, нулевая гипотеза принимается, следовательно, фактор 2 не оказывает влияния на значение исследуемого признака. Таким образом, наличие/отсутствие финали в последнем слоге слова существенно не влияет на длительность гласного в этом слоге, а получившееся различие в средних значениях нельзя признать статистически значимым;
- поскольку наблюдаемое значение критерия меньше критического, нулевая гипотеза принимается, следовательно, фактор не оказывает влияния на значение исследуемого признака. Таким образом, наличие/отсутствие акцента на следующем слове существенно не влияет на длительность гласного в последнем слоге, а получившееся различие в средних значениях нельзя признать статистически значимым.

Результаты анализа, проведенного в рамках данного исследования, подтверждают выводы, сформулированные в [Князев, 2007], и позволяют утверждать, что как в московском, так и в региональных вариантах конечный безударный гласный в слове перед ударным слогом следующего фонетического слова отличается существенно большей длительностью, чем в позиции перед словом с безударным начальным слогом последующего слова. В наибольшей степени данное явление выражено у представителей южных регионов – носителей из Сочи и Белгорода. Относительно двух других исследуемых факторов проведенный статистический анализ показал, что по сравнению с местом ударения в следующем слове ни тип слога (открытый или закрытый), ни место фразового акцента (на следующем слове или нет) не оказывают существенного влияния на длительность конечного гласного. Однако в средних значениях гораздо более выраженными являются различия между наличием и отсутствием фразового акцента на следующем слове, чем между открытым и закрытым слогом. При этом влияние последнего фактора в большей степени проявляется в московском варианте, чем в прочих региональных вариантах.

Таким образом, сила фактора, обусловливающего взаимодействие ударного и предшествующего ему гласного в современном русском

Filologia_5_14.indd 133 14.02.2015 23:36:53

языке оказывается настолько велика, что его действие может распространяться и через границы фонетического слова на заударный гласный предшествующего слова (как в открытом, так и в закрытом слоге), который, тем самым, оказывается одновременно в заударном и в предударном положении. Следовательно, конечный безударный гласный фонетического слова формирует с ударным гласным первого слога следующего фонетического слова структуру, сходную с просодическим ядром, что свидетельствует о существовании еще одного, промежуточного между фонетическим словом и синтагмой, уровня объединения сегментных единиц.

Список литературы

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984.

Альмухамедова З.М., Кульшарипова Р.Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах (Эксперим.-фонет. исслед.). Казань, 1980.

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

Высотский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Грамматчикова Е.В., Князев С.В., Лукьянова Л.В., Пожарицкая С.К. Ритмическая структура слова и место реализации тонального акцента в региональных вариантах современного русского литературного языка // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики: Сборник статей к юбилею О.Ф. Кривновой. М., 2013 (в печати).

Князев С.В. К вопросу о механизме возникновения аканья // Вопросы языкознания. 2000. № 1.

Князев С.В. Реализация конечных безударных гласных в русском языке как показатель просодического объединения фонетических слов внутри синтагмы // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений V Международной научной конференции 8–10 октября 2007 г. М., 2007.

Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. М., 2012.

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.

Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Потебня А.А. О звуковых особенностях русских наречий // Филологические Записки. 1866.

Kniazev Sergey, Shaulskiy Evgeny. The development of akan'je in Russian: new data // Proceedings 16th International Congress of Phonetic Sciences 6–10 August 2007 Saarbrücken, Germany. P. 1420–1425.

Сведения об авторах: *Князев Сергей Владимирович*, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: svknia@gmail.com; *Грамматчикова Елена Викторовна*, студентка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: e.v.gra@yandex.ru

Filologia_5_14.indd 134 14.02.2015 23:36:53

Е.Н. Никитина

О ВИНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ПРИ ГЛАГОЛЕ *ЖДАТЬ*[1]

Проблема выбора винительного (Вин.) – родительного (Род.) падежей при модально-эмоциональном глаголе *ждать* связывается в статье с межкатегориальным согласовательным взаимодействием, в котором участвуют лексическая семантика глагола и падежная семантика имени, категории модальности, времени, количества. Показано, что Вин. п. на фоне глагола *ждать* связан с историческими изменениями в семантике глагола.

Ключевые слова: реальная и ирреальная модальность, проспективность, эмотивная семантика, ментально-рациональная семантика.

The article investigates the Acc./Gen. cases of nouns in the context of the so-called "modal-emotional" verbs (namely, *ждать*) as related to certain interactions of language categories: the lexical semantics of the verb and the semantics of case.

Key words: real/irreal modality, prospectivity, emotive/rational mode.

В русской грамматике известно такое явление, как замена «канонического» падежа в рамках синтаксической конструкции на другой: ср. Род. – Вин. при глаголах интенциональной семантики (*ждать поезда → ждать поезд*), Вин. – Род. при переходных глаголах с отрицанием (*купил арбуз → не купил арбуза*), Им. – Род. субъектный (*Изменения не обнаружились → Изменений не обнаружилось*), а также Им. – Тв. предикативный (*Он был учителем → Он был учитель*), Вин. – Род. количественный (*налил чай → налил чаю*).

При этом единственный падеж из перечисленных, который получает в грамматике общепризнанную семантическую интерпретацию, – это Род. количественный. Эта традиция восходит к XVIII в. Уже тогда, в Грамматике М.В. Ломоносова, «неканонический» Род. падеж интерпретируется в связи с семантическими эффектами, которые проявляются в рамках конструкции. Так, при обсуждении Род. объектного на месте Вин. при глаголах смены посессора вводится в рассмотрение категория количества: количества вещества – *дай воды*; количества времени – *посулить лошади* (= дать на время); категория, соединяющая говорящего и адресата, – вежливость, или, по Ломоносову, учтивость: *покажи своей книги*. У М.В. Ломоносова читаем:

[1] Исследование осуществлено при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12064).

Filologia_5_14.indd 135 14.02.2015 23:36:53

«Принимают нередко действительные глаголы и родительный падеж, когда их сила не ко всей вещи, но к части, и не во все время, но ненадолго простирается: *дай воды*, то есть немного, часть оныя; в прочем должно сказать: *дай воду*. *Посулить кому лошади* разумеется не на долгое время; *посулить лошадь* значит, чтоб отдать ее вовсе. В сем заключается еще учтивость: *покажи свою книгу* – сказано со властию; *покажи своей книги* – речь учтивее» [Ломоносов (1755), 1952].

Категория вежливости в современном русском языке сохраняет связь с количественной семантикой. Так, императив в совершенном виде (СВ) менее категоричен, с его помощью передается просьба, он лучше сочетается с *пожалуйста*: *дай – давай*, *принеси – неси, ответь – отвечай*, а СВ, как известно, отвечает за членимость времени (отмеряет время), т. е. имеет дело с его количеством. Далее, объект глагола в повелительном наклонении и именные компоненты в высказываниях с непрямым выражением воли (просьбы) в условиях неформального, неофициального общения могут принимать уменьшительный суффикс: *Передай тарелочку, Налей чайку, Завесьте огурчиков, Купи молочка* – см. также примеры в [Гладров, 1992]: *Сигаретки не найдется? Можно вас на минуточку?* Тем самым в выражении категории количества (а с нею и категории вежливости) могут участвовать оба компонента конструкции – и глагольный, и именной. В объектном именном компоненте количественность может выражаться не только уменьшительным суффиксом, но и выбором Род. падежа счетных и вещественных существительных (см. примеры выше), в том числе и в отсутствие диминутива (*Купи молока, хлеба, огурцов*). Это явление можно интерпретировать как категориально-морфологическое взаимодействие, результатом которого является скрытая категория. В данном случае категориально-морфологическое взаимодействие осуществляется по типу своеобразного семантического согласования, но не как уже привычное для лингвистов согласование лексических семантик (см. [Греймас, 2004; Гак, 1972; Апресян, 1974]), а как синсемия, повтор количественной семы на уровне грамматической семантики глагола и имени, семы, выражаемой морфологическими категориями падежа и вида, а также именным словообразовательным аффиксом.

Если семантические различия в паре объектных падежей Вин. – Род. партитивный общепризнанны, то этого не скажешь о других падежных парах в рамках конструкций, перечисленных выше. Здесь сошлюсь на доклад Я.Г. Тестельца (Виноградовские чтения в МГУ в январе 2014 г.), посвященный явлению, которое получило в докладе название «регулярные падежные чередования». К ним автор относит Им./Тв. предикативный, Им./Род. субъектный при отрицании, Род./

Filologia_5_14.indd 136 14.02.2015 23:36:53

Вин. при интенциональных глаголах. Я.Г. Тестелец настаивает на асемантичности этих падежных чередований (несмотря на усилия множества исследователей и самые эффективные инструменты семантического анализа, до сих пор нет общепринятого ответа на вопрос, что, собственно, означают эти чередования) и приходит к выводу, что каждое из чередований, по-видимому, не выражает никакого различия в семантике. Отвергая семантические возможности данных чередований, автор ищет обоснование **структурной** возможности мены падежей и находит его в том, что в каждом из рассматриваемых им падежных чередований участвует прямой («грамматический», или «структурный») падеж – именительный или винительный, который заменяется на косвенный в силу скрытых («нулевых») факторов падежного управления – «нулевого предлога, нулевого квантора или нулевой нефинитной связки».

При этом, однако, интересно, что (1) Я.Г. Тестелец не включает в число асемантических чередований объектный Вин./Род. партитивный (*выпил молоко – выпил молока*). Второй немаловажный факт – это то, что (2) в современном чередовании Род./Вин. при интенциональных глаголах (*ждать, избегать, бояться*) исходным является Род. (так что Вин. от некоторых имен признается некорректным), однако Я.Г. Тестелец рассматривает его как мену Вин. на Род. Тем не менее Род. при интенциональных глаголах можно считать исходным и исторически, и структурно – это базовая конструкция. Напротив, другие известные падежные чередования (мена Им. и Вин. на Род., мена Им. и Вин. на Тв.) происходят, с синхронической точки зрения, в конструкциях модификационных, которые мы осознаем на фоне других, более простых – (1) в производной конструкции с отрицанием (на фоне утвердительной конструкции), (2) в неисходной форме конструкции с именным предикатом (если признавать исходной форму наст. вр. *Он учитель*), (3) в производной конструкции с второстепенным предикатом, полученной наложением (взаимодействием по Г.А. Золотовой [Золотова, 1973]) двух моделей простого предложения (*Он усталый, он приходит – Он приходит усталый/ усталым*; *Он молодой, я помню – Помню его молодого/ молодым*). Возникает вопрос: если в большинстве чередований замене подвергается «прямой» падеж (Им. и Вин. на Род. или Тв.), то можно ли теми же аргументами объяснять обратный процесс – замену Род. на Вин.?

Интересно, что чередование Вин./ Род. партитивного, которое Я.Г. Тестелец не рассматривает (т. е., по-видимому, считает смысловым), относится к выражению диктальных, «объективных» смыслов: ведь с помощью Род. количественного «измеряется» то, что принадлежит внешнему миру – количество вещества либо предметов. Те

Filologia_5_14.indd 137 14.02.2015 23:36:53

же чередования, которые автор доклада относит к асемантическим, в большинстве своем связаны с выражением субъективных, модусных, оценочных смыслов – тех, что относятся к сфере говорящего. Например, не случайно интерпретационным инструментом Род. при отрицании стало понятие наблюдателя (т. е. модусного субъекта) – см. [Падучева, 1997]. Можно сказать, что модусные значения, выражаемые варьируемыми падежами, более закрыты от исследователя, их обнаружение предполагает обращение к лексической и грамматической семантике компонентов конструкции, категориальную интерпретацию конструкции, обращение к авторским тактикам в рамках текстового фрагмента. Такой подход к варьированию падежей в связи с опорой на модус применим к Им./Тв. предикативным, к Им./Род. и Вин./Род. при отрицании.

Однако чередование Род./Вин. при интенциональных глаголах (Г.А. Золотова называет эти глаголы «модально-эмоциональными» [Золотова, 1988]), как представляется, имеет другую природу и связано с исторической сменой категориально-лексического значения глаголами данной группы. Семантическое единство интенциональных, или отложительных, или модально-эмоциональных, глаголов держалось на общности ирреальной модальности, которая обнаруживается при толковании глаголов этой группы посредством фразы «хотеть, чтобы…» (*ждать, искать, просить*) или «не хотеть, чтобы…» (*бояться, избегать*), т. е. на значениях потенциальности, желательности/нежелательности, проспективности. Ирреальная модальность находится в отношениях семантического согласования с Род. Мысли о смысловой близости этой пары категорий высказывались еще в грамматике Востокова, а в современной терминологии аналогия между Род. и сослагательным наклонением установлена в [Kagan, 2005; Борщев и др.[2], 2008]: и генитив, и конъюнктив связаны с семантикой потенциальности – генитив делает «акцент на свойствах возможных индивидов», а конъюнктив – «на свойствах возможных ситуаций» [Борщев и др., 2008].

На протяжении XX в. активно происходило семантическое расшатывание этой глагольной группы, в результате разные глаголы обнаружили тяготение к другим семантическим группам, например, глагол *бояться* – к глаголам отношения типа *любить, уважать, ненавидеть* – см. [Никитина, 2013], глагол *избегать* – к глаголам пространственной семантики типа *огибать, обходить стороной* (см. характерный пример из XIX в.: *В лагере Кибит-Магомы у подошвы Гуниба смертность ужасная. Шамиль с маленьким сбором старается* ***избегать холеру*** *переменою места, но не переходя Кара-*

[2] В число соавторов входит Я.Г. Тестелец.

Filologia_5_14.indd 138 14.02.2015 23:36:53

Койсу. (М.С. Воронцов «Кавказские письма», 1845–1855.) Глагол *ждать* оказался тесно связан со значением «получить в ближайшем будущем». Внешне центробежные явления в данной семантической группе проявились в возможности соединения с Вин. п.: *бояться собаку, свинью; избегать жену, удачу; ждать поезд, рассвет*. Вин., в отличие от Род., не располагает собственной семантикой, он просто маркирует функцию имени при глаголе релятивной семантики – функцию быть объектом глагола, см. [Золотова, 1988].

Чтобы проследить историю семантических изменений *ждать*, следует обратиться к толковым словарям разного времени, к языковой рефлексии, отраженной в современных работах по лингвистической семантике, к текстовым данным.

В современном языке, как известно, наблюдается размежевание личных/ пропозитивных имен в позиции при *ждать*, первые из которых тяготеют к Вин., вторые – к Род.: *ждал жену – ждал встречи*, при возможности выбора падежа предметных имен: *ждал автобус/ автобуса*. Вариативность в последнем случае часто принято объяснять известностью/неизвестностью, определенностью/неопределенностью имени: Род. – неопределенность, Вин. – определенность. К ситуации ожидания автобуса это может быть применимо, к самолету – нет (возможно ожидание любого автобуса, который подойдет к остановке, но не самолета). Еще в 1967 г. А.А. Зализняк признавал, что семантико-грамматическое различие, связанное с референциальным статусом предметных имен, стирается: «между *я жду самолета* и *я жду самолет*, по-видимому, уже не чувствуется различия по определенности/ неопределенности» [Зализняк, 1967: 49].

В конце XIX в. авторы [Словарь русского языка, т. 1] специально обращают внимание на возможность дополнения в Вин., что иллюстрируется примерами из классической литературы; «лицо»: *Обедня не начиналась, ждали Кириллу Петровича* (Пушкин). *Он ждал ее в ея гостиной* (Толстой). *Ждали из станицы казачье начальство* (Толстой). *Я жду одну женщину* (Тургенев); «предмет»: *Белинский ждет скоро большое наследство* (Лермонтов). *Удачи каждый миг постыдный* [?] *ждать конец* (Лермонтов).

На протяжении XX в. тенденция к сочетанию глагола *ждать* с Вин. укрепляется. Благодаря переходу от изучения сконструированных изолированных предложений к наблюдению над реальными текстами разного времени, представленными в [НКРЯ], можно видеть, что начиная с 1930–1940-х годов и до настоящего времени Вин. п. при *ждать* втягивает в сферу своего влияния не только предметные и вещественные, но и пропозитивные имена, которые запрещены современной литературной нормой, ср.: *ждать результат, ждать*

Filologia_5_14.indd 139 14.02.2015 23:36:53

анализ, ждать звонок, ждать поездку, отставку, выигрыш и т.п. Выбор Вин. в этих случаях обусловлен ситуацией взаимодействия между частным человеком и официальной инстанцией в связи с семантикой «обещания» и, как следствие, в связи с прогнозируемостью события (что часто подтверждается соответствующим документом – справкой, квитанцией и т. п.). Значительную часть событийных имен составляют девербативы (существительные с акциональной семантикой, семантикой действия, предполагающей личного исполнителя). Ситуация, называемая глаголом *ждать*, предполагает проспективность и временную близость события (а тем самым уверенность в его осуществимости или знание о том, что оно произойдет). См. пример из дневника (ожидаемое событие – в ближайшем будущем): *Ходим по комнате… Нервно… Говорю с Чуйковым.* ***Ждем капитуляцию к 4 часам ночи****. 3 часа 55 минут. Сейчас придут представители германской армии. Подготовляем сводки*. (В.В. Вишневский «Дневники военных лет», 1943–1945). Другой тип временных отношений между событием, названным именем в Вин. п., и моментом речи, обнаруживает ретроспективный взгляд на ситуацию, даже неконтролируемую: сообщение о будущем в плане прошедшего с точки зрения сегодняшнего всезнания, абсолютного знания об осуществленности события, даже неконтролируемого. Так, Ахматова пишет в мемуарах о 1917 г.: *А в Петербурге был уже убитый Распутин и* ***ждали революцию, которая была назначена на 20 января*** (*в этот день я обедала у Натана Альтмана*) (А.А. Ахматова «Автобиографическая проза», 1957–1965).

Однако не только семантический признак контролируемости может приводить к выбору Вин. То же касается и неконтролируемых состояний (в жизни человека и природы). Семантика имени предполагает невозможность планирования результата, однако для субъекта ожидания предполагаемое событие окрашено модальностью уверенности (скорее реальная модальность в условиях отсроченности, отнесенности события в будущее, чем ирреальность ситуации): *Игроки ЦСКА хорошо знают игру этого игрока, думаю будут стараться его закрыть и т.д. ЖДУ* ***победу НАШИХ****! !!!* (Баскетбол-2 (форум), 2005); *Мнительность была его органической чертой. Плохие новости Сергей встречал стойко, хорошие* **—** *выводили его из себя. Он* ***ждал неудачу****, подстерегал и предвидел ее* (Александр Генис «Довлатов и окрестности», 1998); *Мне рассказывали, как в одном чукотском поселке народ узнавал погоду «по Клаве», то есть по поведению продавщицы в одном из магазинов. … Но если Клава* (*а она была женщиной красивой, огромных размеров и эклектических форм*) *не здоровалась, орала на покупателей, недовешивала, недодавала сдачу*

Filologia_5_14.indd 140 14.02.2015 23:36:53

и вместо макарон насыпала крупу — назавтра или даже к вечеру ***ждали пургу*** (Валерий Писигин «Письма с Чукотки», 2001) – комизм ситуации усилен тем, что носителем полного знания, полной уверенности в предстоящем событии (состояний, требующих по сути индивидуализированного субъекта) выступает неконкретно-референтный множественный субъект (*народ, жители, работники* либо синтаксический субъектный нуль неопределенно-личных предложений).

Конкретика изображения, данная лексическими средствами репродуктивного регистра, создает эффект приближения к изображаемой ситуации в условиях итеративного контекста (узуального времени), а тем самым и «сокращает время» между моментом изображаемым и моментом наступающим (грозой): *Вечерняя таинственная ловля бабочек, когда вечер делался храмом, цветы обратились к <заре>, как жрицы в белых тонких рубашках, запах жертв, и, как молитва, несся, свистя полетом, бражник. Тогда, когда мы робко подкрадывались, вытянув руку к бабочке, тогда, как слышу, сверху трепетала зарница. Закрывались окна.* ***Ждали грозу***. (Велимир Хлебников «Нужно ли начинать рассказ с детства?», 1916–1918.)

Таким образом, ж*дать* собирает неоднородную группу имен разной категориальной семантики, где особенно показательны пропозитивные имена. Крайние точки в этом смысловом разбросе – это максимум предсказуемости, контролируемости (имена действия) и максимум неожиданности, неконтролируемости (имена состояния: названия природных явлений и интерпретационные имена: *удача, неудача*). Объединяющим мотивом для данной группы становится реальная модальность (отнесенность события, с точки зрения ожидающего субъекта, к реальному плану будущего), уверенность субъекта ожидания в предстоящем событии, семантика знания.

В случае вещественных имен Род. может избегаться, так как данная форма обнаруживает добавочное количественно-партитивное значение[3], см.: *Полный останов разверзает пред Москвою пропасть. Пока* ***Манштейн ждет бензин****, Жуков успевает подготовить контрнаступление.* (Александр Иличевский «Курбан-Байрам», 2005.) В связи с возможностью осмысления в имени партитивной семантики интересен пушкинской пример с Род.: *Зимы ждала, ждала природа*. Событийное имя в Род. п. (*зимы*), в отличие от Вин., в условиях временной близости называемого события приобретает, скорее, не

[3] Ср. в пределах одного контекста необъяснимое с современной точки зрения варьирование в пределах текстового фрагмента Вин. / Род. вещественного имени в «Горе от ума»: Софья рассказывает сон: *Сначала / Цветистый дуг; и я* ***искала / Траву / Какую****-то, не вспомню наяву*. Фамусов отвечает: *Бывают странны сны, / а наяву страннее; /* ***Искала*** *ты себе* ***травы****, На друга набрела скорее…*

Filologia_5_14.indd 141 14.02.2015 23:36:53

модальную семантику (неуверенности), а сближается с вещественным значением (на семантическую близость пропозитивных и вещественных имен обратил внимание О. Есперсен [Есперсен (1924), 1958]). Род. пропозитивного имени приобретает количественное значение, в пушкинском контексте – это ожидание каких-либо проявлений зимы, в частности снега (своеобразная метонимия: зима как снег): *Зимы ждала, ждала природа. Снег выпал только в январе. На третье в ночь*.

Можно сделать предварительное предположение, что к середине XX в. семантика глагола *ждать* явственно видоизменяется, переосмысляется: эмотивная составляющая в семантике глагола уступает место ментально-рационализированной установке. Это отражается на толковании *ждать* в словарях второй половины XX–XXI в. Лексикографы начинают выделять два значения глагола *ждать*: *ждать 1* связано с ментальной установкой (знание), *ждать 2* – с эмотивной (надежда). Первое значение в словарях второй половины XX – начала XXI в. получает толкование за счет глаголов *знать* («знать заранее» – [МАС; Большой толковый словарь, 2000]), *рассчитывать* [Ожегов, 1984]. Эти толкующие глаголы (*знать, рассчитывать*) и воплощают ментальные модусы знания и мнения (текст же позволяет связать тип модуса с владельцем модуса, т. е. с индивидуализированным носителем сознания). Интуиция авторов толковых словарей подтверждается и экспериментальными толкованиями лингвистов (Анна А. Зализняк, авторы НОССРЯ). См. толкование *ждать 1.1* в [НОССРЯ, 2004: 335]: «зная или считая, что должно или может произойти некое событие, нужное субъекту или касающееся его, быть в состоянии готовности к нему, обычно находясь в том месте, где оно произойдет». Напротив, в старых словарях при толковании *ждать 1* акцент делается на эмотивной стороне. См. в [Словарь Ушакова, 1935–1939]: «переживать чувство ожидания; пребывать некоторое время, оставаться на месте в ожидании появления чего-н., прибытия кого-н.» (*С надеждой и страхом мы ждали исхода болезни ребенка. Сидел и девы ждал прекрасной.* Пушкин. *Я жду одну женщину.* Тургенев). В [Словарь Даля] встречаем единственное *ждать* с толкованием «надеяться»: «быть в ожидании чего, чаять, надеяться; ожидать».

Возвращаясь к корпусному аспекту исследования (на базе НКРЯ), следует отметить, что характерным признаком контекстов с *ждать*+Вин. является то, что множественные примеры начиная с 1930–1940-х годов принадлежат жанрам дневника, мемуаров, а также встречаются в личных письмах, телеграммах и т. п., т. е. выбор падежа обусловлен конкретной пространственно-временной локализацией и личностным сознанием, и сознание это связано скорее с семантикой

Filologia_5_14.indd 142 14.02.2015 23:36:54

знания, уверенности; семантика ирреальности уступает место реальной модальности: ожидаемое событие располагается на временной оси (настоящее – будущее), его наступление лишь отсрочено, отнесено в план будущего. В связи с этим можно предположить, что «рационализация», коснувшаяся толкований *ждать 1* в словарях последних десятилетий (ждать=знать, считать, рассчитывать), обусловлена как раз конкретной пространственно-временной локализацией события (*полчаса ждать автобуса/ автобус у метро*), а эмотивное *ждать 2* – не локализовано в пространстве-времени (*ждать от жизни благ*), в то время как ранее, если и выделялись два значения (Словарь Ушакова), то оба они получали толкование посредством эмотивной лексики. В смене «модального ключа» от эмотивного плана к знанию и уверенности особую роль могло сыграть историческое время и формируемый им новый тип личности, исключающий рефлексию, сомнение; ср. лозунг И.В. Мичурина: *Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача* (1934).

Если обсуждать Вин. в связи с проблематикой референциального статуса, то обнаруживается, что речь скорее идет не о конкретно-референтном приглагольном имени, а о конкретной пространственно-временной локализации, о соотнесенности ситуации, называемой глаголом *ждать*, с авторской позицией в плане реальности/ирреальности в рамках *Я*-жанров (писем, дневников).

Наблюдения над языковой рефлексией лексикографов в соединении с анализом текстовых данных позволяют сформулировать тенденции в выборе падежа при модально-эмоциональных глаголах посредством идеи взаимодействия именных и глагольных категорий. В случае *ждать* это сдвиг глагольной лексической семантики, проявляющийся в лексикализованной категории модальности-времени, корреспондирующей с тенденцией к выбору Вин. п. Синтаксемы Род./Вин. при «модально-эмоциональных» глаголах встраиваются в «поликатегориальные комплексы», или «кластеры», базирующиеся на согласовательном взаимодействии лексической семантики глагола и семантики падежа.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Большой толковый словарь / Под ред. Л.А. Кузнецова. СПб., 2000.

Борщев и др. – *Борщев В.Б., Падучева Е.В., Парти Б.Х., Тестелец Я.Г., Янович И.С.* Русский родительный падеж: референтность и семантические типы // Объектный генитив при отрицании в русском языке. М., 2008.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973. С. 325–372.

Filologia_5_14.indd 143 14.02.2015 23:36:54

Гладров В. Семантика и выражение определенности/неопределенности // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. М., 2004.
Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1957–1961.
Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. С. 389–578.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/
НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва; Вена, 2004.
Никитина Е.Н. О винительном падеже при «модально-эмоциональных» глаголах (*бояться*) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 60–70.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984.
Падучева Е.В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101–116.
Словарь Даля – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. воспроизвед. изд. 1903–1909 гг. М., 2000.
Словарь русского языка – Словарь русского языка / Под ред. Я.К. Грота, А.А. Шахматова и др. СПб., 1895. Т. 1; 1907. Т. 2; 1916. Т. 4.
Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1–4. Т. 3 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
Kagan O. Genitive Case: A modal account. Ms. Jerusalem, 2005.

Сведения об авторе: *Никитина Елена Николаевна*, канд. филол. наук, докторант Института русского языка РАН. E-mail: yelenon@mail.ru

Д.Л. Чавчанидзе

КОММЕНТАРИИ ПУШКИНА К ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЕГО ВРЕМЕНИ

В статье проанализирован ряд важнейших высказываний Пушкина о современных ему западноевропейских авторах, творчество которых поэт рассматривал в свете ознаменовавшего первую треть XIX в. *романтического* направления, оценивая новые тенденции лирики, драмы и романа с точки зрения их развития в перспективе русской литературы.

Ключевые слова: Пушкин, романтизм, лирика, драма, роман.

The article analyzes a number of Pushkin's most significant pronouncements about west European authors contemporary to him. The poet considered their work in the light of the Romantic movement characteristic of the first third of the XIX century. He was evaluating the new trends in lyrics, drama and novel in terms of their development with a view to the prospects for Russian literature.

Key words: Pushkin, romanticism, lyric, drama, romance.

Переломный этап в истории европейской философии и литературного творчества, обозначившийся за несколько лет до рождения Пушкина, почти полностью приходится на время его жизни, завершаясь в основном на исходе первой трети XIX в. Это был период расцвета и заката романтизма, смены его новым мировоззрением и иным художественным методом, насколько оспаривавшим, настолько и развивавшим достижения предыдущего. К началу творческого формирования поэта идеи романтической эстетики, утвердившиеся на Западе, стали актуальными и в России, где с интересом ко всему новому, что появлялось за рубежом, связывали размышления о будущем литературы отечественной.

Комплекс высказываний Пушкина о *романтическом* убеждает, что суть этого феномена была воспринята им серьезно и вдумчиво. По книге Жермены де Сталь «О Германии» он, как и многие в Европе[1], познакомился с эстетическими положениями романтиков иенской школы. Работая в Михайловском над «Борисом Годуновым», он просил прислать лекции А.В. Шлегеля «О драматическом искусстве и литературе», о которых мог слышать от Кюхельбекера, Вяземского,

[1] Исследователь отмечает в черновиках «Евгения Онегине»: «Он знал немецкую словесность / По книге госпожи де Сталь» // Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 6.

Filologia_5_14.indd 145 14.02.2015 23:36:54

Жуковского, а осенью 1825 г. сообщал А.А. Бестужеву: «Я написал трагедию и очень ею доволен; но страшно в свет выдать – робкий вкус наш не стерпит *истинного романтизма*» (курсив мой. – *Д. Ч.*)[2].

Прямых сведений о том, было ли известно Пушкину распространенное на Западе мнение об истоках романтизма в творчестве Шекспира, Кальдерона, Камоэнса, мы не находим. В беглых ассоциациях он был довольно свободен, например, мог обмолвиться о романтическом «клейме» в сказках Лафонтена или в «Орлеанской девственнице» Вольтера (6, 26)[3], однако обстоятельные выводы формулировал более осторожно, чем, например, тот же Бестужев, который без всяких оговорок называл предшественником романтизма «независимого чудака» Руссо[4]. От внимания поэта не ускользнуло, что в литературной практике первых десятилетий под знаком нового направления нередко продолжалась жизнь сентиментализма, отчего складывалось весьма туманное представление о романтическом у читателей. Эта незрелость литературного вкуса упоминается в «Евгении Онегине»:

Так он писал, *темно и вяло,*
Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут нимало
Не вижу я…

О том, как Пушкин следил, чтобы у него самого романтическое не оказалось адекватно сентиментальному, можно судить хотя бы по тому, что в первоначальном:

Она влюблялася в обманы
Шатобриана и Руссо[5], –

«Шатобриана» было исправлено на «Ричардсона». Появление в паре с Руссо одного из самых ярких романтиков существенно мешало отчетливой характеристике внутреннего мира Татьяны, которую к Шатобриану и подобным ему лишь позднее приведут тревожные вопросы, не затронутые сентименталистами.

Западноевропейскую романтическую лирику Пушкин оценивал неоднозначно, иногда даже противоречиво, и всегда достаточно строго. Более всего это касалось сочиненного на французском языке,

---

[2] *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 1962. С. 217. Далее цитаты из Пушкина приводятся по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы в круглых скобках.

[3] См. набросок ненаписанной статьи «О поэзии классической и романтической», 1825 г.

[4] *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1958. С. 585.

[5] Ю. Оксман в статье «Пушкин – литературный критик и публицист» справедливо заметил: «Ни один из русских писателей не включал так часто и охотно историко-литературную проблематику в свои произведения, как это делал Пушкин» (*Пушкин А.С.* Указ. соч. Т. 6. С. 465).

Filologia_5_14.indd 146 14.02.2015 23:36:54

не менее живом и ощутимом для него, чем русский; здесь он легко мог обнаружить следы устаревших традиций и оценить степень новизны. Гениальный мастер стихотворчества, влюбленный в свое дело, тщательно рассматривал *самый стих*, его структуру, звуки и краски. «Восточные стихотворения» Гюго Пушкин определил как «блестящие, хотя и натянутые» (6, 335), в «Осенних листьях» нашел подражание Сент-Беву и в итоге в 1830-е годы назвал Гюго поэтом второстепенным, хотя бесспорно романтическим. Сочинение Сент-Бева «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» вызвало его восхищение: «… необыкновенный талант, ярко отсвеченный странным выбором предметов. Никогда ни на каком языке голый сплин не изъяснялся с такой точностию; никогда заблуждения жалкой молодости, оставленной на произвол страсти, не были высказаны с такой разочарованностию» (6, 66–67). Однако это сопровождалось упреком за излишество нововведений «так называемой *романтической* школы французских писателей», напоминающее «гремушки и пеленки младенчества» (6, 72). Познакомившись со следующей книгой Сент-Бева («Утешения»), Пушкин с сожалением заключил, что автор, который «уже не отвергает утешений религии, но только тихо сомневается… признается иногда в порочных вожделениях», отчего и «слог его также перебесился» (6, 72–73), уподобляется Ламартину.

Ламартин более, чем кто-либо, подвергался пушкинской критике, а если получал похвалу, то весьма скупую, – вопреки утвердившейся за ним славе подлинного романтика. «Под романтизмом у нас разумеют Ламартина» (9, 217), – объяснял поэт в упомянутом письме Бестужеву свое опасение по поводу вероятного неодобрения «Годунова». Признав у Ламартина «какую-то новую гармонию» (9, 105)[6], он тем не менее мог комментировать выходившее из-под пера французского лирика, еще не прочитав: «… то-то чепуха должна быть!» (9, 156).

По наблюдению Б.В. Томашевского, западную литературу поэт «воспринимал в процессе развития его собственных сил»[7]. С завершением «Бориса Годунова» он впервые почувствовал собственную роль в русской литературе, ответственность за ее развитие, для которого исключал «тощее и вялое однообразие» Ламартина (6, 376)[8], – то, что отказывался считать романтизмом[9].

---

[6] По наблюдению Ю. Оксмана, в 1825 г. происходит некоторая перемена в отношении Пушкина к Ламартину.

[7] *Томашевский Б.В.* Указ. соч. С. 150.

[8] Тот же вывод предлагает Томашевский: Ламартин не определял для Пушкина той «большой дороги», по которой намеревался идти он сам.

[9] Ср. с приведенным выше: «… темно и вяло, / Что романтизмом мы зовем…». Между тем Гете, принимавший немногих из романтиков, настолько безоговорочно ценил Ламартина, что сравнением с ним выразил высокую похвалу Гюго. См.: *Эккерман И.П.* Разговоры с Гете. М., 1981. С. 192.

Filologia_5_14.indd 147 14.02.2015 23:36:54

В 1820-е годы Пушкин не раз выражал неудовлетворенность новейшей французской поэзией: «…век романтизма еще не настал для Франции» (9, 106). И только в 1830 г. встретил как подлинно романтическое сборник Мюссе «Испанские и итальянские сказки», одобрив в нем вызов всем традициям – и в содержании, и в форме: «О нравственности он и не думает, над нравоучением издевается… с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что уж и жалость» (6, 355).

Трех английских лириков-лейкистов Пушкин не воспринимал как единое целое; от Вордсворта и Колриджа он явно отделял Саути, у которого находил излишний религиозно-мистический акцент, и не советовал Жуковскому заниматься переводом его сочинений[10]. Не избежал его насмешки Мур, автор поэмы «Лалла-рук», за местный колорит, далекий от образца, представленного Байроном: «… европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранять вкус и взор европейца» (9, 148).

Было бы неверно думать, что увлечение поэта «байронизмом» (как известно, ослабевшим у него к середине 1820-х годов!) ограничивало его литературный кругозор. В одном из писем он с удовлетворением отмечал: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую (9, 41), – и хотя тут же упоминал об ожидавшемся переводе «Шильонского узника», явно имел в виду вовсе не Байрона. Сделать такой вывод позволяет набросок несколько более поздней его статьи (1828), где первый же абзац содержит прямой отклик на предисловие ко второму изданию «Лирических баллад»: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному… так ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собой мнения многих» (6, 291). При этом Пушкин счел нужным подчеркнуть превосходство лириков озерной школы перед французским поэтом и драматургом XVIII в. Ваде, поражавшим публику нетрадиционно-простонародной лексикой: «… его остроумные произведения дышат одной веселостию, выраженной площадным языком торговок и носильщиков. Произведения двух английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдима» (6, 291). Глубинная народность лейкистов была осмыслена русским поэтом как поворот, предстоящий и *его* литературе («В зрелой словесности приходит

[10] См. письмо Гнедичу (1822): «… попросите его от меня, чтобы он оставил его в покое, несмотря на просьбу одной прелестной дамы» (9, 42). И причиной было явно не то, что Саути не участвовал в сборнике озерных романтиков «Лирические баллады».

Filologia_5_14.indd 148 14.02.2015 23:36:54

время…»), – постижение и воспроизведение духовных начал своего народа.

В этом отношении очевидна близость Пушкина и к немецким романтикам второго этапа, гейдельбергского, – к их положениям о первостепенной важности народного пласта в мышлении художника. Похвалу Вордсворту и Колриджу предваряет несколько более ранний набросок «О народности в литературе»: «Климат, образ правления и вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» (6, 267–268). Он полностью созвучен и образному высказыванию В. Гримма о том, что поэзия каждого народа «всякий раз принимала цвет и облик неба, под которым она цвела»[11], – и более конкретному Й. Герреса: «Поэзия становится народной лишь тогда, когда уподобляет свой облик формам народа; если сама природа пожелала открыть свою пластическую силу в таких формах, то поэзии тем более нельзя робеть…»[12]. Однако совпадение Пушкина с гейдельбержцами в утверждении народной образности как поэтического языка надо считать типологическим: о еще одной романтической теории в Германии[13] он вряд ли мог иметь представление. Немецким романтизмом, и вообще романтизмом *как таковым*, для него оставался иенский, открытый ему Жерменой де Сталь. След этого проявился и в его лирике, содержащей, по словам А.В. Михайлова, «пожалуй, предельно мыслимое слияние народного, национального и *общечеловеческого*» (курсив мой. – *Д. Ч.*)[14], – воссоздание последнего как раз и подразумевала основная философско-эстетическая установка иенцев.

Нечто новое на фоне романтизма должен был предполагать Пушкин у Гейне, которого читал во французском переводе; об этом можно догадываться по единственной фразе в письме к поставлявшему ему «контрабанду» (сочинения Гейне входили в число запрещенных для ввоза в Россию): «Мне было бы весьма необходимо иметь книгу о Германии этого негодника Гейне» (10, 243). Под общим названием «О Германии» во Франции были изданы в 1835 г. одной книгой два труда немецкого писателя – «К истории религии и философии в Германии» (1834) и «Романтическая школа» (1833). Не зная о высказанном автором на первой же странице «Романтической школы» намерении по-своему рассмотреть то, о чем было написано мадам де Сталь, наверное, считая дерзостью уже одно только повторение

[11] Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 414.

[12] Там же. С. 280.

[13] Теории, утверждавшей *национальную* природу культуры, что стало особенно актуальным в Германии в пору наполеоновской оккупации.

[14] *Михайлов А.В.* О немецкой романтической поэзии // Поэзия немецких романтиков. М., 1985. С. 9.

Filologia_5_14.indd 149 14.02.2015 23:36:54

названия ее книги, Пушкин тем не менее мог ожидать, что все, связанное для него самого с авторитетнейшим именем[15], в нынешнем поколении подвергнется пересмотру. Неизбежность иного освещения понятий и творческих нормативов, которые еще не так давно были по-революционному новыми, подтверждали его собственные наблюдения над процессом, интенсивно протекавшим тогда в литературах Запада.

С середины второго десятилетия в центре внимания европейской эстетической мысли оказались драматический жанр и роман. Представленные в прошлом выдающимися талантами, воспитавшими устойчивый вкус публики, оба жанра требовали больших усилий для нетрадиционного воспроизведения человеческих проблем.

Написавший «Бориса Годунова» должен был пристально следить за стремлением к преобразованию драматического искусства во Франции – за идеями кружка «Глоб», группы Мериме-Стендаля. Он полностью разделял романтический культ Шекспира (к чему, насколько можно судить, скорее всего пришел самостоятельно) и решительно отвергал для современного драматурга следование классицизму, хотя не преминул отметить «Корнеля гений величавый». Впрочем, от нигилизма в отношении наследия прошлого были далеки и западные энтузиасты «романтической битвы», искавшие синтез художественных средств для драмы нового типа[16]. Стендаль выделял Расина на фоне его эпигонов как *романтика* наряду со *всеми* великими мастерами *всех* времен. Бальзак считал, что Расин и Шекспир «одинаково оригинально изображают человеческую жизнь, хотя Расин идеализирует ее, а Шекспир передает все ее оттенки», а в драмах Шиллера ценил «событие со всеми его аксессуарами: людьми, страстями, интересами»[17]. Пушкин, столь же безоговорочно признавая все замечательное в истории драматургии, «Расина и Шекспира, Кальдерона и Гете» (6, 362), понимал и необходимость отделить от него устаревшее. В 1830 г. отмечал ошибочность звучавшего еще время от времени заявления, «что *прекрасное* есть подражание изящной природе и что главное достоинство искусства есть *польза*» (6, 359–360), – по характеру классицистического.

На несовершенство новаторского в драматургии Пушкин реагировал не менее остро, чем в лирической поэзии. В первой драме Гюго «Кромвель» (не имевшей успеха у французской публики) он увидел «одно из самых нелепых произведений человека, впрочем,

---

[15] «M-me de Stael наша: не тронь ее…» (9, 205), – писал Пушкин в 1825 г. Вяземскому из Михайловского в связи с дошедшим до него критическим отзывом одного из современников о французской писательнице.

[16] О чем заходила речь и в век Просвещения – у Канта, у Лессинга.

[17] Бальзак об искусстве. М., 1941. С. 416.

Filologia_5_14.indd 150 14.02.2015 23:36:54

одаренного талантом» (6, 226). Его удручал образ Мильтона, поэта, который у другого поэта, по его мнению, должен был получиться намного более ярким, и «спотыкливый ход этой драмы, скучной и чудовищной» (6, 227). Главным же недостатком «Кромвеля» Пушкин счел отсутствие достойной замены единства действия: «нет никакого действия и еще менее занимательности», – и не одобрил попытки автора «сразу уничтожить все законы… царствовавшие из-за классических кулис» (6, 446)[18].

От подобного рода излишеств новизны предостерегал еще А.В. Шлегель, когда в своих «Лекциях» определял драму как «связное, замкнутое в себе целое»[19] и настаивал на непреложности *законов жанра*, которые новому следует сохранять при всем расхождении со старым: «Весьма далекий от того, чтобы считать закон совершенного единства в трагедии излишним, я требую более глубокого, более органического единства… Это единство я нахожу в трагических композициях Шекспира столь же совершенным, как у Эсхила или Софокла» (248). Тот же взгляд очевиден у Пушкина. Драму «Эрнани», где гораздо рельефнее сюжетная линия, передающая замысел и настроение романтика Гюго[20], он принял несколько более одобрительно, чем Кромвеля.

Согласие русского поэта вызывало не все, шедшее на смену классицизму. Правдоподобие, которого требовали для сцены и группа «Глоб», и историк Гизо в предисловии к изданию сочинений Шекспира, он считал ненужным и невозможным «в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями» (6, 360). Вспоминая о великих трагиках, он утверждал, что пренебрежение мелочно-внешним никогда не мешало воссозданию «истины страстей, правдоподобия чувствований в предполагаемых обстоятельствах…» (6, 361).

Достоинств драматурга Пушкин не находил у Байрона, который «распределил между своими героями отдельные черты собственного характера… из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных» (9, 180). Автору «Бориса Годунова» с его твердым намерением «быть беспристрастным, как судьба» (6, 365), не могла импонировать и субъективная окрашенность байроновских драм. Не видя аналогичного своей установке и у французских романтиков, Пушкин опасался их истолкования его произведения –

[18] Томашевский указывает на ряд примеров его осуждения романтиков «за слишком шумливую борьбу с «правилами» Буало» // Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. С. 110.

[19] Литературная теория немецкого романтизма. М., 1934. С. 222. Следующая цитата – по тому же изданию, страница указана в тексте.

[20] Как известно, успех ее постановки положил конец господству классицизма на французской сцене.

Filologia_5_14.indd 151 14.02.2015 23:36:54

чисто исторического[21] – как злободневно-тенденциозного: «Они будут искать в Борисе политических применений к варшавскому бунту…» (10, 11). В его поле зрения несомненно очертился тот канонически тенденциозный уклон, какой приобретала романтическая драматургия (как, впрочем, и весь романтизм!) вопреки принципиальному отказу от эстетического канона: подчиненность произведения субъективному авторскому восприятию объективных явлений.

Жанр романа, основу которого составляют, в отличие от драматического, не специально подобранные острые коллизии, а жизненно-типичные ситуации[22], также должен был получить обновление в свете изменившихся представлений о контактах между внутренним миром человека и его окружением. Совпадая с западными литераторами в оценке просветительского романа, сделавшегося «скучною проповедью или галереей соблазнительных картин» (6, 413), Пушкин, как известно, противопоставил ему «два-три романа, в которых отразился век» – современность, хотя и в этом жанре отрицал далеко не все, созданное прежде, – его Татьяна любила и Ричардсона, и Руссо. В наброске «Роман в письмах»[23] он с явным удовольствием зафиксировал на страницах Ричардсона реальность прошлого века: «Кажется, вдруг из своей гостиной выходим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим вокруг себя странные платья, однако ж знакомые нам лица и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» (5, 481). Однако с присущим ему обыкновением вкладывать в уста персонажей собственные эстетические соображения Пушкин вставил в эпистолярный диалог, отнесенный к 1829 г., выразительное замечание: «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек! Что общего между Ловласом и Адольфом?» (5, 478). Новый тип романа поэт понимал как показатель каждой новой действительности, которая формировала человека иного по сравнению с предшествовавшей.

Понятие об эволюции жанра в соответствии с новым миропониманием распространялось у поэта на исторический роман. Манеру Скотта передавать историю без классицистической «напыщенности и сентиментальной чопорности» (6, 331), он связывал с живым ощущением исторических перемен, ознаменовавших начало века, и считал самым важным у английского писателя «то, что мы видим» (6, 303), – взгляд на прошлое из настоящего. В самой же картине изображаемой конкретной эпохи Пушкин решительно не принимал под-

[21] По собственному признанию поэта, возникшего не без влияния романов В. Скотта.

[22] Разумеется, в его домодернистском варианте.

[23] Отметим эпистолярную форму этого произведения, характерную для сентиментализма.

Filologia_5_14.indd 152 14.02.2015 23:36:54

мену исторического прошлого «однообразной пестротою настоящего, ежедневного… тяжелым запасом домашних привычек» (6, 40–41), за что раскритиковал Виньи и Гюго. «Свидетели тридцатилетия, протекшего после величайших общественных поворотов»[24], как назвал французских писателей конца 20-х годов Гизо, в отличие от Скотта, сосредотачивались (не без влияния историзма того же Гизо!), не столько на самом историческом событии, сколько на его закономерности, и человеческую реакцию на значительное событие видели естественно идентичной *во все времена*. В итоге, чем талантливее был автор, тем заметнее выступал в его герое, помещенном в далекое прошлое, его современник – собрат по переживаниям, по характеру чувства, что и могло более всего раздражать Пушкина в жанре, требующем объективного изображения[25].

Но при этом, руководствуясь важным для него «немецким» понятием об идеальной природе искусства, не подлежащей нарушению при самом внимательном отношении художника к реальному миру[26], русский поэт не признавал сочинения *фактографически-правдивого*, так сказать, не выправленного творческой фантазией. В 1836 г. он назвал мастером нравоописательного романа Лесажа, который отражал правдивое в игре ситуациями и персонажами, противопоставив его не только Жюлю Жанену, автору физиологических очерков, но и «вычурному» (10, 116) Бальзаку (между прочим, к тому времени написавшему многое из лучшего для будущей «Человеческой комедии»). Подчеркнуто социальный смысл бальзаковских сюжетов в глазах Пушкина уподоблял их физиологическим очеркам, где перед изображаемым действительным отступает *изобразительность*, лишая произведение *художественного* начала. Не случайно более мягкой была его оценка «Красного и черного» Стендаля, у которого роль реалий не так значительна, как у Бальзака.

Убежденный в том, что высокий уровень творчества обеспечивает свобода от *любых* тенденций и идейных установок, Пушкин приветствовал в 1836 г. на страницах «Современника» русских авторов, которые, на его взгляд, сохраняли «независимость от вкусов и требований публики» (6, 138–139). Впервые выдвинувший такой принцип романтизм до конца оставался для него самым ярким показателем эстетического начала литературы, а потому необходимым этапом каждого национального ее варианта.

---

[24] Цит. по: История французской литературы: В 3 т. Т. 2. М., 1956. С. 111.

[25] Насколько можно судить, для Пушкина осталось незамеченным, что у французских авторов ведущая роль в том или ином историческом движении отводилась народной массе, а не выдающейся личности.

[26] См. об этом: *Чавчанидзе Д.Л.* Писатель и читатель: «немецкое» понятие Пушкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 2.

Filologia_5_14.indd 153 14.02.2015 23:36:54

Весь ход и вся специфика европейского литературного процесса, протекавшего при жизни поэта, получили в его комментариях отображение достоверное и аналитическое.

Список литературы

Бальзак об искусстве. М., 1941.

Бестужев-Марлинский А.А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1958.

История французской литературы. Т. 2. М., 1956.

Михайлов А.В. О немецкой романтической поэзии // Поэзия немецких романтиков. М., 1985.

Оксман Ю. Пушкин – литературный критик и публицист // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962.

Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962.

Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960.

Чавчанидзе Д.Л. Писатель и читатель: «немецкое» понятие Пушкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 2.

Эккерман И.П. Разговоры с Гете. М., 1981.

Эстетика немецких романтиков. М., 1987.

Сведения об авторе: *Чавчанидзе Джульетта Леоновна*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: juchav@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е.Г. Соколова

МЕТОД ДИСКУРСИВНЫХ КОНТЕКСТОВ НА ФОНЕ ДРУГИХ МЕТОДОВ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА (ГЛАГОЛЫ *УГОДИТЬ, ЗАКЛЮЧИТЬ, ЗАСУНУТЬ*)

В статье рассматривается метод дискурсивных контекстов, предложенный Е.Г. Соколовой и И.С. Кононенко для интерпретации семантики конкретных глаголов русского языка как семантических единств. Он сравнивается с двумя другими методами описания семантики глагола – методом динамического словаря Е.В. Падучевой и методом построения фреймов для глагольных синсетов в ресурсе FrameNet. Обсуждаются особенности метода дискурсивных контекстов, рассматриваются семантические модели в терминах метода дискурсивных контекстов для глаголов *угодить, заключить* и *засунуть*.

Ключевые слова: лексическая семантика, глагол, метод динамического словаря, метод дискурсивных контекстов, концепт ситуации, инвариант.

In this paper the method of discursive contexts proposed by E.G. Sokolova and I.S. Kononenko for interpreting the semantics of some Russian verbs as semantic unities is considered. It is compared with two other methods of describing semantics of verbs – the method of dynamic dictionary proposed by E.V. Paducheva and the method of constructing frames for verb synsets in the lexical-semantic base FrameNet. The peculiarities of the method of discursive contexts are considered and illustrated with examples of descriptions for three Russian verbs: *угодить, заключить* and *засунуть*.

Key words: lexical semantics, verb semantics, the method of dynamic dictionary, the method of discursive contexts, the concept of situation, invariant.

1. Введение

Вопросы, обсуждаемые в данной статье[1], связаны с фундаментальной проблемой, до сих пор не решенной языкознанием и компьютерной лингвистикой (КЛ), – проблемой описания многозначного глагола как единой семантической единицы. Е.В. Падучева в своей книге «Динамические модели в семантике лексики» пишет: «В традиционных толковых словарях слова описываются независимо друг от друга – как если бы они совершенно случайно оказа-

[1] Автор благодарен А.Я. Шайкевичу, прочитавшему статью в рукописи, за конструктивные замечания.

Filologia_5_14.indd 155 14.02.2015 23:36:55

лись имеющими общую звуковую оболочку … Но для говорящих слово – несомненная реальность, и этот факт нельзя игнорировать» [Падучева, 2004: 14]. В статье сравниваются три метода описания лексической семантики глаголов: метод динамического словаря, метод лексико-семантической базы FrameNet – толкования значений английских глагольных синсетов и установления онтологических иерархических отношений между ними[2] и метод Дискурсивных Контекстов (метод ДК). Метод ДК предложен нами в статье [Соколова, Кононенко, 2012]. Он состоит в сопоставлении глаголу абстрактной (имманентной) структуры, состоящей из идеи и связанных с ней абстрактных сущностей, ассоциируемых с участниками процессов, выражаемыми глаголом в разных значениях (дискурсивных контекстах). Возможно, что метод ДК принадлежит к тому направлению исследований, в рамках которого представлен и метод А. Кюльоли[3], но в данной статье различные методы внутри одного направления не рассматриваются. Укажем только на принципиальную особенность метода ДК на конкретном примере. В статье [Добрушина, 2000] для глагола *бить* (*бить* о часах, *бить* палкой и т. п.) в качестве «семантического сценария» – аналога нашей имманентной структуры – предлагается следующее определение семантики глагола *бить*: «дискретное действие, являющееся проявлением некоторой силы и оформленное в пространственно-временной форме». Составляющие этого определения не объектны и не могут непосредственно ассоциироваться с участниками процессов, обозначаемых данным глаголом. Действительно, *сила* не представляет объекта-участника, а является лишь его параметром, *пространственно-временная форма* – это семантический параметр проявления процесса, а не его участник. Таким образом, данное определение, по сути, является объяснением, своего рода интерпретацией, но не моделью.

Целью данной статьи является уточнение места метода ДК среди других, дополнительных по отношению к нему, направлений описания семантики глагола.

Методы динамического словаря и FrameNet апробированы на большом материале – сотнях глаголов: первый – на материале русского, второй – английского языков; метод ДК пока только намечен по опыту рассмотрения двух русских глаголов *различить*(*ать*) и *отличить*(*ать*) [Соколова, Кононенко, 2012; 2013], а также [Соколова, 2014]. Он является оригинальной разработкой и не опирается на какие-либо конкретные исследования других авторов когнитивного или психолингвистического направления. В данной статье для

[2] Перспективные построения, связанные с этой базой, в частности грамматика конструкций, не затрагиваются.

[3] На это обстоятельство, а также на указанную ниже статью Е.Р. Добрушиной обратила мое внимание И.М. Кобозева.

Filologia_5_14.indd 156 14.02.2015 23:36:55

иллюстрации метода ДК рассматривается еще три глагола только совершенного вида и без подробного сопоставления дискурсивных контекстов с элементами имманентной структуры: *засунуть, угодить* и *заключить*. Примеры употребления взяты из Национального корпуса русского языка и из четырехтомного академического Словаря русского языка под ред. А.П. Евгеньевой [Словарь…], далее – МАС.

В статье формулируются особенности метода динамического словаря, затем особенности метода FrameNet в сопоставлении с методом динамического словаря. Затем дается краткое описание метода ДК и в качестве иллюстрации описывается семантика глаголов *засунуть, угодить* и *заключить* как единых лексико-семантических единиц. В Заключении приводятся выводы проведенного исследования.

2. Метод динамического словаря

Рассмотрим общие теоретические положения метода динамического словаря, сформулированные в [Падучева, 2004]. Автор видит возможность объединения значений конкретного глагола в создании «динамического словаря», в котором значения слова связаны с помощью «семантических дериваций», понимаемых автором как прием описания, как переход из «более исходного значения в производное от него» [Падучева, 2004: 14]. Приведем для иллюстрации примеры семантических дериваций из [Падучева, 2004: 197, 211], а именно «*ся*-дериваты», демонстрирующие, в частности, деривацию декаузативации, т. е. переход от каузативного значения глагола к декаузативному, например, *выявить –> выявиться;* «пассивно-потенциальная диатеза с родовым наблюдателем» с примером: *Буквы Н и П различаются плохо.* «Динамический словарь дает не перечень, а систему – парадигму – значений …Динамический подход к значению – это путь к сохранению единства слова без ущерба для точности лексикографического описания отдельного значения. Установка делается не на инвариант, а на исходное значение …» Само понятие «исходное значение» определяется для каждой конкретной деривации, а предполагаемая «иерархическая система», «дерево деривационных связей» с «общим корнем» пока не построены, поскольку «…поиски инварианта возможны только тогда, когда все разные значения уже описаны» [Падучева, 2004: 15][4]. Метод динамического словаря развивается в рамках традиционного языкознания и ставит целью формализовать те отношения между значениями глаголов, которые поддаются формализации в терминах языковых категорий, семантических классов и семантических переходов. Например, для глаголов *различить* и

[4] Я прибегаю к столь широкому цитированию книги Е.В. Падучевой, уже нашедшей слова для выражения особенностей своего метода, поскольку пересказ был бы длинным и менее понятным. Далее также цитируются некоторые замечания автора по конкретным русским глаголам.

Filologia_5_14.indd 157 14.02.2015 23:36:55

различать в [Падучева, 2004: 197, 207, 214–216, 370] содержится следующая информация:

– *различить* относится к глаголам, «описывающим идентификацию – которая требует участия органов чувств» (с. 197), обозначает «действие с акцентом на результате» (с. 207)[5], с фиксированным способом действия: «‘различить X’ – ‘увидеть X, отделив его от фона’». ‘Различить (очертания)’ – значение с различительным признаком «затрудненное восприятие»;

– *различать* – «НСВ перфектного состояния», с «неустойчивым зрительным типом восприятия». У глагола *различать* есть участник Фон, который «позволяет выявить семантическую общность глаголов *оттенять, выделять*(*ся*), *..., различать, сливаться*». «Ср. две диатезы у *различать*: а) *различаю* X и Y; *различаю* X (на фоне Y-*а*)». Глагол *различать* имеет «Тип I регулярной многозначности: ‘речь’ – ‘мнение’» так же, как глаголы *осуждать* и *обвинять*.

Е.В. Падучева рассматривает явления, в которых искомая семантическая деривация обнаруживается, и не рассматривает случаи, для которых таких исходных значений и дериваций подобрать не удается: «Разумеется, не всякая многозначность регулярна; скажем, едва ли есть общий переход, связывающий два значения слова *засунуть*: ‘с трудом’ и ‘неизвестно куда’ (хотя связь между ‘неизвестно’ и ‘плохо’, конечно, есть); неясно, есть ли общее правило, связывающее *угодить* = ‘сделать приятное’ и *угодить* = ‘попасть в плохое положение/место’; или *заключить* в значении ‘лишить свободы’ и в значении ‘сделать вывод’. Такие соотношения остаются за пределами нашего рассмотрения» [Падучева, 2004: 16]. Таким образом, в семантике глаголов остается область, которая не описывается регулярными семантическими деривациями в смысле динамического словаря.

3. Сравнение методов динамического словаря и ресурса FrameNet

Сравним подход, ориентированный на использование традиционных синтаксических и семантических категорий глагола, представленный в методе динамического словаря, и компьютерно лингвистически ориентированный метод описания семантики глагола в лексико-семантической базе FrameNet. Они имеют сходства и различия. Сравним эти методы по основным параметрам.

А. «Концепт ситуации». Методы динамического словаря и ресурса FrameNet имеют общее понятие «концепт ситуации», но трактуют его по-разному. Е.В. Падучева определяет его следующим образом: «Слову в словаре обычно соответствует несколько лексем[6]. Глаголь-

[5] «… так как глагол *различать* не имеет значения деятельности с результатом ‘различить’» [Падучева, 2014: 207].

[6] Лексема понимается как слово, взятое в одном из его значений. – *Е.С.*

Filologia_5_14.indd 158 14.02.2015 23:36:55

ные лексемы будучи употреблены в высказывании, описывают некую ситуацию. Тем самым лексема <…> конституирует определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать «концепт ситуации», и этот концепт включает определенный набор участников» [Падучева, 2004: 52]. При этом Е.В. Падучева не описывает концепты ситуаций для конкретных глаголов. Концепт ситуации остается имплицитным, фоном, из которого автор извлекает его свойства, а также аргументы, необходимые для обсуждения семантики глагола по мере надобности. В ресурсе FrameNet концепты ситуаций представлены эксплицитно в виде толкований – фреймов, которые представляют собой естественно-языковые описания ситуаций действительности с фиксацией участников, получающих статус фреймовых элементов (FE).

Б. Концепт ситуации и контекст употребления глагола. В обоих случаях значения непосредственно ассоциируются с контекстами употребления глагола, которые обобщаются в виде «концептов ситуаций» как образы процессов. Не предполагается какого-либо абстрактного семантического образования «над» образами процессов.

В. Методический «вербиархат»[7]. Глагол в рамках обоих методов рассматривается как организующая высказывание единица как в синтаксическом, так и в семантическом плане. Эта традиция идет от изображения синтаксической структуры в виде дерева, в частности от Л. Теньера. Кроме того, именно глаголу принадлежат грамматические формы времени и наклонения, привязывающие высказывание к действительности, и именно с ним ассоциируются способы грамматического оформления основных участников обозначаемого процесса. «Вербиархат» характерен для направлений, в которых данным материалом исследования или обработки является текст. Это исследовательская парадигма в традиционном языкознании и направление анализа текста в КЛ. Обратное последнему – генерация текстов на естественном языке, самое теоретически емкое направление в КЛ. Для генерации текста, как и для «говорения», первична объектная ситуация и цели говорящего по отношению к появлению глагола в предложении, т. е. глагол является функцией от объектной ситуации и целей говорящего. В этом ракурсе мы и рассматриваем глагол в методе ДК.

Г. Полнота. В [Падучева, 2004] не дается полной картины лексической многозначности русского глагола. Книга содержит богатейший материал по семантической классификации глаголов и по грамматическим свойствам русских глаголов, демонстрирующих динамические сдвиги в системе их значений, и является теоретической основой и материальной базой для достижения этой цели. Но теоретический

[7] Термин не имеет отношения к дискуссии о вербоцентризме или номиноцентризме предложения в русистике.

Filologia_5_14.indd 159 14.02.2015 23:36:55

подход также позволяет не рассматривать случаи, которые не укладываются в создающуюся систему переходов. В отличие от этого ресурс FrameNet по цели создания – формализованное описание фреймов (значений) всех английских глаголов. Обязательным свойством FrameNet как компьютерно-лингвистического ресурса является полнота. Задача этого ресурса – дать полный инвентарь значений английских глаголов – находится в процессе выполнения. Система понятий данного подхода и метаязык принципиально открыты до получения исчерпывающего описания всех глагольных значений.

Д. Вопрос семантического единства глагола. Метод динамического словаря преследует цель описания семантики конкретных глаголов как семантических единств в системе языка, представляя ее в виде сети переходов между значениями глагола. Ресурс FrameNet фактически оперирует «синсетами» аналогично базе WordNet, т. е. синонимичными или квазисинонимичными употреблениями разных глаголов при обозначении близких ситуаций. В результате вопрос о семантической целостности глагола не ставится, наоборот, глагол «растаскивается» на значения, которые соединяются в синсеты со значениями других глаголов. Теоретические обобщения в этом ресурсе состоят в установлении онтологических отношений между фреймами, таких как Inherits from – Is Inherited by, Perspective on – Is Perspectivized in, Uses – Is Used by, Subframe of и др. Онтология фреймов находится в процессе создания. Продолжая иллюстративную линию глаголов, связанных с «различением», можно указать, например, что фрейм “Differentiation” для глагола *to differentiate* и некоторых других «использует» (Uses) фрейм “Mental activity”. Вместе с тем фрейм “Distinctiveness” не имеет онтологических отношений с фреймом “Differentiation”. Он находится на третьем уровне другого отдела онтологии: Distinctiveness ← Similarity ← (Reciprocality, Gradable attributes). Два последних фрейма являются вершинами своих подструктур, пересекающихся в «узле» Similarity.

Таким образом, метод динамического словаря «открыт» в грамматику языка, предлагая обобщения в виде семантических классов и семантических переходов, а метод ресурса FrameNet «открыт» в типологию ситуаций действительности, обозначаемых глаголами английского языка, рекомендуя онтологическую иерархию «концептов ситуаций», представленных в виде фреймов. Метод ДК – еще один ракурс в картине описания семантики глаголов.

4. Метод дискурсивных контекстов

Название метода связано с тем, что термином «дискурсивный контекст» можно назвать разнотипные составляющие, участвующие в обозначении некоторой ситуации действительности конкретным глаголом. С одной стороны, это цель и намерения говорящего, идея

Filologia_5_14.indd 160 14.02.2015 23:36:55

процесса и объединенная этой идеей ассоциированная с глаголом конфигурация абстрактных сущностей, сложившаяся в результате психолингвистического опыта языковой коммуникации, с другой стороны – объекты и обстоятельства обозначаемой данным глаголом ситуации действительности.

В основе метода ДК лежат следующие положения:

1) глагол – опорная единица высказывания в синтаксисе не является таковой в семантике. Глагол – это ассоциации идеи будущего процесса и связанных с ней типов сущностей с актуальными участниками обозначаемого процесса;

2) глагол как единая семантическая единица должен описываться в более абстрактных терминах, чем это принято при традиционном описании значений. Такие термины и понятия введены нами в описаниях семантики двух русских глаголов в [Соколова, Кононенко, 2012; 2013]: «имманентная структура» (ИС) и «сущностная структура» (СС). ИС обслуживает обозначение ситуаций действительности глаголом. Очень редко при случайном удовлетворении дискурсивного контекста конфигурациям СС двух глаголов, некоторая ситуация может быть обозначена двумя разными глаголами. В [Соколова, Кононенко, 2012; 2013] это глаголы *различить* (*-ать*) и *отличить* (*-ать*). В СС свойства участвующих сущностей уточняются таким образом, что они могут быть ассоциированы с участниками конкретных процессов и ситуаций действительности. СС представляет семантику одного глагола как целостную семантическую конфигурацию. При ассоциации элементов СС с участниками обозначаемой ситуации действительности возникают конкретные значения глагола, которые закрепляются в лексической области системы языка в виде слепков – образов дискурсивных контекстов. Элементы СС, в частности, предложенные для обсуждения значений глаголов *отличить* (*-ать*) и *различить* (*-ать*), не представляют какого-либо заранее заданного метаязыка. В этом метод ДК близок методу FrameNet. Расширение множества и уточнение содержания этих элементов будет происходить по мере применения метода ДК к описанию семантики новых глаголов. Для продвижения в этом направлении в следующем подразделе я обсуждаю глаголы *засунуть, угодить* и *заключить*, упомянутые выше, как примеры глаголов, не описываемых методом динамического словаря.

Предварительно отметим важное отличие метода ДК от метода динамического словаря. Метод динамического словаря опирается на семантическую однородность участников обозначаемых процессов, действующих в толкованиях глагола в разных его значениях; см., в частности, указание на «связь между ‘неизвестно’ и ‘плохо’» в цитате из [Падучева, 2004] в связи с глаголом *засунуть* в конце раздела 2. В отличие от этого метод ДК находит единство семантики глагола

Filologia_5_14.indd 161 14.02.2015 23:36:55

«выше» уровня традиционных значений, в повторяющейся абстрактной конфигурации понятий, представленной в виде абстрактной структуры СС на базе ИС, поэтому метод ДК может объединять качественно различные процессы, например действие и отношение, и быть обращен на описание случаев «нерегулярной» многозначности. В отличие от методов динамического словаря и ресурса FrameNet метод ДК «открыт» в когнитивную область, в сознание говорящего и должен представлять те абстрактные сущности и их взаимосвязь, которые участвуют в процессах лексического выбора говорящим и понимания слушающим.

5. Разбор трех примеров Е.В. Падучевой методом ДК

В этом разделе с существенными ограничениями описаны СС для глаголов *угодить, засунуть* и *заключить*. Ограничения связаны с небольшим объемом статьи и состоят в том, что описаны только формы совершенного вида, а также не проведено последовательной ассоциации элементов СС с участниками процессов на достаточно большом корпусном материале. Таким образом, результаты исследования, описанные в данном разделе, представляют собой эскиз.

Рассмотрим, используя метод ДК, три глагола из раздела 2, значения которых не поддаются объединению методом динамического словаря. Еще раз подчеркнем, что абстрактная структура СС непосредственно обращается к свойствам действительности, не опираясь на языковую семантику, выраженную в терминах семантических классов, категорий динамического словаря или какого-либо семантического метаязыка. Используются формулировки значений [Падучева, 2004] и формулировки из Малого академического словаря (МАС) [Словарь…].

УГОДИТЬ. *Угодить* = ‘сделать приятное’ vs. *угодить* = ‘попасть в плохое положение / место’ [Падучева, 2004]. СС для глагола *угодить* включает две сущности: активную, обладающую энергией, совершающую работу, сущность О (Object), и пассивную сущность Т (Target). Идея процесса состоит в частичном «вторжении» О в Т. В конфигурации также участвует необъектная сущность Ch (Chance) – случай, проявлением которой является эмоциональный всплеск. Она «контролирует» момент вторжения О в Т, сообщая результату характер случайности, непредсказуемости. Результат вызывает изменение эмоционального состояния одушевленного участника обозначаемой ситуации. «Вторжение» О в Т может ассоциироваться с физическим взаимодействием – столкновение, удар, если Т – физический (неодушевленный) объект, или с изменением состояния сущности Т в ее взаимодействии с людьми, если Т – одушевленный объект. Игра значений у этого глагола связана с характером энергии, которой об-

Filologia_5_14.indd 162 14.02.2015 23:36:55

ладает сущность О, а также со свойствами сущностей О и Т. Значения этого глагола строятся по двум основным моделям.

Модель 1. *Угодить* = ‘сделать приятное’ [Падучева, 2004] и Знач. 1 «удовлетворить кого-л., сделав что-л. приятное, нужное, желаемое» (МАС).

Энергия ассоциируется с целенаправленной деятельностью одушевленного объекта О, что выражается в контекстном упоминании его деятельности, например, в форме имени в творительном падеже*: Коллегия ведь не изучает факты, свидетельствующие о том, что судья* (*О*) *своими решениями* (*деятельность О*) *не угодил кому-то* (*Т*) (Тамара Морщакова. На пути к правосудию // Отечественные записки. 2003), в том числе и местоимениями: *чем-либо, как, всем* и т. д.; или вводом глагола в инфинитиве целевым союзом или модальным словом: *чтобы угодить, надо / стремлюсь, хочу и др. угодить*. Т – также одушевленный объект. Эмоциональная реакция Т – удовлетворение, да и О тоже удовлетворяется, поскольку он к этому результату стремился. Заметим, однако, что деятельность «угождать» объекта О объекту Т необязательно приводит к результату «угодил» в соответствии с влиянием случая Ch.

В примерах типа *Она* (*О*) *боялась не угодить ему обвислым животом* (*деятельность О*); *Чем* (*деятельность О*) *им* (*Т*) *не угодила эта книжка*(*О*)*?* не противоречат данной модели. В первом случае ИГ в творительном падеже подразумевает некоторую деятельность объекта О аналогично *судья своими решениями*; *они своей женитьбой* и т. д., поэтому предмет *обвислый живот* символизирует также некоторую деятельность, для успеха которой свойство «дряблости» является препятствием. Во втором случае *книжка* объявляется объектом, создавшим какие-то помехи для «их» деятельности, т. е. олицетворяется, представляется как субъект некой «вредоносной для них» деятельности. В данном случае «*не угодить*» = «*помешать*».

Модель 2. *Угодить* = ‘попасть в НЕКОТОРОЕ положение / место’[8].

По этой модели строятся остальные три значения, выделенные в МАС. Энергия – деятельность или движение, объекта О направлены (необязательно в Т), но их конечный результат – собственно «вторжение» О в Т, которое однозначно непредсказуемо, поскольку зависит от случая Ch. Разделение на значения определяется свойствами О и его энергии.

Знач. 2: «при движении, падении попасть куда-л., очутиться где-л. обычно в неожиданном или нежелательном, опасном месте». Знач. 2 (МАС) или «*угодить* = ‘попасть в плохое положение / место’ [Падучева, 2004].

[8] Формулировка из [Падучева, 2004], в которой ПЛОХОЕ заменено на НЕКОТОРОЕ.

Filologia_5_14.indd 163 14.02.2015 23:36:55

Знач. 4 с пометой «прост.» в МАС: «прийти, приехать куда-л. вовремя, в нужный момент».

В этих двух значениях О – одушевленный объект, он является «игрушкой» случая Ch и в результате своей деятельности / движения оказывается в некотором социальном положении или физическом месте. При этом О как одушевленный объект испытывает эмоции. Если он попадает в неизвестную, неожиданную ситуацию, то интерпретируется как жертва случая и испытывает отрицательные эмоции. Возникает Знач. 2. Именно здесь, по-видимому, «работает» замечание Е.В. Падучевой о связи между ‘неизвестно’ и ‘плохо’, цитированное мной в начале этого раздела, например: «*Пришлось ей сказать о своей нелепой и несуразной семейной жизни, о том, как угодил в мышеловку*(*Т*)*»* (Леонид Зорин. Юдифь (2008) // Знамя. 2009).

Если О попадает в известную, в глубине души чаемую, но маловероятную ситуацию, то происходит «выброс» положительных эмоций, например: «*Они с отцом*(*О*) *угодили сразу на Феерию*(*Т*)*, и отец никак не мог наговориться с друзьями»* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)) или «*Обведя нас искрящимся, каким-то детски не замутнённым взором, начал рассказывать, как хорошо погулял, угодил в церковь*(*Т*) *к концу службы, пение слышал, батюшка узнал его, причастил, и они с ним долго и хорошо говорили»* (Виктор Астафьев. Затеси (1999) // Новый мир. 2000). Возникает Знач. 4, помеченное как просторечное.

Знач. 3 с пометой «разг.»: «попасть в кого-, во что-л. при стрельбе, ударе» (МАС). В этом значении присутствует ситуативный, т. е. не представленный в СС, действующий субъект, сообщающий объекту О энергию движения, назовем его S. В этом случае О концептуализируется как «снаряд» и нацелен в некоторую ситуационную цель ТХ. Но точное попадание – результат вмешательства случая Ch так же, как и промах. В результате действия сообщенной объекту О энергии он попадает либо в ТХ, куда S и метил, либо попадает в объект Т. В первом случае ТХ=Т, и результат вызывает положительную реакцию S. Во втором случае – попадание в Т, это неудача S. Иногда S сливается с О, например: «*С воем метнулся так и не разогнувшийся Прасковьин*(*S=O*)*, метя головой в живот Прищепину, угодил под встречное колено*(*Т*) *и упал рядом с Яковлевым.* [Михаил Елизаров. Госпиталь (2009)]». S обычно не выражается, если О – значительный объект, например: *бомба угодила в жилой дом*[9], т. е. О действует как

[9] Значительный объект – более устойчивый и управляемый, поэтому в этом случае выражение S при «угодить, если не собирался туда попадать» дополнительно передает некоторую неадекватность стрелка, что и выражается в подлежащем: «*Этот идиот угодил бомбой в жилой дом»,* при нейтральном: «*Вася угодил мячом в окно учительницы*».

Filologia_5_14.indd 164 14.02.2015 23:36:55

бы сам по себе. «Снаряд» в примерах с незначительным O обычно ассоциативно связан с S как «часть тела – существо», «снаряд – стрелок», «инструмент – работник» и др. Ситуативность S выражается также в том, что S редко грамматически непосредственно связан с O через глагол *угодить,* который обычно отделен сочинительной конструкцией или вынесен в следующее предложение, например: « *Ильич взял ее на мушку и стрельнул. Угодил туда, куда целился* (*TX=T*). *Девочка, однако, оказалась ребенком тех самых дачников* (Игорь Мартынов. Дерибрюхово (1997) // Столица. 1997. 3 апр).

ЗАКЛЮЧИТЬ: *заключить* = ‘лишить свободы’ vs. *заключить* = ‘сделать вывод’ [Падучева, 2004]. Для глагола *заключить* СС включает идею – волевое ограничение проявления сущности O в среде Env источником воли S с помощью средства M, непроницаемого для проявления O. Проявление сущности O, понимаемое широко (как жизнедеятельность, свобода), а не узко (как некая конкретно направленная активность), связано с информационной сферой, с «устроением», налаживанием какого-то аспекта жизни. Сущность O своим проявлением вызывает у S потребность в его ограничении. Env – естественная среда проявления для O. В тексте M выражается всегда, Env – никогда.

Модель 1. ‘лишить свободы’ [Падучева, 2004], а также «лишить свободы, помещая под стражу, под надзор и т. п.» – Знач. 1 (МАС) и «во что. Поместить внутрь чего-л. Заключить в скобки» Знач. 2 (МАС).

Средство M, примененное S, физически, пространственно ограничивает проявление (свободу) в Env объекта O. Выражение S, да и вообще использование этой модели вне устойчивых оборотов речи типа *заключить в скобки* более естественно для языка XIX в., а в современном языке встречается редко. В случае, если O – лицо или животное, возникает Знач. 1 –‘лишить свободы’. M выражается предложной группой: *под стражу, в тюрьму, в клетку*, например, *Могу ли снесть мысли, что ты*(*S*) *заключила себя*(*O*), *так сказать, живую в гробе*(*M*)*?* (П.И. Шаликов. Темная роща, или Памятник нежности (1819)). Если O (неодушевленная) физическая сущность возникает Знач. 2 – ‘поместить в’. Заметим, что в этом случае M обычно онтологически связано с O как естественный, подобающий объекту O, физический контейнер, например *заключить родник – в сруб, символ – в скобки* и т. д. Ослабление Модели 1 в русском языке сопровождалось усилением Модели 2, связанной с информационной природой проявления O. При этом непроницаемость M для O связывается не с пространством, а со временем – O остается в прошлом, дезактуализируется при появлении M.

Модель 2. Представляет собственно информационные процессы, описанные в МАС. Знач. 3: «чем. Закончить, завершить», Знач. 4:

Filologia_5_14.indd 165 14.02.2015 23:36:55

«с союзом “что”. Сделать вывод, построить умозаключение» и Знач. 5: «в установленной форме, официально условиться о чем-л., вступить в соглашение». Различия между этими значениями связаны со свойствами О и М.

Сущность О представлена некоторой социальной, речевой деятельностью, речевым произведением говорящего человека или нескольких коммуницирующих субъектов – *речь, беседа, ссора, заседание, летопись* и др., к которому S имеет непосредственное отношение, в частности, сам создает (произносит, пишет) О. S сам порождает и М, которое в этом случае также является социально-речевым речевым произведением / действием – *опровержением, словами, выступлением Х, призывом, пожеланием, поцелуем,* например, *Сей повестью плачевной*(*М*) *заключу Я*(*S*) *летопись мою*(*О*) (Пушкин. Борис Годунов). (Знач. 3). Если М не просто называет форму, а передает содержание речевого произведения, т. е. является утверждением, а О – констатацией некоторой ситуации, состояния, возникает причинно-следственное отношение между О и М, представленное в Знач. 4, например: *В нашей палатке стало темно, из чего*(*О*) *я*(*S*) *заключил, что там все уже спали*(*М*) (Арсеньев. В горах Сихоте-Алиня). Непроницаемость М в этом случае выражена именно разным логическим статусом связываемых сущностей – констатация факта, ситуации – причина, утверждение – вывод. При этом М (вывод) переходит в «рамку» глагола и становится основным сентенциальным дополнением процесса, а О выражается локативным дополнением с предлогом *по* или *из* (*по результатам, из его слов, из … намеков* и др.), или, реже, актантом модального предиката, управляющего глаголом *заключить* (*этого* ***достаточно****, чтобы заключить, что…; переговоры, которые он … вел из машины…,* ***позволили*** *заключить, что…*) или анафорой – *из этого, отсюда*. Сказуемое в подавляющем большинстве рассмотренных предложений – безличный модальный предикат (*можно, нельзя, до́лжно, легко,* (*этого*) *достаточно чтобы*, и др.). Смысл *заключить* глагола в этом значении – причинно-следственное отношение, поэтому S не выражается или выражается чисто формально, например: «*из сего я мог заключить, что…*» (Домбровский) или «*Почему вы могли заключить…*» (Тургенев); «*Вы можете из этого заключить, что театр был совсем дурен*» (Герцен).

Следующий пример из МАС – промежуточный между Знач. 3 и Знач. 4: *Я*(*S*) *заключил речь*(*О*) *тем, что сказал: – Тебе не в чем винить себя*(*М*). (Горький, Коновалов), где О является речевым произведением как в Знач. 3, а М – по сути утверждение, вывод, присоединенный через предметное *тем*.

В отличие от Знач. 4 в Знач. 5 S выражается двумя или более сущностями, своей волей ограничивающими взаимную деятельность

Filologia_5_14.indd 166 14.02.2015 23:36:55

нерушимым средством M – *договор, пари, контракт* и др., которое реализуется как прямое дополнение. S выражается множественным членом: подлежащим во множественном числе, например, *стороны*, сочиненной группой «X *и* Y», комитативной группой – «X *с* Y» или предложным дополнением «*между* X *и* Y». O как ограничиваемая деятельность понятно из предыдущего текста или выражается в виде предложной группы, например, *договор о неразглашении*. Значения 4 и 5 наиболее употребительны (примерно в 20 раз чаще, чем другие значения) в рассмотренных примерах.

ЗАСУНУТЬ. «*Засунуть* ‘с трудом’» vs. «*засунуть* ‘неизвестно куда’» [Падучева, 2004].

СС для данного глагола включает действующую сущность S и объект O, который в результате оказывается или должен оказаться в некотором вместилище L. Идея – «отчуждение во вместилище». Действие объекта S в обозначаемой ситуации действительности обычно происходит торопливо, поэтому небрежно[10].

При контаминации описанной СС с формой семантического процесса, т. е. при обозначении ситуации действительности глаголом, образуется либо Знач. 1: «вдвинуть, сунуть внутрь чего-л., подо что-л.» (МАС) – образ физического действия отчуждения объекта O действующим объектом S в L, также «*засунуть* ‘с трудом’» [Падучева, 2004], либо Знач. 2 (разг.): «Положить, убрать, спрятать так, что трудно найти» (МАС). В Знач. 1 сущности S, O и L обычно связаны прямо или косвенно онтологическими ассоциативными отношениями: человек – часть тела (*засунуть куда-л. ногу, руку, голову*), профессия – инструмент и др. (*саблю* (*в ножны*)*, пистолет* (*за пояс*)*, молоток и зубило* (*в карман*)). Знач. 2 представляет образ состояния и осознания затрудненности обретения S-ом O из L, при том что O оказался в этом забытом L в результате ранее совершенного сущностью S физического действия «засунуть» (пресуппозиция).

6. Заключение

Лексическая семантика глагола представляет собой многофакторное явление, в котором можно выделить три области: а) регулярные семантические переходы в области грамматики глаголов, описываемые в динамическом словаре; б) обозначаемые глаголами ситуации действительности, описываемые ресурсом FrameNet; в) абстрактные конфигурации понятий, описываемые методом ДК, представляющие глагол как семантическое единство.

[10] У глагола несов. вида *засовывать,* который мы здесь не рассматриваем, наоборот, действие происходит медленно и «с трудом». Е.В. Падучева имеет в виду именно эту ситуацию.

Filologia_5_14.indd 167 14.02.2015 23:36:55

Динамические переходы важны при речепроизводстве, когда действительная и текстовая составляющие дискурсивного контекста определяют лексико-грамматический контекст глагола (форма, состав актантов, тема-рематические требования и др.), удовлетворение которому требует лексических и грамматических вариаций, например невыраженность агента требует пассивной формы. Описание ситуаций, обозначаемых глаголами, необходимо в КЛ для семантического анализа, являющегося базой таких приложений, как фактографический поиск, разрешение многозначности и др. Имманентная и сущностная структуры (ИС и СС) являются основой выбора лексического обозначения процесса при производстве речи и понимания при восприятии речи, а также необходимы в КЛ при лингвистически мотивированной генерации текстов. Эти конфигурации пока нельзя представить в виде столь жестких и формализованных структур, как грамматические, но «работают» они в системе языка так же точно.

Абстрактное описание семантики глагола представляет собой конфигурацию, которая содержит перечень участвующих абстрактных сущностей и идею, определяющую их взаимосвязанность. Формулировки идеи не похожи на толкования в семантике: «размежевание по признаку» [Соколова, Кононенко, 2012; 2013], «частичное вторжение», «волевое ограничение проявления сущности в среде с помощью средства, непроницаемого для проявления сущности», «отчуждение во вместилище», см. раздел 5. При обозначении глаголом ситуации действительности абстрактные сущности ассоциируются непосредственно с объектами реальности, а идея воплощается в конкретном семантическом процессе, в котором эти объекты выполняют уже конкретные семантические роли. Абстрактное описание двухчастно: ИС и СС, см. раздел 4.

Метод ДК позволяет объяснить природу многозначности глагола тем, что одна и та же конфигурация абстрактных сущностей (ИС или СС) ассоциируется с ситуациями действительности, образуемыми качественно различными участниками, в результате возникают качественно различные образы процессов. СС не является прямым, как это бывает при описании модели управления глагола, отображением контекста. В частности, в модели управления могут присутствовать не только участники, ассоциируемые с сущностями имманентной конфигурации, но и ситуативные участники, см. раздел 5, «расширяющие» заданный ею состав участников. Метод ДК удобен для описания разных значений глагола на единой основе, но область его релевантности и метаязык – предмет дальнейших исследований.

Filologia_5_14.indd 168 14.02.2015 23:36:56

Список литературы

Добрушина Е.Р. Бьют ли часы и фонтан одним и тем же БИТЬ? // Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Протвино, 2000. С. 72–74.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М., 1999 (МАС). URL: http://masdict.narod.ru.

Соколова Е.Г., Кононенко И.С. Какие «ситуации» обозначаются русскими глаголами «отличить-отличать» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). Т. 1. М., 2012. С. 661–671.

Соколова Е.Г., Кононенко И.С. Корпус текстов как основа методов многофакторного анализа (глагол «различить – различать») // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013» (25–27 июня 2013 г., СПб.). СПб., 2013. С. 413–423.

Соколова Е.Г. Абстрактные и образные понятия в лексической семантике – методы выделения значений глаголов (глагол *различать* в некоторых текстах начала XIX в.) // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. В.А. Плунгяна и др. СПб., 2014. С. 351–363.

Интернет-ресурсы

Национальный корпус русского языка. Интернет-ресурс. URL: www.ruscorpora.ru.

FrameNet. Интернет ресурс «a lexical database of English verbs (and some other predicate words) in International Computer Science Institute in Berkeley, USA». URL: https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/

WordNet. Интернет ресурс: «a lexical database for English. Nouns, verbs, adjectives and adverbs at Princton Univ. USA». URL: http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn

Список сокращений

ДК метод – метод дискурсивных контекстов.

ИС – имманентная структура.

КЛ – компьютерная лингвистика.

СС – сущностная структура.

Сведения об авторе: *Соколова Елена Григорьевна,* канд. филол. наук, доцент кафедры компьютерной лингвистики Института лингвистики РГГУ. E-mail: minegot@rambler.ru

А.С. Зверев

ПУНКТУАЦИОННЫЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Пунктуация все еще остается практически не изученным компонентом японского языка – несмотря на исключительную значимость той информации, которую привносят в текст пунктуационные средства. Предлагаемая статья демонстрирует новый подход к этому базовому явлению письменного языка на материале японских знаков препинания конца предложения, которые рассматриваются в качестве модально-экспрессивных заключительных частиц.

Ключевые слова: японский язык, знаки препинания, пунктуация, заключительные частицы, модально-экспрессивные частицы, точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, тильда.

Despite its crucial role, the Japanese punctuation remains a virtually unexplored part of the authentic writing system. The paper proposes a new approach to this essential phenomenon on the basis of the punctuation marks used at the end of a sentence, treated as a special type of sentence-final discourse particles confined to the written language.

Key words: Japanese, punctuation marks, EOS-punctuation, sentence-final particles, full stop, question mark, exclamation mark, ellipsis, swung dash.

Введение

Наиболее развитое направление в общей теории пунктуации, в рамках которого выделяются исследования [Шапиро, 1955; Шварцкопф, 1988; Nunberg, 1990], рассматривает ее как внутреннее явление письменного языка и изучает обусловленность расстановки знаков препинания структурно-смысловыми факторами вне связи с интонацией или паузацией. С точки зрения авторов данных работ, современная пунктуация представляет собой самостоятельный лингвистический феномен – нечто большее, чем искусственную надстройку, введенную в систему письменного языка для более точной передачи устной речи. В указанных исследованиях наблюдается осознанный отход от синкретичного восприятия знаков препинания и их устных коррелятов, которое характеризует представления грамотных носителей и находит неизменное выражение в ориентированных на широкую аудиторию пособиях и справочниках, подобных [Shoogakukan, 2007]. В терминах [Алпатов, 1993] эту особенность подхода [Шапиро, 1955;

[1] Исследование осуществлено при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00211а.

Filologia_5_14.indd 170 14.02.2015 23:36:56

Шварцкопф, 1988; Nunberg, 1990] следует расценивать как проявление системоцентризма; в то же время взгляды указанных авторов сохраняют и антропоцентричные черты. В области пунктуации все еще не проводится различия между разными уровнями письменного языка (в частности, графическим и синтаксическим): знаки препинания описываются только как графемы – единицы самого нижнего уровня. Видимо, во многом именно это метонимическое отождествление способствовало закреплению подхода к знакам препинания как к некоторому специальному классу письменных показателей, ограничивая при этом применение выработанных лингвистической наукой инструментов описания. В названных работах пунктуация предстает системой вспомогательных графических помет, которая рассматривается на одном уровне с лексико-грамматическими средствами языка и в то же время видится как нечто отдельное от них. В фундаментальных исследованиях [Шапиро, 1955] и [Шварцкопф, 1988], выполненных на материале русского языка, убедительно обосновывается обусловленность расстановки знаков препинания грамматическими факторами – но сами эти знаки не рассматриваются в качестве полноценных служебных показателей, в отличие от синонимичных им единиц письменного языка с сегментными устными коррелятами. В монографии [Nunberg, 1990] английская пунктуация связывается с особой «текстовой грамматикой», которая описывает исключительно формальные пунктуационные явления письменного языка и существует параллельно обычной «лексической грамматике» [Nunberg, 1990].

Предлагаемый в данной статье подход к изучению пунктуации продолжает системоцентричное развитие той позиции, которая была представлена в упомянутых работах [Шапиро, 1955; Шварцкопф, 1988; Nunberg, 1990]. Знаки препинания также рассматриваются нами не как несовершенное средство для передачи интонации и пауз (см., например, [Кобозева, Захаров, 2014]), но как самодостаточное явление письменного языка. Однако знакам препинания не придается статуса какого-то обособленного класса графических показателей: они органично встраиваются в общую систему непунктуационных единиц. Это сближает наш подход с формализованной моделью, предлагаемой в диссертации [Jones, 1996]. Наше описание основывается на следующих принципах:

1) знаки препинания могут рассматриваться не только как графемы, но и как единицы более высоких уровней языка, записанные при помощи этих графем. К пунктуации применим тот же самый многоступенчатый подход, что так удачно демонстрируется на примере латинского «I» [Реформатский, 2000];

2) при таком рассмотрении знаки препинания проявляют разностороннее сходство с прочими языковыми средствами, прежде

Filologia_5_14.indd 171 14.02.2015 23:36:56

всего, служебными показателями, и могут быть описаны по тем же самым принципам;

3) интегрированные таким образом в систему письменного языка, с точки зрения своих функций внутри этой системы знаки препинания не сохраняют того единства, которое приписывается им на графическом уровне, но распределяются по разным классам таких показателей.

Таким образом, развиваемый подход обращает основное внимание на функциональную нагрузку знаков препинания в системе письменного языка, что, в частности, предполагает встраивание пунктуационных средств в различные частеречные классы. В настоящей статье мы демонстрируем возможности заявленного подхода на материале наиболее распространенной японской пунктуации конца предложения. Употребляемые в этой позиции знаки препинания – точка, вопросительный, восклицательный знаки и многие другие – рассматриваются нами в качестве *заключительных частиц*, функционирующих в письменной форме языка. Определяющие свойства этого канонического частеречного класса в приложении к материалу японской заключительной пунктуации будут описаны нами в следующем разделе.

Заключительные частицы в японском языке

Заключительные частицы (яп. 終助詞 *shuujoshi*, англ. *sentence-final particles*) – признанный класс служебных показателей японского языка [Алпатов и др., 2008; Киэда, 2008; Прасол, 1999; Martin, 2004]. Располагаясь в абсолютном конце предложения, эти частицы маркируют его правую границу. Завершение предложений при помощи заключительных частиц чрезвычайно распространено в устной бытовой речи [Алпатов и др., 2008; Прасол, 1999]; употребление заключительных знаков препинания, прежде всего, точки – норма современного письменного языка. В следующем примере предложение оканчивается группой из двух вопросительных частиц の？ *no?*:

(1) 君はなにが怖いの？

kimi	*wa*	*nani*	*ga*	*kowa-i*	*no?*
ты	TOP[2]	что	NOM	страшный-PRS	PTCL

Чего же ты боишься? [BCCWJ][3]

[2] Принятые сокращения: ACC – аккузатив, ADR – адрессив, ADV – наречие, ATR – атрибут, AUX – вспомогательный глагол, COP – связка, CNV – деепричастие, DAT – датив, FOC – фокус, GEN – генитив, IMP – императив, INTJ – междометие, NEG – отрицание, NML – субстантиватор, NOM – номинатив, PASS – пассив, PRH – прохибитив, PRS – настояще-будущее время, PST – прошедшее время, PTCL – частица, QUOT – цитационный союз, TOP – топик.

[3] Сбалансированный корпус современного письменного японского языка (BCCWJ) послужил основным источником языкового материала для данной статьи, наряду с примерами из изученных теоретических работ.

Filologia_5_14.indd 172 14.02.2015 23:36:56

Частицы этого класса могут обозначать и правую границу в составе придаточного предложения-цитаты:

(2) めぐみさんは私に、日本語ができるかと聞いた。

megumi	*san*	*wa*	*watashi*	*ni,*	*nihongo*	*ga*
Мэгуми	сан	TOP	я	DAT	японский.язык	NOM
deki-ru	*ka*	*to*	*ki-ita.*			
мочь-PRS	PTCL	QUOT	спрашивать-PST			

Мэгуми-сан спросила меня, говорю ли я по-японски. [BCCWJ]

(3) この調子ですよ！と先生にも褒められました。

kono	*yooshi*	*des-u*	*yo!*	*to*
этот	состояние	COP.ADR-PRS	PTCL	QUOT
sensei	*ni*	*mo*	*home-rare-mash-ita.*	
учитель	DAT	тоже	хвалить-PASS-ADR-PST	

И учитель меня похвалил: «Вот так и надо!». [BCCWJ]

В примере (2) на правую границу цитаты указывает вопросительная частица か *ka* (левая граница отмечена запятой); в примере (3) прямую речь завершает последовательность заключительных частиц よ！ *yo!*.

Следует подчеркнуть, что функция сегментации речевого потока не является прерогативой пунктуации. В частности, в обозначении правой границы предложений на письме задействованы как конечные знаки препинания, так и заключительные частицы с сегментными устными коррелятами (которые выполняют указанную функцию в устной речи, наряду с просодическими средствами).

Выделение предложений в потоке устного или письменного дискурса – базовая синтаксическая функция заключительных частиц. Вместе с тем, оформление квантов-предложений показателями одного класса обеспечивает формальное единство всего текста.

Другая важная функция заключительных частиц состоит в придании модально-экспрессивной окраски ограниченным ими фрагментам текста. Эта роль отражена в другом распространенном названии этих показателей – «модально-экспрессивные частицы» (МЭЧ). Данный термин широко применяется и в настоящей статье.

Модально-экспрессивная маркированность накладывает заметные ограничения на сферу употребления частиц этого класса. При описании МЭЧ внимание исследователей обращается главным образом на устную форму языка: именно бытовая устная речь называется в качестве основной области распространения этих частиц [Алпатов и др., 2008; Прасол, 1999]. При этом справедливо отмечается определяющее значение иных характеристик дискурса, отличных от собственно канала передачи информации: его неформальности, эмоциональности, пониженного уровня вежливости.

В данной статье акцент смещен на явления письменного языка. Те из заключительных знаков препинания, которые активно употре-

Filologia_5_14.indd 173 14.02.2015 23:36:56

бляются в чисто синтаксической функции, лишенные модально-экспрессивной нагрузки (точка, скобки, многоточие), а также цитационный показатель (кавычки) менее всего подвержены стилистическим ограничениям. Знаки конечной экспрессивной пунктуации можно встретить в заголовках газет или броской рекламе, в имитирующих устную речь диалогах в художественных произведениях [Данилов, Сыромятников, 2001]. Но главная область распространения пунктуационных МЭЧ, где наблюдается их наибольшее разнообразие, – это эмоциональная и персонализованная речь, представленная в сфере неформальной электронной коммуникации.

Следующая таблица описывает результаты поверхностного статистического анализа материала Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка [BCCWJ]. Корпус составлен из 13 противопоставленных по жанру подкорпусов: книги (два подкорпуса, объединенных нами при анализе), газеты, журналы, «белые книги», бестселлеры, блоги, тексты вопросно-ответного сервиса, законы, парламентские протоколы, рекламные журналы, учебники и поэтические произведения. В таблице приведены нормализованные по объему подкорпусов данные о встречаемости в конце предложения

Таблица 1

МЭЧ в BCCWJ

МЭЧ	Два подкорпуса с наибольшей долей от общего числа употреблений МЭЧ, %		Всего в двух интернет-подкорпусах, %
か	**Yahoo! ВиО (44,84)**	Учебники (10,60)	51,09
?	**Yahoo! ВиО (56,32)**	**Yahoo! Блоги (18,75)**	75,07
よ	**Yahoo! ВиО (27,89)**	Бестселлеры (16,06)	40,52
!	**Yahoo! Блоги (48,79)**	**Yahoo! ВиО (17,39)**	66,19
が	**Yahoo! ВиО (41,26)**	**Yahoo! Блоги (22,54)**	63,80
…	**Yahoo! Блоги (24,93)**	Бестселлеры (19,28)	33,10
ね	**Yahoo! ВиО (28,63)**	**Yahoo! Блоги (24,53)**	53,17
ー	**Yahoo! Блоги (78,28)**	**Yahoo! ВиО (13,47)**	91,75

Filologia_5_14.indd 174 14.02.2015 23:36:56

пунктуационных и непунктуационных МЭЧ, отобранных по признакам наибольшей употребительности или функционального сходства. Для каждой из рассмотренных МЭЧ указаны два подкорпуса, в которых содержится основная масса ее употреблений в BCCWJ, а также суммарная доля, приходящаяся на два подкорпуса интернет-дискурса – Yahoo! ブログ *Burogu* (блоги) и Yahoo! 知恵袋 *Chiebukuro* (вопросно-ответный сервис, ВиО).

Таким образом, представленный в корпусе интернет-дискурс обеспечивает основную массу вхождений как для рассмотренных пунктуационных, так и для непунктуационных МЭЧ. Кроме того, заметно распространение МЭЧ в наименее консервативной художественной литературе. Сравнительно малая доля интернет-дискурса в употреблениях многоточия может быть связана с выполнением функции, не предполагающей обязательной модально-экспрессивной нагрузки, – указанием на незавершенность при неполном цитировании, – а также с исключением из рассмотрения многочисленных нестандартных графических вариантов этого показателя. В распределении стилистически немаркированной вопросительной частицы か *ka*, вероятно, решающим фактором явилось распространение предложений с вопросительной модальностью.

В таблице ниже мы приводим краткий перечень основных пунктуационных заключительных частиц японского языка. Описание их значения и функций, выполненное, главным образом, на основе базовых сведений об употреблении знаков препинания из справочников [Shoogakukan, 2007] и [Данилов, Сыромятников, 2001], было построено нами с опорой на терминологию и классификацию канонических МЭЧ, использованную в монографии [Прасол, 1999]. Указанная классификация предполагает разделение всех МЭЧ на экспрессивные и модальные; последние, в свою очередь, подразделяются на вопросительные, императивные, смягчающие категоричность, усиливающие категоричность, контактоустанавливающие и цитационные. На практике, впрочем, элементы списка предстают не столько непересекающимися классами, сколько весьма удачными параметрами описания – в первую очередь это касается сочетания в функционале одной частицы модальных и экспрессивных компонентов. К этому списку мы можем добавить лишь чисто синтаксические заключительные частицы, в своем основном употреблении лишенные модально-экспрессивной окраски. Наша характеристика, не претендуя на исчерпывающую полноту, призвана обозначить только главные черты, которые определяют место конечных знаков препинания в общей системе МЭЧ, а также дать русскому читателю начальное представление об этих средствах письменного японского языка.

Filologia_5_14.indd 175 14.02.2015 23:36:56

Таблица 2

Пунктуационные МЭЧ в японском языке

Знак[1]	Название	Основное значение и функции; важные особенности
。	Круглая точка まる *maru*	Правая граница предложения (чисто синтаксический показатель); структурная завершенность
」	(Закрывающая) кавычка 鍵括弧 *kagikakko*	Цитационный эвиденциальный маркер; употребляется в паре с *синтагматическим комплементом* – открывающей кавычкой 「
）	(Закрывающая) скобка パーレン *paaren*	Правая граница предложения в ситуации вставки; альтернативный путь развития дискурса; употребляется в паре с *синтагматическим комплементом* – открывающей скобкой （
？	Вопросительный знак 疑問符 *gimonfu*	Неформальный экспрессивный маркер вопроса
！	Восклицательный знак 感嘆符 *kantanfu*	Усиление категоричности; сильная побудительно-апеллятивная направленность; эмоциональная экспрессия
……	Многоточие リーダー *riidaa*	Смягчение категоричности, колебание, неуверенность; послевкусие, многозначительное умолчание, глубокомысленная недосказанность; структурная незавершенность; в записи МЭЧ …… и ——практически функционируют как графические варианты одного показателя
——	Тире ダッシュ *dasshu*	
～	Тильда 波形 *namigata*	Повышенная эмоциональная экспрессия (в русском переводе обычно уместен восклицательный знак)
♪ ☆ ★ ♡♥	Нотка音符 *onpu* ♪, звездочка 星 *hoshi*, сердечко ハートマーク *haatomaaku* и др.	Разнообразные эмоционально-экспрессивные маркеры языка неформального электронного общения

Особенности пунктуационных заключительных частиц

В дополнение к рассмотренным выше определяющим свойствам частеречного класса МЭЧ, в данном разделе описываются некоторые другие особенности пунктуационных МЭЧ, которые сближают их с заключительными частицами с сегментными устными коррелятами, или, напротив, составляют их специфику.

Сообщается, что в целях придания более тонкой модально-экспрессивной окраски высказывания могут завершаться неидиоматичным кластером МЭЧ, в составе которого комбинируются раз-

[4] Перечисленные в первом столбце графемы применяются и для записи других единиц, не относящихся к классу заключительных частиц.

Filologia_5_14.indd 176 14.02.2015 23:36:56

ные заключительные частицы [Алпатов и др., 2008; Прасол, 1999]. Пунктуационные МЭЧ тоже могут составлять такие кластеры – как самостоятельно, так и в сочетании с прочими частицами.

(4) へー、そんなに安いんですかー！？

he〜,	*sonna*	*ni*	*yasu-i*	*n*
INTJ	такой	ADV	дешевый-PRS	NML
des-u		*ka〜!?*		
COP.ADR-PRS		PTCL		

Так дешево??? O_o [BCCWJ]

Пунктуационное оформление данного примера – использование тильды, усиливающей эмоциональную экспрессию высказывания, а также крайне эмоционального сочетания вопросительного и восклицательного знаков при наличии стандартного показателя вопроса か *ka* – соответствует стилистике неформального интернет-дискурса. В переводе эта особенность, не вполне очевидная русскому читателю, передана смайликом удивления O_o.

В финальной последовательности заключительных частиц пунктуационные МЭЧ следуют за частицами с сегментными устными коррелятами; эта закономерность может нарушаться тильдой:

(5) 値段が安い割りに美味しいーかな

nedan	*ga*	*yasu-i*	*warini*
цена	NOM	дешевый-PRS	сравнительно
oishi-i〜	*kana*		
вкусный-PRS	PTCL		

При такой низкой цене вроде вкусно! [BCCWJ]

Тем самым, оппозиция пунктуационных и непунктуационных МЭЧ обеспечивает формальные средства для отсчета расстояния до правой границы предложения внутри заключительного кластера частиц. Крайнее правое положение занимают знаки препинания, тогда как прочие заключительные частицы располагаются во второй позиции с конца.

Среди явлений, которые можно наблюдать внутри кластеров заключительных частиц в письменном языке, отметим вытеснение другими пунктуационными МЭЧ точки – как информационно наименее нагруженного показателя. Примечательно, что авторы японских справочников и нормативных пособий находят необходимым указать на такое поведение вопросительного и восклицательного знака [Shoogakukan, 2007]. По данным [BCCWJ] той же тенденции в целом следуют и упомянутые в табл. 2 специфические эмоциональные маркеры языка неформального электронного общения (♪, ☆ и др.). Для прочих рассмотренных знаков препинания подобной нормы не установилось. В частности, многоточие свободно сочетается с круглой точкой в последовательностях вида ….。 , а круглая точка может предшествовать закрывающей скобке или кавычке, что

Filologia_5_14.indd 177 14.02.2015 23:36:57

может показаться достаточно необычным европейскому читателю; «многозначительное» тире или многоточие может располагаться и после точки [Shoogakukan, 2007]:

(6) 急に死んでしまつて、家族が直ぐ店を畳んで国へ帰つてしまつたそのあとは直きカフエーになつてしまつた。——

kyuu	*ni*	*shin-de*		*shimat-te,*		*kazoku*	*ga*	*sugu*
вдруг	ADV	умереть-CNV		AUX-CNV		семья	NOM	сразу
mise	*o*	*tatan-de*		*kuni*	*e*	*kaet-te*		
магазин	ACC	закрыть-CNV		родина	к	вернуться-CNV		
shimat-ta		*sono*	*ato*	*wa*	*jiki*	*kafee*	*ni*	*nat-te*
AUX-PST		этот	после	TOP	тут.же	кафе	DAT	стать-CNV
shimat-ta.–								
AUX-PST								

Когда [он] неожиданно умер, семья его тут же закрыла магазин и вернулась на родину, и сразу после этого [там] открыли кафе… [Shoogakukan, 2007].

В отсутствие точки возрастает грамматическая нагрузка многоточия, тильды и других частиц как показателей правой границы предложения.

Отдельного внимания заслуживает способность пунктуационных МЭЧ к многократной редупликации. В сфере неформальной электронной коммуникации протяженные последовательности из повторяющихся заключительных знаков препинания чрезвычайно распространены, но за пределами интернет-дискурса это явление встречается редко. Справочник [Данилов, Сыромятников, 2001] отмечает только парные сочетания ！ ！ и ？？, которые, как и комбинации ？！ и ！？, обычно не пропускаются корректорами. Повторы конечной тильды или экспрессивное удлинение многоточия не упоминаются. В справочник [Shoogakukan, 2007] включены последовательности из двух и трех вопросительных или восклицательных знаков, которые описываются как усиленные, акцентированные формы ？ или ！.

Вероятно, для знаков препинания такая многократная интенсифицирующая редупликация служит функциональным эквивалентом экспрессивной тильды, выступающей при прочих МЭЧ письменного языка, и является графическим аналогом распространенного в устной речи эмфатического удлинения звуков.

В числе свойств заключительных частиц обычно указывают их способность вытеснять связку, присоединяясь непосредственно к именной части сказуемого [Алпатов и др., 2008; Прасол, 1999]:

(7) そうよ。

soo	*yo.*
так	PTCL

Так и есть. [Алпатов и др., 2008]

Ср. с полным вариантом со связкой だ *da* (перевод тот же):

Filologia_5_14.indd 178 14.02.2015 23:36:57

(8) そうだよ。

Это наблюдение справедливо и в случае пунктуационных МЭЧ. В первую очередь эта особенность относится к вопросительному и восклицательному знаку:

(9) 毎日は無理！

mainichi *wa* *muri!*
каждый.день TOP чрезмерный
[Общаться] каждый день – это чересчур! [BCCWJ]

(10) 簡単？

kantan?
простой
Да разве ж [это] просто? [BCCWJ]

Заметим, что преимущественно экспрессивный и неформальный характер употреблений японского вопросительного знака [Данилов, Сыромятников, 2001; Zverev, 2013], отраженный в переводе последнего примера, отличает его от графически сходных показателей в европейских языках.

Исследователями МЭЧ отмечается грамматическая факультативность большинства таких частиц [Прасол, 1999]. В связи с этим следует обратить внимание на обязательность употребления точки. Как сообщалось выше, этот показатель служит основным средством деления текста на предложения; те же функции принимают на себя и другие пунктуационные МЭЧ, вытесняющие точку.

Активное использование точки в конце предложения и ее строгое противопоставление запятой в современных текстах во многом компенсирует утрату различий между атрибутивными и заключительными (финитными) формами предикатов в письменном языке. Как сообщает грамматика [Алпатов и др., 2008] при описании японских относительных предложений, «в результате экспансии причастной формы финитные формы постепенно были вытеснены и морфологическое противопоставление по атрибутивности для глаголов и предикативных прилагательных исчезло». Представляется, однако, что оппозиция атрибутивных и заключительных форм в современном языке не отсутствует совершенно, но обеспечивается – на письме – неморфологическими пунктуационными средствами: в своем основном употреблении точка приближается к статусу аналитического показателя последних[5]. Примечательно, что еще в старописьменном японском языке (бунго) допускалось замещение заключительных форм определительными при наличии в предложении заключи-

[5] Ср. в этом отношении судьбу частиц よ *yo* и な *na*, эволюционировавших в направлении показателей, соответственно, императива и прохибитива (см. показательное обсуждение в [Киэда, 2008] со сравнением *yom-e yo* ‘читать-IMP PTCL’ «читай!» и *oki-yo* ‘вставать-IMP’ «вставай!»; ср. также описания な *na* в [Алпатов и др., 2008] и [Прасол, 1999]).

Filologia_5_14.indd 179 14.02.2015 23:36:57

тельных частиц [Сыромятников, 2010]. В примере ниже в русском переводе различаются финитная и причастная формы глагола, тогда как противопоставление их японских соответствий обеспечивается только правым контекстом – определяемым именем при атрибуте и точкой при заключительном сказуемом:

(11) 一人の子どもを育てる費用推計の際に利用した費目群をそのまま利用した。

hitori	*no*	*kodomo*	*o*	*sodate-ru*	*hiyoo*
один	GEN	ребенок	ACC	воспитать-PRS	расходы
suikei	*no*	*sai*	*ni*	***riyoo-sh-ita***	
оценка	GEN	время	DAT	использование-VRB-PST	
himokugun	*o*	*sonomama*		***riyoo-sh-ita.***	
перечень.расходов	ACC	как.есть		использование-VRB-PST	

[Мы] **использовали** тот же самый перечень статей расходов, **использованный** при оценке расходов на воспитание одного ребенка. [BCCWJ]

Сильной грамматической нагрузкой наделяются также вопросительный и восклицательный знаки в тех случаях, когда они служат единственными признаками соответственно вопросительного или побудительного характера высказывания. В целом грамматическая обязательность более характерна для заключительных знаков препинания, чем для прочих МЭЧ: завершение предложения одним из знаков конечной пунктуации или их сочетанием, за редкими исключениями, является нормой современного письменного языка.

Завершая описание пунктуационных МЭЧ, следует указать на использование тех же графем для записи синонимичных единиц с большей автономностью – в контекстах, подобных следующему:

(12) 「だれがやるの？」
「お前がやるのさ」
「！」

‘dare	*ga*	*yar-u*	*no?’*	
кто	NOM	делать-PRS	PTCL	
‘omae	*ga*	*yar-u*	*no*	*sa’*
ты	NOM	делать-PRS	PTCL	PTCL
‘!’				
INTJ				

– Ну и кто [это] будет делать?
– Ты и будешь!
– ?! [Shoogakukan, 2007]

Справочник [Shoogakukan, 2007] отмечает 「！」 в качестве выражения удивления, а 「？」 – сомнения или недоумения; реплика 「……」 понимается как хезитационный сигнал [Данилов, Сыромятников, 2001]. Устный коррелят вопросительного и восклицательного знака в таких употреблениях неочевиден. Согласно

Filologia_5_14.indd 180 14.02.2015 23:36:57

[Данилов, Сыромятников, 2001], многоточию соответствует молчание (автором предлагается жестовая интерпретация «растерянно пожимает плечами»).

В таком употреблении названные знаки препинания сближаются с японскими междометиями 感動詞 *kandooshi*, которые функционально и содержательно сходны с заключительными МЭЧ и отличаются от них в первую очередь позиционной характеристикой и способностью к автономному употреблению (ср. [Алпатов и др., 2008; Киэда, 2008; Martin, 2004]). В силу присутствия кавычек, в терминах [Мельчук, 1997; Плунгян, 2000] данным единицам следует приписывать морфологическую слабую автономность[6]. По данным [BCCWJ], в репликах диалогов могут встречаться и сложные сочетания вида 「？…」, 「？！」.

Отметим также возможность автонимного употребления заключительных знаков препинания как существительных – в кавычках или без них.

Заключение

В основу настоящей статьи положена идея о применении к знакам препинания теоретического аппарата, который был разработан для описания непунктуационных единиц – канонических МЭЧ. Но не менее важным видится шаг, сделанный в обратном направлении: заключенная в значении последних информация о некоторой границе – обычный объект внимания специалистов в области пунктуации – представляет не меньшую ценность, чем активно исследуемые несинтаксические компоненты.

Мы полагаем целесообразным приложение к материалу других языков как изложенных в начале статьи общих принципов описания пунктуации, так и представленного подхода к заключительным знакам препинания. В частности, обращение к письменному русскому языку позволяет выделить в нем новый класс служебных показателей – заключительных частиц, которые могут изучаться с привлечением инструментов, разработанных в японистике. Однако мы бы хотели предостеречь от механического переноса на чужеродный языковой материал описания конкретных явлений – переноса, который бы основывался только на графическом сходстве отдельных показателей (см. выше характеристику японского вопросительного знака как неформальной и экспрессивной МЭЧ). Вопреки распространенному заблуждению, знаки препинания тоже подлежат переводу, и аккуратный перевод заключительной пунктуации может составлять не менее трудную задачу, чем перевод других частиц.

[6] Мы не исключаем, что в области неформальной электронной коммуникации может наблюдаться и сильная автономность, однако примеров такого рода нам не известно.

Filologia_5_14.indd 181 14.02.2015 23:36:57

Список литературы

Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. М., 1993. № 3. С. 15–26.

Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М., 2008.

Данилов А.Ю., Сыромятников Н.А. Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы. М., 2001.

Киэда М. Грамматика японского языка. Т. 1. М., 2008.

Кобозева И.М., Захаров Л.М. Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «кривом зеркале» пунктуации // Филология и культура. 2014. № 2.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена, 1997.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

Прасол А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток, 1999.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 2000.

Сыромятников Н.А. Становление новояпонского языка. М., 2010.

Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1955.

Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.

Jones B. What's the Point? A (Computational) Theory of Punctuation. PhD thesis. University of Edinburgh, 1996.

Martin S.E. Reference Grammar of Japanese. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2004.

Nunberg G. The Linguistics of Punctuation. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1990.

Zverev A. The Question Mark in Modern Japanese // Conference of the Pacific Association for Computational Linguistics – PACLING 2013 Proceedings. September 2–4, 2013, Keio University, Tokyo, Japan – Tokyo, 2013.

BCCWJ – 現代日本語書き言葉均衡コーパス（中納言）. Gendai nihongo kakikotoba kinkoo koopasu (Chuunagon). URL: https://chunagon.ninjal.ac.jp

Shoogakukan – 句読点、記号・符号活用辞典. Kutooten kigoo fugoo katsuyoo jiten. Tokyo: Shoogakukan, 2007.

Сведения об авторе: *Зверев Алексей Сергеевич,* аспирант кафедры кафедры ОТиПЛ филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: zvereval@inbox.ru

А.Г. Волкова

ПОЭТИКА ХРИСТИАНСКИХ ПРОПОВЕДЕЙ IV–V вв. С ДРАМАТИЧЕСКИМ ЭЛЕМЕНТОМ: РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ГОМИЛИЯ АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Статья посвящена анализу одной из проповедей восточнохристианского богослова и проповедника IV в. Афанасия Александрийского с точки зрения ее структуры и поэтики. Устанавливается, что данная гомилия вписывается в древнюю литературную традицию особых драматических гомилий.

Ключевые слова: гомилия, диалог, Афанасий Александрийский, поэтика.

The article includes analysis, in terms of its composition and poetics, of one homily written by an early Christian author Athanasius of Alexandria (IV cent.). The main point is that this homily fully complies with the ancient tradition of dramatic homilies.

Key words: homily, dialogue, Athanasius of Alexandria, poetics.

В истории гомилетики как науки о церковной проповеди гомилии IV–V вв. занимают особое место, так как именно на это время приходится тот период христианства, который будет назван «золотым веком» христианской религии. Обозначение, содержащее столь высокую оценку, обусловлено тем, что это время было богато выдающимися проповедниками, чьи речи представляют интерес не только с мировоззренческой, богословской точки зрения, но и с филологических позиций: с точки зрения структуры, риторической организации, поэтических особенностей.

Особый пласт проповеднического искусства составляют византийские гомилии, которые содержат в себе драматический элемент, т. е. диалог, причем здесь имеется в виду диалог не проповедника с паствой, а художественный диалог персонажей в самой проповеди. Достаточное число таких проповедей имеют определенную сюжетную основу, взятую из текста, по определению прецедентного для любой христианской проповеди, – из Священного Писания. Для проповедей, включающих диалог как обмен репликами между двумя персонажами, достаточно популярным библейским сюжетом стал сюжет Благовещения, содержащийся в Евангелии от Луки (Лк. 1: 26–38). Событие Благовещения само по себе уже диалогично, так как оно изображается как разговор архангела Гавриила и Марии (цитируется по Синодальному переводу Нового Завета):

Filologia_5_14.indd 183 14.02.2015 23:36:57

Ангел, вошед к Ней, сказал: Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидевши его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не буде конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим; вот, и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестый месяц; ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Тогда Мария сказала: се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел.

На этот сюжет в заявленный выше период (IV–V) было написано несколько проповедей, в той или иной мере перерабатывающих приведенный евангельский диалог. К этим проповедям относятся:

– На перепись Пресвятой Марии и Иосифа, атрибутируется св. Афанасию (ум. 373) (PG XXVIII, col. 944);

– Святой Марии Богородице, атрибутируется Исихию Иерусалимскому (ум. 433) (PG XCIII, col. 1453);

– три гомилии, приписываемые Иоанну Златоусту (псевдо-Златоуста) (PG, L, col. 791–796, LX, col. 755–760, LXII, col. 763–770), предположительно IV или V в.;

– энкомий (похвальная речь, по многим чертам близкая жанру гомилии) Богородице Марии Прокла Константинопольского (PG LXV, col. 721–757), V в.

Из указанных гомилий в рамках данной статьи интерес представляет первая, атрибутируемая Афанасию Александрийскому, так как именно в ней диалог представлен как структурно-смысловая часть текста, окруженная нарративом, гомилетической риторикой (восхвалением Девы и Христа). Это значит, что диалог не составляет здесь всего текста, как, например, в гомилиях псевдо-Златоуста, где нет места «словам автора», а есть только обмен репликами двух персонажей.

Гомилия «На перепись Пресвятой Марии и Иосифа» (Εἰς ἀπογραφήν τῆς ἁγίας Μαριας, καὶ εἰς τὸν Ἰωσηφ, Λόγος), приписываемая св. Афанасию, не относится к корпусу собственно благовещенских гомилий, однако содержит одну из характерных черт текстов этого корпуса – диалог, включенный в текст проповеди, причем диалог касается именно зачатия и рождения Божественного Младенца.

В данном случае тематика гомилии – скорее рождественская (что видно уже из самого названия проповеди), чем благовещенская,

Filologia_5_14.indd 184 14.02.2015 23:36:58

поэтому в тексте содержится диалог Марии и Иосифа, а не Марии и ангела. Но содержание этого диалога отсылает к подобным диалогам из текстов авторов приблизительно V–VI вв.: Романа Сладкопевца, Прокла Константинопольского и псевдо-Златоуста. Возможно, такая контаминация двух событий является очередным доказательством связи этих праздников: изначально Благовещение входило в цикл рождественских праздников и праздновалось на четвертый день Богоявления, которое в свою очередь связано непосредственно с Рождеством [Conybeare, 1905: 517; La Piana, 1912: 313]. В обзоре благовещенских проповедей об этом упоминает один из исследователей драматической гомилии Ла Пьяна: «память о самом событии, конечно, гораздо древнее [первых упоминаний о празднике Благовещения, относящихся к VI в.]: это событие было помещено в цикл рождественских праздников. Объединение Благовещения и Рождества в одном литургическом действе повлекло за собой объединение аргументов в гомилиях. В самом деле, гомилии на Благовещение включают рождественский нарратив, так же как гомилии на Рождество начинаются с нарратива благовещенского» [La Piana, 1912: 313].

Гомилия, атрибутируемая св. Афанасию, не полностью диалогична: диалог Марии и Иосифа представляет собой только небольшой фрагмент всей гомилии. В целом вся проповедь распадается на две большие части:

– серия антиномий о Богочеловечестве (Божественном достоинстве) Христа;

– полемика с теми, кто отрицал девство Марии после рождения Христа.

Первая строфа проповеди представляет собой вступление, в котором как раз и обозначается тема проповеди и важность того, о чем будет сказано:

Εἰ γὰρ καὶ μικρὰ ἐν προοιμίοις τὰ ρήματα, ἀλλ᾽ ὅμως μεγάλα τῆς χαρᾶς τὰ μυσταγωγήματα (Если и малы [недостаточны для описания происходящего] слова в начале, то тем не менее велика тайна радостная) [PG, 1858: 944–957][1].

Здесь имеет место типичный прием византийской гимнографии – самоумаление на фоне того великого события Священной истории, которое совершается. Приведенная строка станет рефреном гомилии, сближая тем самым гомилетический текст с текстом гимнографическим, в котором припев (рефрен) не только имеет определенную семантику (является сильным, т. е. запоминающимся и значимым смысловым моментом текста) и играет роль в композиции (организует текст), но и выполняет ритмическую функцию, т. е. из чисто прозаического делает текст поэтическим.

[1] Здесь и далее подстрочный перевод мой. – *А. В.*

Filologia_5_14.indd 185 14.02.2015 23:36:58

Евангельская основа гомилии обозначена далее, во второй строфе, причем дается отсылка к Евангелию от Луки, единственному Евангелию, содержащему и событие Благовещения Марии, и упоминание о переписи населения по повелению кесаря Августа. Именно на это второе событие и ссылается автор проповеди, предположительно Афанасий, в своем тексте, таким образом обозначая рождественскую направленность проповеди.

Еще одна сюжетно-образная черта, позволяющая включить эту гомилию в корпус благовещенских текстов, – это сравнение рождения Иоанна Крестителя от Елисаветы и рождения Иисуса от Марии:

Ἡ Ἐλισάβετ ἐν οἰκίσκῳ φαιδρῷ ἀπεκύησε, καὶ ἡ Παρθένος ἐν τῷ μικρῷ σπηλαίῳ ἐγέννησεν . Ἰωάννης ἐπὶ κλίνης, καὶ ὁ Κύριος ἐν φάτνη (Елисавета родила в доме просторном, Мария же – в маленькой пещере; Иоанн на ложе рожден, Господь же – в яслях).

В этом сравнении, синтаксически построенном на параллелизме частей, обстоятельства рождения Иисуса показываются как беднейшие по сравнению с теми условиями, в которых родился Иоанн Креститель. Параллель «Христос – Иоанн Креститель» и соответственно «Мария – Елисавета (мать Иоанна)» встречается и в благовещенских текстах других авторов, упомянутых выше. Так, в энкомии Прокла Константинопольского говорится о Захарии и Елисавете [PG, 1858: 721–757]:

…οὐκ αὐτὴ μόνη ἠπίστησας, ἀλλὰ καὶ Ζαχαρίας <...> Πάντως γαρ ἦλθεν εἰς τὴν σην γνῶσιν, ὅπως ἐν γύρα Ἐλισάβετ μήτηρ αὐτὴ συνηρίθμηται ταῖς μητράσιν.… οὐ γινώσκεις ὅτι ἐν σοι μὲν ἡ ἐθνική ἐκκλησία, ἐν ἐκείνη δὲ ἡ Ἰουδαικὴ συναγωγὴ ἱστόρηται... (… не она одна [Елисавета] не поверила [в рождение от нее сына], но и Захария… Всем же дано было узнать, каким образом в преклонных летах Елисавета матерью стала… не знаешь, что в Тебе народов собрание [церковь], в той же [Елисавете] иудеев собрание [синагога] узнается).

Видно, что в энкомии Прокла Мария и Елисавета некоторым образом противопоставляются, как общее и частное (всеобщее собрание, Церковь – собрание иудеев, синагога), но и являют собой образец преемственности (через синагогу – к Церкви). Прокл также имплицитно противопоставляет два рождения: одно рождение (Иоанна Крестителя, «смертного человека») совершилось при неверии Захарии, которого Гавриил поразил немотой именно за неверие Божественной вести. Другое рождение – Рождество «бессмертного Бога» случилось в том числе – и главным образом – по вере.

В четвертой строфе гомилии Афанасия появляется не совсем привычный для рождественско-благовещенских текстов сюжет, который можно обозначить как последние дни земной жизни Христа: упоминается Понтий Пилат, Варрава, римляне и иудеи, распявшие Христа. В этой же строфе цитируется прямая речь иудеев и Пилата из Евангелий Матфея и Иоанна. Таким образом, проповедник (пред-

Filologia_5_14.indd 186 14.02.2015 23:36:58

положительно, сам Афанасий), говоря в рождественской проповеди о последних днях и крестной смерти Христа, соединяет жизнь и смерть, точнее, начало и завершение жизни Христа для того, чтобы показать, как в тайне Благовещения и Рождества уже было заложено грядущее страдание и смерть с последующим Воскресением.

Собственно диалог начинается только в шестой строфе и связан с тематикой гомилии, так как Мария родила Сына именно по пути на перепись населения, сделанную по повелению Августа. Последние строки пятой строфы, являющиеся своеобразным прологом к диалогу, как раз говорят о том, насколько чудесным было это рождение, которое было *не столько утомляющим, сколько облегчающим* (οὐ τοσοῦτον κοπουμένη, ὅσον κουφιζομένη).

Интересно, что при такой совершенно рождественской тематике гомилетического текста диалог является благовещенским: он имеет черты, характерные именно для диалогов на Благовещение, например, мотив сомнения Иосифа, обвинение Иосифом Марии, ответ Марии о том, что Она будет прославлена. Таким образом, получается, что в проповеди Афанасия этот диалог происходит уже после того, как Мария и Иосиф отправились в Вифлеем на перепись, и по тексту проповеди – после того, как Мария родила (обо всем этом упоминается в пятой строфе, предшествующей собственно диалогу).

Именно это смысловое и сюжетное несоответствие дает возможность говорить о нарушении целостности текста проповеди, в частности, о том, что диалог является драматической вставкой в текст гомилии, причем эта вставка могла быть сделана позже и происходить из какого-либо текста, написанного на благовещенский сюжет (отсюда и тематика диалога, не вполне соответствующая тематике проповеди). По сути, подобная вставка диалога, содержащего сомнения Иосифа по поводу беременности Марии, в данном контексте необязательна. Подобная неоднородность текста также может указывать на разное авторство фрагментов: текст проповеди принадлежит, например, Афанасию, а текст диалога – анонимному переписчику либо какому-то другому автору. Примечательно, что текст этой гомилии и относится в трудах Афанасия к разряду Dubia.

Диалог в гомилии занимает почти всю шестую строфу и состоит всего из двух пространных реплик: сначала Иосифа, затем Марии. Мотив, который встречался в других текстах (например, в проповеди псевдо-Златоуста или в кондаке Романа Сладкопевца на Благовещение, хотя последний почти своем не акцентирует этот момент), – это неведение Иосифа, следствием которого является разговор Иосифа с Марией, выяснение истины:

...ὁἸωσὴφ, ὡς εἶδεν αὐτὴν κατὰ γαστρὸς ἔχουσαν, τὸν ἔνδοθεν θησαυρὸν ἀγνῶν... (… Иосиф, видя, что Она [Мария] во чреве имеет, не знал при этом о сокровище, которое внутри…).

Filologia_5_14.indd 187 14.02.2015 23:36:58

Обвинение Иосифом Марии строится как раз на том, что он не знает о «сокровище», хранящемся во чреве Девы. Такой же образ Иосифа, пребывающего в неведении относительно того, что произошло с Марией, содержится в энкомии Прокла Константинопольского. У Прокла неведение Иосифа подчеркивается «нанизыванием» слов со значением незнания Божественной тайны воплощения (ἄγνοια, ουκ ἐγίνωσκεν, οὐκ ἐμνήσκετο, οὐκ ᾔδει) [PG, 1858: 736–740]. Таким образом, Иосиф не обвиняется в неверии, что невозможно по отношению к праведному супругу Марии, но только в неведении: он не знал того, что Божественный Младенец родится от Марии.

Речь Иосифа в проповеди, приписываемой Афанасию, ритмически организована повторами, которых в его реплике несколько. Начальные шесть предложений построены как риторические вопросы, обращенные Иосифом к Марии. Их риторичность выражается в том, что ответ на свои вопросы Иосиф уже знает, так как, по его мнению, Мария не сохранила дара девственности. Рефрен этих первых фраз Иосифа – *Не Ты ли…* (Οὐ σὺ εἶ):

Οὐ σὺ εἶ ἡ ὡς αἰδέσιμος Παρθένος ἐν τοῖς ἱεροῖς περιβόλοις ἀνατραφεῖσα; Οὐ σὺ εἶ Μαριὰμ, ἡ πρόσωπον ἀνδρὸς θεωρῆσαι μὴ καταδεχομένη; ... Οὐ σὺ εἶ Μαριὰμ, ἡ τὸ τῆς παρθενίας ρόδον ἀμάραντον φυλάξαι προσευξαμένι; (Не Ты ли та стыдливая Дева, священниками окруженная, вошла [в Храм]? Не Ты ли Мария, лицо мужа видеть не осмелившаяся? … Не Ты ли Мария, которая розу девства чистой сохраняла?)

Следующие три фразы Иосифа начинаются с повторяющегося вопросительного слова – *Где* (Ποῦ), и по форме опять же являются риторическими вопросами:

Ποῦ σου τῆς σωφροσύνης ὁ θάλαμος; Ποῦ σου τῆς ἀγνείας ἡ ἄσπιλος παστάς; Ποῦ σου τὸ αἰδεστικὸν πρόσωπον; (Где Твоего целомудрия море? Где Твоей непорочности столп? Где Твоей стыдливости лик?)

Заканчивая свою речь, Иосиф просит Марию вернуться в дом свой и представить ему, Иосифу, того, кто *обокрал брак* [его, Иосифа], то есть по-прежнему не верит непорочности своей супруги, хотя и соглашается отпустить Марию, не разглашая *Ее греха*:

…σιωπῶ τὴν ἁμαρτίαν σου… Οὐχ ὁρᾷς τὸν ὄγκον τῆς κοιλίας σου… Ἄπιθι, Μαριάμ. ὑπόστρεφον εἰς τὸν οἰκόν σου. ἐπιζήτησον τὸν κλεψίγαμον (…умолчу о грехе Твоем… что не видел увеличившегося чрева Твоего… Иди, Мария, спеши в дом свой; найди обокравшего мой брак).

В речи Марии наблюдаются те же приемы ритмической организации, что и в речи Иосифа (рефрены и глагольные формы одного и того же лица и числа с одинаковыми окончаниями):

Τι δυσχεραινεις, μνηστερ εμου; Τὶ ὡς ἀτάκτου μου καταψηφίζεις; Τὶ ἐφυβρίστοις ὀφταλμοῖς τὸν ὄγκον τῆς γαστρός μου περιβλέπεις; Τὶ ἐρυθριᾷν με καταναγκάζεις; (Что сердишься, супруг мой? Что неверной Меня считаешь? Что надменными глазами на увеличившееся чрево Мое смотришь? Что краснеть Меня заставляешь?)

Filologia_5_14.indd 188 14.02.2015 23:36:58

Кроме этого, важно, что в реплике Марии появляются евангельские цитаты – явные и скрытые, которых не было в речи Иосифа. Во-первых, в словах Марии содержатся рождественские образы (ποιμένες, μάγοι, ἀστήρ, ἄγγελοί – пастухи, волхвы, звезда, ангелы), хотя сюжет гомилии не столько рождественский, сколько благовещенский.

Кроме того, в своей речи Мария напрямую цитирует евангельский текст рождественского сюжета, вошедший и в богослужебные тексты христианской Церкви, а именно – песнь, воспетую ангелами при рождении Христа (Лк. 2:14):

Δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ, καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη, ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία (Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение).

Таким образом, речь Марии содержит признаки рождественского дискурса (прямая цитата, использование образов рождественского сюжета), притом что слова Девы по смыслу и форме (лексическим, синтаксическим особенностям) совпадают с благовещенскими текстами, в которых имеется прямая речь Марии.

Интересно, что подобная контаминация двух сюжетов встречается в уже упоминавшемся энкомии Прокла Константинопольского, причем текст этого похвального слова имеет больше благовещенских образов и параллелей, нежели текст гомилии, атрибутируемый Афанасию. В частности, за диалогом Иосифа и Марии у Прокла следует диалог архангела Гавриила и Марии, прообразом которого является как раз приведенная в самом начале статьи сцена Благовещения в Евангелии от Луки. Эпизод уверения Иосифа в энкомии Прокла также содержит упоминания образов рождественского сюжета (ангелы, звезда, волхвы), а также события, которые непосредственно связываются с Рождеством (пение ангелов, явление звезды, «бесплотный» брак Иосифа и Марии, принесение волхвами даров с востока):

…τὴν ἀγγελικὴν ἐθεάσατο χοροστασίαν. …τὸν ἄστερα κατενὸησε. … τους θεσαυρούς τῶν ἀνατολικῶν ἐδέξατο μάγων… (ангелов узрев пение;… звезду заметив;… сокровища волхвов с востока приняв).

В целом содержание диалога в гомилии, атрибутируемой Афанасию, традиционно для диалогов Марии и Иосифа: сомнение Иосифа в девственности и верности Марии и ответ Марии на эти сомнения.

Данный диалог интересен с точки зрения его языковой и поэтической связи с диалогами Марии и Иосифа других авторов: Протоевангелия Иакова (предположительный первоисточник многих гимнографических и гомилетических текстов на Благовещение), кондака Романа Сладкопевца, гомилий псевдо-Златоуста, энкомия Прокла Константинопольского. Первое, на что здесь необходимо обратить внимание, – это система персонажей (тех, кто участвует в диалоге). Дело в том, что все указанные выше тексты – благовещенские по тематике, а в этом случае прецедентным для них текстом является фрагмент текста Евангелия от Луки, приведенный в начале статьи. В евангельском эпизоде Благовещения есть только два

Filologia_5_14.indd 189 14.02.2015 23:36:58

героя – Мария и архангел Гавриил, в то время как авторы указанных текстов – неизвестный автор Протоевангелия, Роман Сладкопевец, Прокл Константинопольский – как бы расширяют рамки этого эпизода и включают в него еще и то, что «осталось за кадром» у евангелиста: как отреагировал Иосиф, когда открылась беременность Марии. Соответственно, все их гомилии на Благовещение содержат не только традиционный элемент – диалог Марии и Гавриила – но и не совсем типичный – диалог Марии и Иосифа, темой которого также является Божественное Воплощение. Все подобные тексты хронологически относятся к более раннему периоду: в позднейших текстах, относящихся к VII–VIII вв. (например, Андрея Критского), содержится только разговор Марии с архангелом.

Диалог в гомилии Афанасия слишком краток, в то время как подобные диалоги, содержащиеся в других авторских гимнографических и гомилетических упомянутых текстах, пространны, поэтому здесь не представляется возможным провести какие-то структурные параллели. Кроме того, несколько отличается структура диалогов в анализируемой гомилии и в текстах упомянутых авторов: в проповеди, приписываемой Афанасию, всего две реплики – Иосифа и Марии, в то время как в других гомилетических текстах (например, Прокла или псевдо-Златоуста) диалог между Марией и Иосифом представляет собой обмен несколькими репликами.

При этом между текстами Афанасия и Прокла наблюдаются некоторые содержательные и текстуальные сходные моменты:

Проповедь, атрибутируемая Афанасию	Энкомий Богородице, атрибутируемый Проклу
Мотив обвинения и защиты (прощения)	
Иосиф: οὐχ εὑρίσκεις ἀπολογίαν πρὸς τὴν τιμωρίαν (не находишь оправдания бесчестию)	Мария: Δικάζων τρόπον πορνείας, οὐ δίδως τόπον ἀπολογίας (Судишь как беззаконную, не даешь оправдания)
Образ беременного («увеличенного») чрева Марии	
Мария: Τί ἐφυβρίστοις ὀφθαλμοῖς τὸν ὄγκον τῆς γαστρός μου περιβλέπεις (Что надменными глазами на увеличившееся чрево Мой смотришь?)	Мария: Βεβηλωμένην ἐννοείς, ὅτι ὠγκωμένην με θεωρείς (Оскверняешься мыслью, с увеличенным чревом Меня видя)
Мотив «невместимого Бога», «поселившегося» в чреве Марии	
Мария: Κρινεῖ μοι Κύριος ταύτην τὴν ἁμαρτίαν, ὁ χωρήσας, ὡς οἶδεν, εἰς τὴν ἐμὴν κοιλίαν (Судит Господь все Мои грехи, поселившийся, как видно, в Моем чреве)	Мария: Οὐδείς δίκας ἐμὲ δυνήσεται εἰσπράξασθαι . κοινὸν γὰρ Δεσπότην βαστάζω (Никто не судит Меня властно – Я Г***о***спода всех ношу)
Мотив незнания, неведения Иосифа	
…ὅΙωσὴφ, ὡς εἶδεν αὐτὴν κατὰ γαστρὸς ἔχουσαν, τὸν ἔνδοθεν θησαυρὸν ἀγνῶν… (Иосиф, видя, что Она [Мария] во чреве имеет, не знал при этом о сокровище, которое внутри)	Повторяющиеся слова, описывающие состояние Иосифа: ἄγνοια, ουκ ἐγίνωσκεν, οὐκ ἐμνήσκετο, οὐκ ᾔδει (не зная, не узнал, не познал)

Filologia_5_14.indd 190 14.02.2015 23:36:58

Мотив Рождества (рождественские образы и события)	
Мария: ... ποιμένες σε πείσουσιν . μάγοι σε πληροφορήσουσιν . ἀστήρ σε δυσωπήσει . ἄγγελοί σε κατανύξουσι… (пастухи слушаются; волхвы дароносят; звезда возвещает; ангелы поклоняются)	τὴν ἀγγελικὴν ἐθεάσατο χοροστασίαν. …τὸν ἄστερα κατενὸησε. … τους θεσαυρούς τῶν ἀνατολικῶν ἐδέξατο μάγων… (ангелов узрев пение;… звезду заметив;… сокровища волхвов с востока приняв)

Подобные текстуальные и содержательные параллели можно свести в условную систему:

1) мотивы – мотив неведения Иосифа: Иосиф обличает Марию в неверности по незнанию о тайне Божественно воплощения, но не по неверию;

2) образы – рождественские (волхвы, пастухи, звезда);

3) некоторые текстуальные совпадения, т. е. использование одинаковых лексем (например, когда речь идет о беременности Марии).

Что касается нескольких мариологических образов, то в проповеди Афанасия эти образы традиционны: образ Марии как второй Евы, искупающей грех Евы первой; образ Девы, ставшей Матерью и носящей во чреве Спасителя. Подобные мариологические метафоры встречаются в наиболее ранних, часто анонимных текстах, в частности, в сирийских гимнах и являются «общими местами» различных текстов, посвященных Богородице.

Выше было указано на то, что текст гомилии неоднороден: это проявляется в наличии драматического элемента (диалога), который по содержанию является благовещенским, в то время как сама проповедь имеет скорее рождественский характер. Вопрос заключается в том, зачем именно нужна была эта драматическая вставка.

С одной стороны, представление двух сюжетов – благовещенского и рождественского – в одной проповеди указывает на связь этих событий в сознании автора проповеди, а также христианина того времени. Литургически эти праздники также были связаны друг с другом. Значимость данной проповеди заключается в том, что в ней контаминируются различные евангельские сюжеты – прежде всего Благовещение и Рождество (а также события последних дней земной жизни Христа), однако из диалога Марии и Иосифа видно, что автор гомилии пользовался благовещенской схемой, предложенной евангелистом Матфеем, притом что в проповеди цитируется Лука (однако в случаях, не относящихся непосредственно к Благовещению). Таким образом, данный текст служит указанием на родство двух событий и на изначальную связь двух праздников.

С другой стороны, подобная вставка могла быть осуществлена другим автором (не автором проповеди, которым предположительно считают Афанасия). Мотивы, по которым анонимный автор/переписчик мог подставить диалог в уже имеющуюся гомилию, вполне

Filologia_5_14.indd 191 14.02.2015 23:36:58

возможно, заключаются в уже существовавшей тогда традиции «священных драм», как это явление называет один из исследователей драматических гомилий, Ла Пьяна [La Piana, 1912: 345].

Особенность гомилий с драматическим элементом, о которой стоит упомянуть, – это наличие контекста: диалог Марии и ангела помещен в гомилетический нарратив, а не представлен как самостоятельный текст. Эта особенность присутствует в других гомилиях – в гомилии, приписываемой Исихию Иерусалимскому, а также в более поздних гомилиях Софрония Иерусалимского и Андрея Критского, включающих диалог евангельских персонажей. Однако необходимо отметить, что несколько текстов, часто обозначаемых как гомилии, не обладают такой особенностью и представляют собой скорее литературное произведение, изображающее разговор персонажей, нежели проповедь. К таким текстам относятся: кондак преп. Романа Сладкопевца (если считать кондак жанром, возникшим как переработка древних гомилий), две проповеди псевдо-Златоуста («На Благовещение Преславной Владычицы нашей Богородицы», начало: «Вновь радостные благовествования…»; «На Благовещение Пресвятой Богородицы», начало: «Воспразднуем сегодня праздник царственных тайн…»). В указанных текстах не содержится гомилетического элемента: проповедник не поучает, не наставляет, не восхваляет, например, добродетели Марии. Указанные тексты полностью представляют собой диалоги евангельских персонажей.

В этом смысле рассмотренная проповедь, приписываемая Афанасию Александрийскому, является именно проповедью, включающей необычный для гомилетического жанра элемент – диалог. Гомилия Афанасия синтезирует в себе те поэтические черты, которые затем перейдут в другие восточнохристианские проповеди: совмещение в структуре нарратива и диалога, использование традиционных евангельских сюжетов в необычной интерпретации, использование определенных ритмических и художественных средств для передачи богословских смыслов.

Список литературы

Conybeare F.C. Rituale Armenorum, being the Administration of the Sacraments and the Breviary Rites of the Armenian Church. Oxford, 1905.

La Piana G. Le rappresentazioni sacre nella letteratura bizantina dale origini al secolo IX. Grottaferrata, 1912.

Patrologia Graeca (PG). Excudebatur et venit apud J.-P. Migne Editorem, 1858. Vol. XXVIII; LXV.

Сведения об авторе: *Волкова Анна Геннадьевна,* аспирант кафедры церковно-практических наук Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия Московской Патриархии (г. Москва). E-mail: volk8585@bk.ru

Filologia_5_14.indd 192 14.02.2015 23:36:58

Д.Б. Терешкина

МИНЕЙНЫЙ КОД В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

В статье анализируется минейный код в ораторской прозе Феофана Прокоповича. Обращение к житиям святых, тезоименитых прославляемым особам, не сводится лишь к воссозданию основных эпизодов жития святого патрона, а составляет целую систему уподоблений, риторической амплификации и семантического расширения, вводящего современные Ф. Прокоповичу события и лица в исторический контекст Священной истории, отраженной в Писании и Предании, создает дидактическую модель устройства человеческого общества по образцу сонма святых, прославленных церковью.

Ключевые слова: ораторская проза, минейный код, жития святых, тезоименитство, поэтика уподобления, семантика имени.

The article analyzes *mineiny code* in rhetorical prose by Theophan Prokopovich. Appeal to saints' lives, as well as namesake celebrated personages is not confined to the reconstruction of the main episodes of the life of the patron Saint and constitutes a whole system of similes, rhetorical amplification and semantic extension, introducing events and persons contemporary to Prokopovich into the historical context of the Sacred history, as recorded in the Scriptures and the Tradition, creates a didactic model of human society as a host of saints glorified by the Church.

Key words: public speaking prose, mineiny code, saints' lives, nameday, poetics of likeness, semantics of the name.

Речи и проповеди Феофана Прокоповича, одного из самых ярких представителей русской словесности и ораторского искусства Петровского времени, являются примером совмещения церковной и светской традиций книжности, которым характеризуется начало формирования русского литературного языка и новой русской литературы.

Минейным кодом мы называем систему художественных приемов, связанных генетически и эстетически с концептуальным текстом русской культуры – Четьими-Минеями, собранием четьих текстов учительно-агиографического круга, систематически изложенных по дням и месяцам церковного года. Слова и речи Феофана Прокоповича были зачастую записанными (и изданными) позже его собственными проповедями, имели приуроченный к церковному календарю характер, а также прочно связывались с государственными событиями. Использование Четьих-Миней проявилось в темах прославления монарших особ в день их тезоименитств, в поэтике

Filologia_5_14.indd 193 14.02.2015 23:36:59

уподобления прославляемых государственных деятелей известным и почитаемым святым, в актуализации этимологии имени, принявшей в эпоху барокко эмблематический характер[1].

Фигура сравнения прославляемых особ с героями и подвижниками предшествующих эпох есть почти во всех речах и проповедях Феофана Прокоповича. Однако несколько текстов содержат минейный код в самой своей тематике, отражающей, прежде всего, приуроченность речи к тому или иному событию: чаще всего это день тезоименитства и день памяти святого – покровителя героя речи. Из опубликованных речей Феофана Прокоповича таковых три: «Слово похвальное <…> на тезоименитство благоверныя государыни Екатерины <…>»[2], «Слово в день святаго благовернаго князя Александра Невскаго<…>»[3], «Слово на похвалу <…> памяти Петра Великаго <…> в день тезоименитства его <…>»[4].

«Слово на тезоименитство Екатерины» было произнесено в Троицком соборе Санкт-Петербурга 24 ноября 1717 г. и сразу было издано отдельной брошюрой[5]. «Слово» предваряется эпиграфом из Псалтыри (8:6) «Крепка яко смерть любы». Подходя к предмету речи издалека, Ф. Прокопович рассуждает вначале о любви истинной и ложной (лицемерной). Утверждая, что только истинная любовь к Богу равна по силе смерти, Ф. Прокопович, умело сближая два явления – любовь и смерть – в образе мучеников, подступает к главному предмету речи – дню памяти святой великомученицы Екатерины. Обращаясь к житию Екатерины, Прокопович пересказывает его в двух фрагментах своей речи. Повествуя о мучениях святой, в которой любовь к Богу была сильнее смерти, Ф. Прокопович не живописует мученические страдания Екатерины, натуралистическими подробностями которых полно житие святой – судя по всему, это житие Екатерины, одной из наиболее почитаемых христианских святых, было хорошо известно (автор речи просто отсылает слушателя к тексту жития: «Чти историю страдания ея» (с. 131))[6]. Ф. Прокопович мог отсылать

---

[1] «Если же говорить о лизости Феофана к какому-нибудь направлению, то, безусловно, о близости к барокко, а не к классицизму» (*Кибальник С.А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Сб. 14. АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М., 1983. С. 194).

[2] *Феофан Прокопович.* Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и комм. И.В. Курукин. М., 2010. С. 128–136. Здесь и далее ссылки на тексты проповедей в настоящем издании. Страницы указываются в тексте в скобках.

[3] *Феофан Прокопович.* Избранные труды. С. 154–164.

[4] *Феофан Прокопович.* Избранные труды. С. 202–220.

[5] *Феофан Прокопович.* Избранные труды (Комментарии). С. 580.

[6] Культ святой великомученицы Екатерины, широкий на Западе и заметный на Руси, начиная с посвящения святой храмов (в том числе в Новгороде деревянного, сгоревшего в 1310 г.), стал еще более распространенным (в частности, в литературе), когда имя Екатерина вошло в именник царской фамилии (с 1658 г., когда родившаяся у царя Алексея Михайловича дочь была наречена Екатериной по видению, явив-

Filologia_5_14.indd 194 14.02.2015 23:36:59

к «истории страдания» Екатерины в любом из доступных тогда источников, поскольку страдания святой были известны на Руси еще с ранних служебных миней[7], а полное житие святой содержится под 24 ноября в Четьих-Минеях Дмитрия Ростовского[8]. Ф.Прокопович заражает слушателя (читателя) речи чувством искреннего изумления величием подвига святой, имевшей к смерти полное пренебрежение. Это чувство Ф.Прокопович передает не пересказом известного житийного текста, а риторическими фигурами антитезы, усиления, повторов, сравнения, поэтизмов, вопросов, апеллирующих к сердцу и разуму читателя: «Женский пол по естеству безсильный, тонкий; не просто же пол женский, но девица благородная, красная, богатством, и славою, и многими природными добротами цветущая, а аще во оных летех, в самую весну юности, когда самая сладость жития. Таковая дева и в таковое сладчайшее время не точию вознерадела о всех красотах и утехах своих, но во узы, и темницы, и на позорище безчестное, на орудия мучительския и на самую поносную и горькую смерть с таковым благодушеством устремися, с каковым, не мню, аще идут инныя в чертог брачный» (с. 131). Ф. Прокопович, таким образом, произносит речь не столько во славу почитаемой святой, сколько проецирует ее житие на жизнь современников, говоря на их языке и взывая к их добродетели. Это признак высокого красноречия, когда предмет речи дается опосредованно и вместе с тем в прямой связи с современными оратору событиями[9].

Во второй раз Ф. Прокопович обращается к житию Екатерины, иллюстрируя вторую часть своей мысли об истинной любви – любви к ближнему. И вновь Феофан не пересказывает житие, а лишь упоминает о событиях последних дней жития великомученицы, заботившейся не о себе в часы страшных испытаний, а о душах других людей, спасающихся рядом с ней. Из текста жития известно о многих язычниках, уверовавших во Христа благодаря страданиям и твердости св. Екатерины. Прокопович, вновь отсылая читателя к тексту жития (замечая в скобках: «еже историа о ней повествует»), восклицает в восхищении: «Но узрим любовь истинную и во образе, в лице святыя великомученицы Екатерины <…>, яко лютых соперников своих не

шемуся царю во сне). См. о св. Екатерине: Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 100–115.

[7] Так, имеется «древнейший список в составе новгородской Минеи на нояб. 1097 г.» (Екатерина // Православная энциклопедия. С. 103).

[8] Об одном из возможных источников сведений о житии св. Екатерины, «Анфологионе» Арсения Грека, изданном в 1660 г., см.: *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 430.

[9] О риторических приемах, применяемых Феофаном Прокоповичем в его ораторской практике и изложенные в виде теории в его «Риторике», см.: *Кибальник С.А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича. С. 193–206.

Filologia_5_14.indd 195 14.02.2015 23:36:59

точию не возненавиде, но и от погибели, яко орудие Божие, избави. <…> Где не было времени и мыслити о других, находящу толь страшному подвигу, она тамо попечением чуждаго спасения забыла настоящаго бедствия своего <…>» (с. 133, 134). И здесь Прокопович не забывает своей главной темы – «крепка яко смерть любы», завершая повествование о святой мыслью о победе любви над самой смертью: «И кто не видит и сию в ней любовь крепку яко смерть быти, егда за радость о блаженстве ближняго наведе нечувствие толиких болезней, безчестия и самой лютой надходящей смерти!» (с. 134)

Эти две главные темы проявления любви – к Богу и к ближнему – Ф. Прокопович делает предметом восхваления в императрице Екатерине, в которой главной добродетелью он видит совершенную любовь. В истинной любви и заключается сходство императрицы с тезоименитой святой: «Поздравляем тезоименитую святой сей девице, но видим ей же и подобонравную» (с. 134). Любовь к ближнему являет императрица Екатерина, разделяя все тяготы военной жизни и пренебрегая смертельной опасностью в Прутском походе, при значительном превосходстве сил противника. Ф. Прокопович умело обыгрывает и эту деталь: императрица, проявившая в военном времени поистине мужскую стойкость и отвагу, уподобляется святой Екатерине, претерпевшей такие страдания, «аще бы едину некую сего часть претерпел сильный исполин, – не было бы вельми дивно?» (с. 131). Имеющийся в житии св. Екатерины мотив «естественной любви» (в эпизоде о царе-мучителе Максимиане и его супруге Августе, вопреки воле мужа принявшей христианство), сквозит в «Слове» Прокоповича именно в эпизоде сопровождения Екатериной мужа в его военных походах – в этом оратор видит соединение любви «естественной» (плотской) и божественной, т. е. христианской любви к ближнему. Любовь к Богу в Екатерине-современнице автор видит в стяжании всяческих добродетелей, главной из которых считает кротость (эта черта как главная указывается в житии св. Екатерины редакции Дмитрия Ростовского), а также в учреждении ордена св. Екатерины – в знак заступничества Господа и св. Екатерины, благодаря которому «монарха нашего … в оном лютом прутовом обстоянии цела и невредима сохрани Господь» (с. 136). То, что сама Екатерина царским указом была награждена этим орденом, Ф. Прокопович расценивает как свидетельство соединения двух видов любви – к Богу и к ближнему. Именно в этом соединении истинной любви видит Прокопович тождество не только имени, но и жизненного и житийного пути императрицы, тезоименитой святой мученице. Минейный код «Слова на тезоименитство Екатерины» становится гораздо более глубоким и многозначным, чем простая апелляция к житию в день памяти святой, одноименной прославляемой императрице.

Filologia_5_14.indd 196 14.02.2015 23:36:59

Усилению этого «кода» способствует аллюзивность как слова самого Ф. Прокоповича, так и жития поминаемой святой, которое само по себе представляет гипертекст как систему отсылок к Священному Писанию. Известно, что именно оно являлось для Ф. Прокоповича, воспитанного западной культурой, главным авторитетом. В его речах как проповедника и оратора отсылки к Священному Писанию являются главным риторическим приемом и главным духовным ориентиром в его философских изысканиях. В «Слове на тезоименитство» отсылки к Священному Писанию начинаются с эпиграфа и продолжаются на протяжении всей речи, включая в себя многочисленные цитаты из Псалтыри, первого соборного послания ап. Иоанна, послания к колоссянам ап. Павла, книг пророков Исайи и Иеремии, Евангелия от Матфея и др. Апофеозом становится обширная цитата об истинной любви из послания коринфянам апостола Павла (13: 4–8) «Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своя си, не раздражается, не мыслит зла <…>» (с. 133). Широкий контекст Священного Писания, включенный в «Слово», не только вводит предмет речи в контекст общечеловеческой истории и придает ему вневременной характер, но и словно сближает двух Екатерин, ибо в равной мере вечное слово Писания может быть применимо и к святым, и к тезоименитым им простым смертным, к вечности во Христе стремящимся – и в нее, по вере, попадающим.

Совсем иной характер имеет «Слово в день <…> Александра Невского», сказанное Феофаном Прокоповичем в Александро-Невском монастыре 23 ноября 1718 г. (издано в 1720 г.). «Апостол Петр и Александр Невский считались небесными покровителями основанной на берегах Невы новой русской столицы»[10]. Эпиграфом к этому Слову избраны слова из Евангелия от Луки (10: 25) «Учителю благий, что сотворив, живот вечный наслежду?». Слова, входящие в притчу о добром самарянине, получают в Слове Ф. Прокоповича совершенно новое толкование. Утверждая, что вопрос «Как мне спастись?» является главным для всей жизни человеческой, Прокопович отвечает на него тем же евангельским словом – «Мы убо, христиане, <…> не отходим сердцем и умом от Христа» (с. 155), вновь, как и год назад, в день святой Екатерины, говорит о любви к ближнему и любви к Богу. Но «о любви самаго Бога оставим ныне, точию о любви ближняго разсудим», – намечает главную тему своей речи Прокопович. И поворот этой темы необычен: Феофан говорит не об отвлеченных рассуждениях о любви к ближнему, а о человеческом призвании.

Спасению во Христе, утверждает Прокопович, не препятствуют никакие земные различия людей: ни пол, ни отечество, ни возраст, ни

[10] *Феофан Прокопович*. Избранные труды (Комментарии). С. 582.

Filologia_5_14.indd 197 14.02.2015 23:36:59

брачное или безбрачное положение, «ниже неравенство фортуны, яко се раб, а то свободь или господин» (с. 156). Индивидуальный путь спасения выражается апостольской формулой: «Кийждо в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает» (1 Коринф. 7: 20). Мнение, будто лишь монахи спасутся и безбрачные обретут Царствие Небесное, Прокопович с жаром отвергает: «Худое воистинну (аще тако есть) и безбожное мнение!» (с. 157) и приходит к выводу о том, что «не отмещет Бог, но и паче похваляет различие чинов» (там же), ибо в различии людей есть воля Господня. Всякий чин, «правильно приемлемый, от самаго Бога подается» (с. 159), рассуждает Прокопович, и доходит до темы власти: «Несть власть аще не от Бога» (там же). Сославшись на многие книги Ветхого и Нового Заветов, в коих говорится о личном служении человека людям и Господу, Прокопович переходит к изложению служения Александра Невского. Феофан сетует, что во времена великого князя (автор речи именует его «государем российским») не было составлено пространное житие его, «а имели бы мы, надеюся, много полезнаго учения» (с. 160). Житие Александра Невского Прокопович вновь излагает не в виде пересказа известного текста, а, вспоминая подвиги князя, иллюстрирует ими свою основную мысль – о призвании человека и служении ему. Риторическое обращение к слушателям («Мощно ли знати, о слышателие, яко не спал кормчий сей, егда в таком волнении корабль цел сохранил» (с. 161)), риторические вопросы, суть которых сводятся к одной мысли: не является ли нам примером святой Александр Невский, честно прошедший тяжелый и великий путь свой?[11]

«Слово в день Александра Невского» построено, как образец ораторского искусства, блестяще. Диалогизированность речи, яркие формульные обороты, мускульность изложения, ритмизирование синтагм, эмоциональная насыщенность – все это создало прекрасную форму соответствующего содержания – прославление князя-воина, чья речь сама по себе вошла в историю лаконизмом и величием. Обращение к житию святого полководца приводит Прокоповича к ясному и простому, полному жизненной правды и осознания Божия величия выводу: «Видиши всяк пути твоя, тецы. Веси всяк подвиги твоя, подвизайся» (с. 162). Именно в полном исполнении этого девиза видит Прокопович величие Петра Первого, всеславно утвердившего

[11] «Такой подход к проблеме личного спасения и последующее изложение воинских и государственных заслуг Александра Невского не был случайным. В постановлении Синода от 15 июня 1724 г. предписывалось: «Святого благоверного великого князя Александра Невского … отныне … в монашеской персоне никому отнюдь не писать … а писать того святого образ во одеждах великокняжеских» <…>» (Панегирическая литература петровского времени // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.) / Под ред. О.А. Державиной. М., 1979. С. 87).

Filologia_5_14.indd 198 14.02.2015 23:36:59

завоевания Александра Невского и поставившего на Неве престол свой. Прославлением дел царя Петра Феофан завершает свое похвальное Слово.

Минейный код «Слова на день Александра Невского» является, пожалуй, наиболее отчетливым. Он проявляется не только в обращении к конкретному житийному тексту, но и в некоей модели земного устроения подобно небесному сонму святых, прошедших свой земной путь согласно воли Божией и за это удостоившихся земного прославления и небесного блаженства. Эта минейная «модель» представлена в «Слове» Прокоповича небольшим, но емким периодом, сказанным словно в оправдание того, что в земной речи приходится говорить о земном устроении, а не только о прославлении святых, которые «наше исправление, к сожитию их ведущее, вменяют себе в самое лучшее прославление свое» (с. 156), предостерегая от пустословия в восхвалении святых, ибо «воспоминаше <…> Златоустый святый, научая, яко всуе хвалит святых той, иже не подражает святыни их» (там же). Истинное прославление святых состоит в исправлении своего пути по их примеру. Эта далеко не новая мысль звучит у Ф. Прокоповича весомо в том числе потому, что далека от схоластического повторения известных слов, а облечена в форму злободневную, приурочена к событию и предмету речи, обращена к каждому и каждого этому пути уподобляет – будь только на то воля человека. Святые, потому минейно (т. е. ежемесячно, ежедневно, по-датно) прославляемы, поскольку являют индивидуальный пример спасения в роли, данной Богом, составляют общий сонм угодников, который и есть модель жизни: при многообразии каждого – общая любовь и спасение. Это «небесное жительство» святых Феофан представляет в живописной картине, которую Прокопович видит так явственно, что это не оставляет возможности усомниться в ее истинности: «Обаче не усумневаюся, яко святи угодницы Божии, безпечальнаго онаго уже доплывши брега, аки обратившееся, посматривают на море житейское и нас, братию свою, волнящыхся еще и бедствующих видят, не так своих себе от нас похвал хотят, сущее от самаго славы Господа прославленни, – яко тогожде нам блаженства желают, которое они получили, си есть наследования живота вечнаго» (с. 156). Эмоциональный подъем, сдобренный художественным и религиозным воображением, более свободным, нежели в гимнографическом каноне, по-новому актуализировал минейный текст, придавал ему, в литературной форме, общехристианское и общечеловеческое звучание.

Развивая свою мысль о необходимости исполнения каждого предназначенного ему долга и приходя к совершенно справедливому выводу («Не были бы нестроения, свары, зависти, суды неправыя: вся бо сия от того происходят, яко не ведаем, или ведати не хощем,

Filologia_5_14.indd 199 14.02.2015 23:36:59

или, и ведая, не тщимся творити всяк своея должности» (с. 162)), Ф. Прокопович поднимает тему ложного пути спасения. Этот путь проповедник видит в вере в лжепророчества, которые, знай о них человек, якобы гарантируют ему спасение без трудов к этому спасению. С гневом обрушиваясь на всех «лицемеров, мнимых святцев и разве для того безгрешных, яко о грехах своих не помышляют» (с. 162), Прокопович говорит об их ложных учениях, только уводящих человека с богоугодного пути: «Видения сказуют, аки бы шпионами к Богу ходили, притворныя повести, то есть бабия басни, бают, заповеди бездельныя, хранения суеверная кладут и <…> безстудно лгут» (с. 162). Не отказывая себе в художественном и религиозном воображении, все «видения» оппонентов Прокопович с едким сарказмом обличает[12] – и являет в этом поистине проповеднический талант и очевидную истину: спастись человек может только своим жизненным подвизанием, дарованием людям и Богу того таланта, который Господь завещал не зарывать в землю («Тако и Богу верный раб явишися, данный тебе талант делая трудолюбне»[13]). Согласно своему времени и собственному жизненному кредо, Прокопович с искренним пафосом и глубоким убеждением отстаивает приоритет делания, гражданской и личностной активности, рвения в исполнении своих гражданских и человеческих обязанностей. Вместе с тем Феофан утверждает абсолютный приоритет священных текстов, в том числе минейных: если есть освященное церковью явление истины в житии святых, нужны ли для земной жизни человека другие ориентиры, которые ложны?

Исследователями давно рассмотрена тема эмблематичности имени в русском барокко и, в частности, в творчестве Прокоповича. «Для мастеров барокко было очевидно, что имя не просто называет, но содержит в себе конструкцию из нескольких смысловых уровней <…> Сходство по признаку имени, описываемое как двойничество, зеркальное удвоение прототипа, дало жизнь столь популярному и типичному для традиций барокко жанру тезоименитого приветствия, где прославление святого переходит в славословие прямому адресату <…>»[14]. Ф. Прокопович, используя этот прием как уже многажды испытанный барочный принцип двойничества (герой – тезоименитый святой), а также как традиционную гимнографическую фигуру обыгрывания этимологии имени, идет в своих проповедях дальше. Он не просто сопоставляет фигуру прославляемого им государственного

[12] См. об остротах и шутках в красноречии Прокоповича: *Кибальник С.А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича. С. 199, 202–203.

[13] *Феофан Прокопович*. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 101. В издании 2010 г. в чтении опечатка («трудолюбие»), искажающая смысл.

[14] См.: *Сазонова Л.И.* Nomen est omen: Имя в риторике и поэзии / Сазонова Л.И. Литературная культура России. С. 227, 219.

Filologia_5_14.indd 200 14.02.2015 23:36:59

деятеля с образом тезоименитого святого священной истории, как это отражено в сопоставлении Петра Великого с апостолом Петром; не только усиливает (в «Панегирикосе») образом библейского Самсона значимость дня поминовения святого Сампсона странноприимца (27 июня), когда состоялась Полтавская битва («Растерзал еси, аки второй Самсон (не без смотрения же, мню, Божия и в день сей Самсонов случися победа твоя) растерзал еси мужественне лва свейскаго»)[15] (в данном случае видим утроение образа, расширение временного и семантического ряда героев общехристианской истории, включая ветхозаветную)[16]. Ф. Прокопович усиливает важнейшую для него мысль: о соответствии имени прославляемого героя тому образу, который используется для его восхваления. Это и уже упоминавшееся высказывание в «Слове похвальном Екатерине» («Поздравляем тезоименитую святой сей девице, но видим ей же и подобонравную»), и примечательное чтение в «Слове на память Петра в день тезоименитства его», в котором наличествуют все константы топоса *nomen est omen* (упоминание об апостоле Петре, метафора Петр – «камень», мотив первенства во царях (как Петра – во апостолах), тема славы отечества, его благодарности Богу за ниспосланного монарха, похвалы герою и его равновеликости тезоименитому святому): «Прежде в сей день торжествовала Россиа, благодаря смотрению Божию за дарованного себе монарха, перваго толикия славы в царех российских первому апостолу тезоименнаго и не всуе имя сие имевшаго, твердаго в вере, крепкаго в деле и как на утверждение отечества, так и на сокрушение супостат наших каменю подобнаго» (с. 202 – 203). Однако, отдавая должное символическому значению имени и риторически это значение многажды углубляя, но идя далее своих предшественников, Ф. Прокопович приходит к неожиданной, но естественной в его рассуждениях мысли: имя человека оказывается не важным, если оно не соответствует его сути. Другими словами, имя человека записано в вечности, только если человек это имя прославил делами своими: как Петр Великий, как Александр Невский, усилившие свои имена

[15] Панегирическая литература петровского времени. С. 197.

[16] Мы не склонны видеть в этом развернутом сравнении Ф.Прокоповича «подстановки», как это считают издатели монографии «Панегирическая литература петровского времени»: «Правда, Прокопович здесь допускает подстановку: 27 июня празднуется день святого Сампсона странноприимца, который ничего общего с библейским Самсоном, кроме имени, не имеет. Но поскольку такая деталь была очень эффектна, Прокопович, видимо, и пошел на такую подстановку» (Панегирическая литература петровского времени. С. 25). Прокопович не подменяет одного образа другим – он лишь сближает их, видя в таком сближении особое провидение Господне (риторически это выражено у Прокоповича предельно корректно: «Самсонов день» в сознании воцерковленного христианина мог быть связан исключительно с новозаветным святым VI в., чье житие изложено, в том числе, в Четьих-Минеях Дмитрия Ростовского под 27 июня, а не с ветхозаветным легендарным героем-судией).

Filologia_5_14.indd 201 14.02.2015 23:36:59

величаниями – дополнениями к имени. В ином случае, рассуждает Ф. Прокопович в «Слове на день Александра Невского», «лучше бы тебе не ведати имени твоего, нежели дела твоего! Лучше бы забыть тебе, как тебе зовут, нежели, что от тебе требует чин твой <…> Приидет час той, когда общий наш Господь, страшный и неумытный судия, вопросит нас не о роде, не о имени, но о деле и о данных всякому талантех стязатися начнет» (с. 163). Велик соблазн связать эти слова Прокоповича с господствующими в петровское время ориентирами, выраженными в «Табели о рангах» (что отчасти было бы верным), однако проповедь Ф. Прокоповича настолько укреплена в религиозных ассоциациях, аллюзиях и цитатных аргументах, что по сути носит не злободневный гражданский ориентированный характер, а имеет вневременное значение, находящееся, прежде всего, в области веры. По мысли Ф. Прокоповича, имя человека тем важнее, чем более ответственно человек относится сам к себе, предъявляя к своему жизненному пути высший счет. Тогда тезоименитство герою или святому будет во славу человеку, а не в его поругание или забвение. В этом Ф. Прокопович близок к учению, появившемуся гораздо позднее, о том, что человек, обретающий имя и реализующий его в полной мере, более всего близок к Богу. Минейный код становится в этом случае моделью истинного предназначения человека, в его, человека, связи со временем и уделом, ему волею Господа уготованным.

Список литературы

Кибальник С.А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Сб. 14. АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М., 1983. С. 193–206.

Панегирическая литература петровского времени // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.) / Под ред. О.А. Державиной. М., 1979.

Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 100–115.

Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

Феофан Прокопович. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и комм. И.В. Курукин. М., 2010.

Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 101.

Сведения об авторе: *Терешкина Дарья Борисовна,* канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филол. ф-та Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. E-mail: terdb@mail.ru

К.А. Герасимова

К ВОПРОСУ О СФЕРАХ БЫТОВАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ Н.А. НЕКРАСОВА «РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА» В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Настоящая заметка посвящена найденному в школьной хрестоматии, принадлежавшей во второй половине XIX в. библиотеке Московской духовной семинарии, рукописному отрывку из стихотворения Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда».

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, стихотворение «Размышления у парадного подъезда», Московская духовная семинария, списки стихотворений Н.А. Некрасова.

The present article deals with a handwritten extract from N.A. Nekrasov's poem “Reflections at the Grand Entrance”. The extract was discovered in the school reading book that belonged to the library of Moscow Theological Academy in the mid-to-late XIX century.

Key words: N.A. Nekrasov, the poem “Reflections at the Grand Entrance”, Moscow Theological Academy, copies of N.A. Nekrasov’s poems.

Стихотворение Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858), как известно, впервые было опубликовано в «Колоколе», без подписи, с заглавием «У парадного крыльца»[1]. В русской легальной печати оно появилось в 1863 г.[2] Автограф стихотворения не найден, в академическом Полном собрании сочинений Н.А. Некрасова оно печатается по изданию 1873 г.[3] Как утверждается там же, имеются многочисленные рукописные копии его текста. В данной заметке мы хотели бы представить еще один неизвестный список части этого текста. В третьем томе «Русской хрестоматии» А. Филонова («Драматическая поэзия», цензурное разрешение – 20 ноября 1863 г.), мы обнаружили на втором форзаце книги переписанные от руки 15 последних строк стихотворения «Размышления у парадного подъезда»[4]. Найденный список лексически ближе всего к первой

[1] Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон; Женева. Факсимильное издание. М., 1962. Вып. 3. Лондон, 1860. С. 505–506.

[2] См.: *Некрасов Н.А.* Стихотворения. СПб., 1863. Ч. 2. С. 187–191.

[3] См.: *Некрасов Н.А.* Стихотворения. СПб., 1873. Т. 2. Ч. 3. С. 7–14.

[4] *Филонов А.* Русская хрестоматия. Т. III: Драматическая поэзия. СПб., 1863.

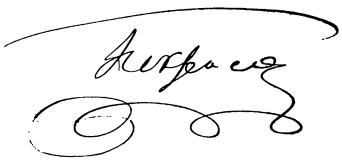
Filologia_5_14.indd 203 14.02.2015 23:36:59

легальной публикации стихотворения в упоминавшемся сборнике 1863 г. (см. сноску 2; цензурное разрешение – 12 января 1863 г.). Приведем для наглядности текст, найденный в хрестоматии, в сопоставлении с первым печатным вариантом[5].

Список из хрестоматии А. Филонова	**Текст первого легального издания 1863 г.**
Выдь на Волгу: чей стон раздается Над великою Русской рекой? Этот стон у нас песней зовется. *Это* бурлаки: идут бичевой. Волга! Волга весной многоводной Ты не так заливаешь поля Как великою скорбью народной Переполнилась наша земля. Где народ! там и стон. Эх сердечный Что же значит твой стон бесконечный *Ты проснешься*, исполненный сил Иль судеб повинуясь закону Все что ты уже совершил Создал песню подобную стону И духовно навеки почил?	Выдь на Волгу: чей стон раздается Над великою русской рекой? Этот стон у нас песней зовется – *То* бурлаки идут бичевой!... Волга! Волга! Весной многоводной Ты не так заливаешь поля, Как великою скорбью народной Переполнилась наша земля – Где народ, там и стон… Эх, сердечный! Что же значит твой стон бесконечный? *Ты проснешься*, исполненный сил, Иль судеб повинуясь закону, Все что *мог* ты уже совершил, - Создал песню подобную стону И духовно навеки почил?

Как видим, наиболее значительные лексические отличия касаются строк, которые в тексте, представленном в академическом Полном собрании сочинений Н.А. Некрасова, выглядят так: «Ты проснешься ль, исполненный сил» и «Все, что мог, ты уже совершил»[6]. Первая строка сближает список с изданием 1863 г., последняя же отличается и от текста 1863 г., и от основного текста 1873 г.

Кроме того, в хрестоматии под списком сделана подпись «Некрасов» с росчерком, напоминающим росчерк самого Некрасова, но удлиненный и извилистый:



В издании 1863 г., к которому ближе всего наш текст, а также в последующих изданиях 1860-х годов, которые в целом повторяют издание 1863 г., подпись Некрасова не воспроизводилась.

На первом форзаце хрестоматии есть запись: «Моск. Духовн. семинарии», т. е. книга, очевидно, принадлежала библиотеке Московской духовной семинарии. Это, с нашей точки зрения, придает

[5] Сохраняем пунктуацию источников. Курсив наш.

[6] *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. II: Стихотворения 1855–1866 гг. Л., 1981. С. 49.

Filologia_5_14.indd 204 14.02.2015 23:36:59

тексту специфический интерес, поскольку очевидно «революционный» фрагмент на первый взгляд трудно соотносится с той сферой интересов, которая преимущественно ассоциируется с семинарией. Соответственно встает целая группа вопросов: кто сделал данный список, откуда он взял издание Некрасова и с какой целью он его переписал. Очевидно, что однозначно или даже с большой точностью и подробностью ответить на эти вопросы невозможно, однако некоторые предположения на основании имеющихся данных мы попытаемся сделать.

Хорошо известно, что в начале 1860-х годов в учебных заведениях заметно активизировалась политическая жизнь. Это касается не только университетов, но и средних учебных заведений. Среди них, как отмечают некоторые исследователи, наибольшая политическая активность стала наблюдаться у учащихся духовных семинарий[7]. Это связывают с тяжелыми материально-бытовыми условиями семинаристов, а также с большей сплоченностью воспитанников семинарий по сравнению с учащимися гимназий и реальных училищ. Известно, что в начале 1860-х годов революционные идеи проникали в семинарскую среду «сверху», т. е. прокламации часто распространяли сами преподаватели семинарий. Особенно здесь прославилась Пермская духовная семинария, наставники которой организовали в 1861 г. революционный кружок и занимались распространением прокламаций Герцена, причем даже после расследования и арестов уцелевшая часть кружка переехала в Казань и продолжила там свою деятельность в 1862 г.[8] Этот период характерен и пробуждением у воспитанников семинарий большого интереса к чтению и театру. «Самым распространенным увлечением семинаристов, – отмечает А.В. Сушко, – было чтение художественной литературы, как отечественной, так и зарубежной, несмотря на существовавший запрет чтения»[9]. При семинариях организуются (нередко нелегально) ученические библиотеки[10]. Эти два обстоятельства можно считать предпосылками для проникновения некрасовских стихов в духовную семинарию.

В Московской семинарии, библиотеке которой принадлежала интересующая нас книга, очевидно, шли типичные для таких заведений процессы. В 1855/1856 учебном году здесь была открыта ученическая библиотека «в видах содействия образованию воспитанников»[11]. Инициатором открытия библиотеки был ректор семинарии архи-

[7] См.: *Сушко А.В.* Духовные семинарии в пореформенной России, 1861–1884: Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 175.

[8] Там же. С. 176–177.

[9] Там же. С. 164.

[10] Там же. С. 84.

[11] *Кедров Н.И.* Московская духовная семинария. 1814–1889 (Крат. ист. очерк). М., 1889. С. 69.

Filologia_5_14.indd 205 14.02.2015 23:37:00

мандрит Леонид. Составилась библиотека из книг, пожертвованных разными лицами, а затем пополнялась за счет сборов, которые делали в своей среде сами ученики (от 100 до 150 р. в год). Сами же ученики и заведовали библиотекой первое время, но «с 1863–1864 года» она поступила под надзор «одного из профессоров семинарии и приведена им в благоустроенное состояние»[12]. Видимо, здесь сыграло роль «предложение» государя Синоду в 1862 г. «обратиться к епархиальным архиереям «с убеждением – охранить духовно-учебные заведения от некоторых заслуженных нареканий…», что и было Синодом исполнено[13].

Представить, что сборник стихотворений Некрасова издания 1863 г. мог попасть в библиотеку, сложно, но не невозможно, поскольку книга вышла в самом начале 1863 г. (цензурное разрешение, как уже было сказано, дано 12 января), а под контроль библиотека была взята, видимо, все-таки с начала *учебного* года. До нас дошло два каталога ученической библиотеки Московской духовной семинарии. Первый из них относится к 1899 г.[14] Отдел «Литература» составляет 564 тома, причем представлены собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Островского. Второй каталог относится уже к 1905 г.[15] Здесь соответствующий отдел представлен лишь 221 томом. Из названных выше собраний уцелело только собрание сочинений Гончарова. Ни одного издания произведений Н.А. Некрасова в указанных каталогах не значится. Сам факт того, что текст переписан, видимо, говорит о том, что в печатном виде в семинарии он был недоступен.

Судя по всему, список сделан именно студентом. На это указывает как назначение книги, так и карандашные пометки в ней, сделанные, судя по почерку, переписчиком некрасовского стихотворения. Они уточняют перевод текста с древнегреческого[16]. Некоторые пометы на полях позволяют отчасти представить общественные взгляды этого неизвестного семинариста. Больше всего подчеркиваний встречается в тексте трагедии Софокла «Антигона»[17]. Читатель

---

[12] Там же. С. 69.

[13] См.: *Титлинов Б.В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905. Л., 1924. С. 19.

[14] Каталог ученической библиотеки Московской духовной семинарии. Вып. 1. М., 1899.

[15] Каталог ученической библиотеки Московской духовной семинарии. Вып. 2. М., 1905.

[16] См.: *Филонов А.* Русская хрестоматия. Т. III: Драматическая поэзия. СПб., 1863. С. 210, 216.

[17] В хрестоматии А. Филонова печатается сокращенный перевод трагедии по изданию: Антигона. Трагедия Софокла / Пер. с греч. В. Водовозова // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1856. № 9.

Filologia_5_14.indd 206 14.02.2015 23:37:00

явно симпатизирует главной героине, чаще всего отчеркиваются ее реплики. В частности, он отмечает (мы можем предположить, что одобрительно) ответ героини на вопрос Креона, как смела Антигона нарушить закон: «Не Зевес его/Мне возвестил и не богиня правды,/ Живущая с подземными богами; / Не думала я видеть столько силы/ В твоих уставах, чтобы, смертный, мог / Ты ими попирать богов законы;/Не писаны, незыблемы они / …За них-то / Не захочу я дать ответ богам, / Страшась нарушить волю человека»[18]. Несколько раз подчеркнуты строки, которые выражают уверенность Антигоны в том, что народ одобрил бы ее поступок «если б / Страх языка не сковывал; но властен / И говорить, и делать все тиран»[19]. На этом фоне интерес семинариста к стихотворению Некрасова выглядит вполне закономерным.

Таким образом, обнаруженный нами список некрасовского стихотворения и позволяет расширить представления о сфере его бытования, и отчасти бросить свет на саму эту сферу.

Список литературы

Каталог ученической библиотеки Московской духовной семинарии. Вып. 1. М., 1899.

Каталог ученической библиотеки Московской духовной семинарии. Вып. 2. М., 1905.

Кедров Н.И. Московская духовная семинария. 1814–1889 (Крат. ист. очерк). М., 1889.

Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон; Женева. Факсимильное издание. М., 1962. Вып. 3. Лондон, 1860.

Некрасов Н.А. Стихотворения. СПб., 1863.

Некрасов Н.А. Стихотворения. СПб., 1873.

Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. II: Стихотворения 1855–1866 гг. Л., 1981.

Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России, 1861–1884: Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 1998.

Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905. Л., 1924.

Филонов А. Русская хрестоматия. Т. III: Драматическая поэзия. СПб., 1863.

Сведения об авторе: *Герасимова Ксения Алексеевна,* аспирант кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ksengerasim@mail.ru

[18] Там же. С. 82.

[19] Там же.

Filologia_5_14.indd 207 14.02.2015 23:37:00

О.Ю. Муштанова

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РЫЦАРСКИЙ РОМАН: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО «БАУДОЛИНО»

Рассматривается процесс трансформации жанровых схем средневекового рыцарского романа в романе У. Эко «Баудолино». Главный «цитатой» из средневекового романа является образ Грааля, подвергающийся демифологизации. В «Баудолино» представлен типичный для рыцарского романа конфликт любви и подвига, при этом если любовная тема раскрыта в соответствии с жанровым каноном, то подвиг трансформируется либо в любовные авантюры в духе фаблио, либо в убийство, отсылая тем самым к более поздним формам романа. Эко использует основные единицы пространства рыцарского романа: лес и замок. Лес перестает быть источником авантюры, но сохраняет традиционную функцию убежища. Замок же лишается фантастической ауры, его чудеса подлежат научному объяснению. При сходстве определенных сюжетных схем, образов и мотивов, в «Баудолино» по сравнению с рыцарским романом создается принципиально иная картина действительности: мир предстает как дисгармоничный по своей природе, задача героя заключается не в обретении, а в привнесении смысла.

Ключевые слова: Средневековье, жанр, средневековый/куртуазный/рыцарский роман, Грааль, пресвитер Иоанн, братство Грааля, подвиг, авантюра, адюльтер, фаблио, пространство, время, лес, замок, чудо, бесплодная земля, ретроспекция, поиск, сказка.

The process of transformation of genre patterns of the medieval chivalric romance in U. Eco's novel "Baudolino" is examined. The image of the Grail, which is created on the cliché borrowed from two different versions of the medieval romance and is demythologized by Eco, is accepted as the main "quotation" from the medieval romance. "Baudolino" represents a conflict of love and heroic deed, typical of the chivalric romance, but if the theme of love is developed according to canon, the heroic deeds are transformed either into love affairs in the style of the fabliau, or into homicide thus referring to later types of the novel. Eco uses the main units of the chivalric romance space: the forest and the castle. The forest isn't a source of adventure any more, but it keeps its traditional function of a refuge. The castle loses its fantastic aura, its wonders can be explained scientifically.

In spite of the similarity of certain plot schemes, images and motives, a different view of reality is expressed in "Baudolino" as compared to the chivalric romance: the world is shown as disharmonious in its nature, the task of the hero is not to restore, but to bring into it the meaning.

Key words: Middle Ages, genre, medieval/courtly/chivalric romance, Grail, presbyter John, the Grail brotherhood, heroic deed, adventure, adultery, fabliau, space, forest, castle, wonder, waste land, time, retrospection, quest, tale.

Filologia_5_14.indd 208 14.02.2015 23:37:00

В своем эссе «Десять способов представить Средневековье» (“Dieci modi di sognare il Medioevo”[1], 1983) Эко предлагает читателю типологию «маленьких Средневековий», которые на протяжении многих столетий создавались в воображении эпох-потомков: мифологический «локус», в который помещаются современные персонажи (Тассо); иронически-ностальгическое Средневековье (Сервантес, Ариосто); варварская эпоха – темные века, торжество примитивной, природной, грубой силы (Вагнер); Средневековье как противоядие от современности (Кардуччи); романтический мир замков с привидениями; апофеоз философского догматизма; период формирования национального самосознания; предмет историко-документальной реконструкции; Средневековье мистическое; апокалиптическое Средневековье. Этот список можно было бы продолжить, добавив к нему как минимум еще один пункт – ту модель Средневековья, которую Эко создает в собственных романах. Понятие модели предполагает наличие критериев, которые делают возможным сопоставление Средневековья и современности, воссоздание удаленной во времени эпохи в современном романе. Средневековье, каким его преподносит Эко, можно было бы назвать *текстуальным*. Очевидно, что нет другого способа приблизиться к миру прошлого, как через посредство текста. Изучению средневековых источников Эко посвятил много лет своей академической карьеры, что и подготовило почву для художественного творчества. Однако особенность его романов в том, что в них не только изображается Средневековье как некая реальность, но и дается текстовый портрет эпохи, т. е. прослеживается процесс трансформации реальности в текст и наоборот. Именно напряженное взаимодействие между текстом и реальностью и является в модели Эко основополагающим критерием.

Эко использует тот путь, который уже проделан литературой Средневековья, в частности, это касается выработанной в данную эпоху жанровой системы. Рассмотрим некоторые особенности трансформации центрального повествовательного жанра Средневековья, рыцарского романа, в книге Эко «Баудолино».

Главный герой Баудолино – приемный сын императора Фридриха Барбароссы, взятый им из крестьянской семьи, получивший воспитание при дворе и возведенный в звание министериала. Баудолино живет идеей отыскать на Востоке царство Пресвитера Иоанна: “Un imperatore che sapesse riunire i due regni ridurrebbe l’impero degli infedeli e lo stesso impero del Bisanzio a due isole abbandonate, e perdute

[1] Слово *sognare* по-итальянски означает не только *представлять*, *воображать*, но и – в первую очередь – *мечтать*, *грезить*, *видеть во сне.* Эко обыгрывает эти смыслы.

Filologia_5_14.indd 209 14.02.2015 23:37:00

nel mare magno della sua gloria!" [Eco, 2005: 51][2], – объединившись с ним, Фридрих создаст христианское государство мирового масштаба и ему не придется делить власть с папой. Баудолино собирает вокруг себя группу единомышленников, готовых отправиться в путь. Однако для воплощения этой идеи в жизнь царство должно существовать – и друзья придумывают его сами, обустраивая мир Пресвитера из отрывков энциклопедий и оформляя в виде письма – приглашения от Иоанна к Фридриху. Еще одна цель паломничества – вернуть Пресвитеру Святой Грааль, который, правда, исчезает во время путешествия и тоже становится предметом поисков.

Именно Грааль является главной «цитатой» из средневекового романа. Проводниками этой темы выступают два персонажа – Борон и Гийот, в которых легко узнаются авторы двух версий романа о Граале: христианской (Робер де Борон) и куртуазной (Киот – литературная мистификация, некий провансалец, якобы изложивший В. фон Эшенбаху историю Грааля). Встреча новоиспеченного школяра Баудолино с Бороном происходит в парижской таверне: "Costui era un chierico di Montbéliard che, vagante come i suoi consimili, era ora a Parigi (e frequentava la biblioteca di San Vittore) e domani sarebbe stato chissà dove, perché pareva inseguire un suo progetto di cui non raccontava mai a nessuno. Aveva una gran testa di capelli arruffati, e gli occhi rossi dal gran leggere a lume di lucerna, ma pareva proprio un'arca di scienza» [Eco, 2005: 98][3]. Известно об участии де Борона в Четвертом крестовом походе –это ожидает и его романного двойника. В кругу друзей Баудолино оказывается и Гийот (хотя прототип персонажа связан с немецкой обработкой сюжета о Граале, его образ – скорее дань Кретьену де Труа): "Era un giovane nativo della Champagne, appena tornato da un viaggio in Bretagna, con l'animo ancora acceso da storie di cavalieri erranti, maghi fate e malefizi, che gli abitanti di quelle terre raccontano nelle veglie notturne intorno al fuoco. Quando Baudolino gli aveva accennato alle meraviglie del palazzo del Prete Giovanni, aveva lanciato un grido: «Ma io in Bretagna ho già sentito raccontare di un castello così, o quasi! È quello dove si conserva il Gradale!»" [Eco, 2005: 140][4]. Эко

[2] «Тот император, кто сможет объединить свое царство и это, тот превратит империю неверных и даже Византийскую империю в острова, незаметные среди великого моря его собственной глории» [Эко, 2003: 53].

[3] «Тот оказался клириком из Монбельяра, вагантом, каких в Париже было немало, завсегдатаем Сен-Виктора. Сегодня здесь, назавтра он мог перебраться в любое неведомое место, поскольку, похоже, был занят какими-то поисками, а что искал – помалкивал. Вечно всклокоченная голова, глаза, воспаленные постоянным чтением при тусклом свете, – настоящий кладезь премудрости» [Эко, 2003: 100].

[4] «Это был молодой человек из шампанского семейства, он только что возвратился из путешествия по Бретани, в его душе еще роились рассказы о странствующих рыцарях, заклинаниях, феях и волшбе, которые обитатели тех земель обычно рассказывают друг другу холодными вечерами у жаркой печки. Стоило Баудолино

Filologia_5_14.indd 210 14.02.2015 23:37:00

использует слово “gradale” (чаша, сосуд), которое отсылает к эпизоду библейской истории о чаше причастия и об Иосифе Аримафейском: “È la più preziosa reliquia di tutta la cristianità, la coppa in cui Gesù ha consacrato il vino dell’Ultima Cena, e con cui poi Giuseppe di Arimatea ha raccolto il sangue che colava dal costato del crocifisso” [Eco, 2005: 140][5], – для русского же перевода Елена Костюкович выбрала слово «братина» как по фонетическим причинам, так и в силу ассоциации с братством Грааля. Братина-Грааль в первую очередь предстает как текстуальный образ, сотканный из рассказов, слышанных некогда Гийотом и Бороном. С легкой руки Гийота легенда о Братине органично вплетается в легенду о Пресвитеровом царстве: “…tra le tante storie che aveva udito ce n’era una secondo la quale uno di quei cavalieri, Feirefiz, lo aveva rinvenuto e poi lo aveva donato a suo figlio, un prete che sarebbe diventato re dell’India” [Eco, 2003: 141][6]. Образ Фейрефица был ключевым в романе «Парцифаль», так как позволил фон Эшенбаху объединить запад и восток, расширить границы христианского царства Грааля до мировых масштабов. Борон в основном следует христианской версии легенды, подчеркивает сокрытость Грааля, который, однако, даже “coperto di un drappo di velluto bianco” («под белобархатной оболокой») испускает свет и благовония. Для него Братина – это чаша, Гийот же возражает: “…era una pietra caduta dal cielo, *lapis ex coelis*, e se era una coppa è perché era stata intagliata in questa pietra celeste” [Eco, 2005: 145][7]. Грааль, по его мнению, “è fatto dell’oro più puro, con straordinarie pietre preziose incastonate, le più ricche che esistano per mare e per terra” [Eco, 2005: 144][8]. Однако какой бы вид ни имела Братина, никто не сомневается в ее чудесных свойствах – излучать мистический свет и производить кушанья. Легенда постепенно обрастает новыми подробностями – друзья воображают торжественную процессию в замке Грааля, где появляется и копье, с острия которого три капли крови попадают прямо в чашу, и даже вносимая девами на подносе окровавленная голова мужчины (след валлийской богатырской сказки о Передуре, послужившей для

коснуться в разговоре чудес Пресвитерова обиталища, тот завопил: – Конечно, мне в Бретани рассказали о таком, похожем замке! И в нем оберегается Братина!» [Эко, 2003: 143].

[5] «Это самая наиценная реликвия крещеного мира, чаша, в которой Иисус освятил вино Тайной Вечери и куда Иосиф Аримафейский сцедил кровь из ребра Христа распятого» [Эко, 2003: 43].

[6] «Среди слышанных мной рассказов был один, в котором рыцарь Фейрефиц находит святой сосуд и передает своему сыну, священнику, которому предстояло потом сделаться царем в Индии» [Эко, 2003: 145].

[7] «… речь шла о камне, свалившемся с неба, lapis ex coelis, то есть Братину выточили на земле из этого небесного камня» [Эко, 2003: 148].

[8] «состоит из чистейшего золота на свете, изузоренного самыми редкими в природе перлами» [Эко, 2003: 147].

Filologia_5_14.indd 211 14.02.2015 23:37:00

Кретьена источником сюжета о Персевале). Упоминаются и братья-рыцари, хранители Грааля, которых так упорно, но безуспешно пытался разыскать Борон, блуждая по лесам Бретани.

Таким образом, Эко описывает Грааль в терминах средневекового рыцарского романа. Однако далее тема эта получает неожиданное решение – обретение Грааля происходит в сфере чисто бытовой. Баудолино, посещая своего родного отца Гальяудо, подает старику его плошку с «Христовой кровью», и вдруг героя осеняет: "Il Gradale doveva essere una scodella come questa. Semplice, povera come il Signore. Per questo magari è lì, alla portata di tutti, e nessuno lo ha mai riconosciuto perché tutta la vita hanno cercato una cosa che luccica" [Eco, 2005: 281][9]. Баудолино ничуть не смущает сомнительное происхождение обретенной реликвии – доказательством ее истинности является, по его мнению, то, что в Братину сразу поверили и его товарищи, и император.

Принадлежность к братству Грааля в рыцарском романе была свидетельством избранничества входящих в него рыцарей, объединенных целью служения Граалю и его хозяину. Фридрих, Баудолино и остальные участники похода, собравшись вокруг Братины в замке Ардзруни, ощущают благоговение перед чашей, которая источает свет и дивные ароматы, сближает и уравнивает героев, дарит ощущение причастности к божественной тайне – точно так же, как это обещали легенды. Однако вместо служения общей идее каждый из героев преследует в путешествии к Пресвитеру свои цели: Борон и Гийот – завладеть Братиной, Рабби Соломон – найти десять потерянных колен Израиля, Абдул – отыскать далекую принцессу, Поэт – завоевать для себя царство Пресвитера и, наконец, сам Баудолино – убежать от несчастной любви, от реальности в выдуманную сказку. Уместно вспомнить разрушение артуровского королевства в прозаической «Вульгате» XIII в., которое как раз и происходит из-за столкновения интересов героев. Можно сказать, что Эко черпает образы и тематику не только из рыцарского романа эпохи расцвета, но и учитывает дальнейшие пути развития жанра.

Е. Королева отмечает, что в «Парцифале» фон Эшенбаха Грааль «сохраняет жизненную силу и юность тела и может излечить смертельно больного человека»[10]. В «Баудолино» чаша становится вместилищем противоядия, однако она не только не помогает занемогшему Фридриху, но и – во всяком случае, в глазах героев – превращается в

[9] «Братина – это такая деревянная плошка. Нищая, простая, как Господь. Она, может, на виду у всех, а ее не видят, потому что всю жизнь ищут что-то там с позументом» [Эко, 2003: 289].

[10] *Королева Е.* Образ Грааля на материале средневековой литературы XII–XIII веков / Актуальные проблемы филологической науки. М., 2007. С. 397.

Filologia_5_14.indd 212 14.02.2015 23:37:00

сосуд смерти. Пустая Братина найдена рядом с мертвым телом императора, а вскоре пропадает во всеобщей суматохе. В связи с этим в «Баудолино» возникает мотив, разработанный в «Романе о Граале» де Бороном: греха и отделения грешников от праведников. Друзья подозревают друг друга, понимая, что похитивший Грааль и есть убийца Фридриха. То есть почти так же, как это было с Моисеем у де Борона, Грааль должен указать на преступника. И это действительно происходит, только по просшествии многих лет странствий – Баудолино обнаруживает Грааль у себя. Если в общине Иосифа Аримафейского через Грааль выражается воля Бога, то Баудолино оказывается в трагическом водовороте случайностей, за которыми нет никакого высшего смысла. Поиски Братины оказались бессмысленными, однако Борон и Гийот обещают создать о ней красивые истории, дабы наставить других на путь страстного стремления к Граалю. "Ciò che conta è che nessuno la trovi, altrimenti gli altri smetterebbero di cercarla" [Eco, 2005: 507][11]. Баудолино выполняет это желание Гийота, возвращая Братину первоначальному обладателю: она будет вделана в статую Гальяудо, спасителя итальянской Алессандрии.

«Кроме подвигов и любви в куртуазном романе не может быть ничего... они связаны с самой личностью совершенного рыцаря, они входят в его определение, так что он ни минуты не может жить без приключения и поединка и ни минуты не может жить, не испытывая действия любовных чар, – если бы смог, он перестал бы быть рыцарем»[12]. Как оппозиция *любовь–подвиг* реализуется у Эко? Почти сразу намечается конфликт, подсказанный многочисленными версиями романа о Тристане и Изольде: Баудолино влюблен в молодую жену императора Фридриха, Беатрису Бургундскую. Ее портрет следует куртуазному канону женской красоты: "Aveva capelli fulgidi come oro, volto bellissimo, bocca piccola e rossa come un frutto maturo, denti candidi e ben ordinati, statura eretta, sguardo modesto, occhi chiari" [Eco, 2005: 53][13]. Беатриса – соединение добродетели и таланта, целомудренна, мудра в речах, имеет музыкальные и литературные способности. Возможно, в ней присутствуют черты Альеноры Аквитанской, Марии Шампанской или иной реально существовавшей покровительницы куртуазных поэтов. Стремясь подавить чувство к мачехе, Баудолино отправляется учиться в Париж: "… aveva letto da qualche parte che talora la lontananza può guarire dalla malattia d'amore (e non aveva ancora letto altri libri dove al contrario si diceva che è proprio

[11] «Важнее всего, чтобы никто не смог найти эту вещь, ибо из-за него все другие перестанут искать» [Эко, 2003: 514].

[12] *Ауэрбах Э.* Мимесис. М., 1976. С. 152.

[13] «Волосы золотого отлива, лик миловидный. Рот, небольшой и алый, напоминал спелый плод. Ее зубы были ровны и белы, поступь пряма, взгляд прост, а глаза были светлого цвета» [Эко, 2003: 56].

Filologia_5_14.indd 213 14.02.2015 23:37:00

la lontananza a soffiare sul fuoco della passione)" [Eco, 2005: 63][14]. Так и случилось – отсутствие превратилось в еще одно преимущество Беатрисы перед остальными дамами. Баудолино пишет ей любовные письма, на которые сам же и отвечает от ее имени. Совместное чтение этих писем и толкает героев к адюльтеру – сцена поцелуя Баудолино и Беатрисы заставляет вспомнить Паоло и Франческу, чья страсть вспыхнула за чтением «Ланселота», да и самих Ланселота и Гиньевру, заслоненных от чужих взоров Галеотто. В «Баудолино» воссоздается конфликт индивидуальной любви и социальной роли героев, а также, как в случае Тристана и Марка (особенно в редакции Тома), показана противоречивость отношений Баудолино и Фридриха. Баудолино ставит в укор императору его жестокость в борьбе с итальянскими городами, отчасти эта ссора с приемным отцом и подталкивает героя к сближению с Беатрисой. Но Баудолино любит Фридриха и тяжело переживает свою вину: он не только прелюбодействовал и предал отца, но и поддался жажде мести. Идея путешествия в царство Пресвитера во славу императора играет в романе роль если не подвига, то во всяком случае того долга, который способен заставить героя забыть о любви. И действительно, очень скоро Баудолино замечает, что мысли его летят уже не к Беатрисе, а к Пресвитеру, – таким образом, постепенно истинным предметом его желания становится неприступное царство. Тем не менее, вопреки всем ожиданиям, Баудолино не совершает в романе ни одного подвига. Свой шрам ("una cicatrice degna di un uomo d'arme") он заработал в парижской авантюре (причем отнюдь не в куртуазном смысле слова) от мужа-мясника, настигшего героя, когда тот пытался выпрыгнуть из окна его спальни. Здесь Баудолино из рыцаря перевоплощается в персонажа фаблио, школяра, которому удается избежать преследований мужа-рогоносца. Или, например, в сражении под Леньяно, столкнувшись с солдатом из войска неприятеля, Баудолино отпускает его, но, чтобы обезвредить противника, заставляет его предварительно снять штаны. Подчеркнуто отрицательное отношение Баудолино к войне, убийству роднит его не только с персонажами фаблио[15], но также и с юным Персевалем-Парцифалем. Однако вместо подвигов Баудолино, пусть даже помимо своей воли, совершает двойное – и по сути бессмысленное – убийство. И это, несомненно, один из мостиков от Средневековья к современности. Кроме того, с войной Баудолино придется еще столкнуться в

[14] «… (Баудолино. – *О. М.*) прочитал, что порой отдаление лечит любовную болезнь (и еще не прочитал других книг, гласящих, что нередко именно из-за дальности разгорается, как огонь, страсть)» [Эко, 2003: 65].

[15] См.: *Михайлов А.Д.* Старофранцузская городская повесть фаблио и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М., 2006. С. 115.

Filologia_5_14.indd 214 14.02.2015 23:37:00

Пндапетциме, городе, предваряющем владения Пресвитера Иоанна. Точнее, речь идет скорее не о войне как таковой, а о постоянном ее ожидании, в котором живут обитатели города. И здесь долг опять вступает в конфликт с чувствами Баудолино, влюбившегося в Гипатию – даму с единорогом: герой разрывается между свиданиями с возлюбленной и подготовкой к обороне Пндапетцима от белых гуннов. Однако именно весть о том, что Гипатия ждет его, воодушевляет Баудолино, он признается своему собеседнику Никите: "… accudivo alle mie incombenze di condottiero con un entusiasmo che stupì il Poeta, che mi sapeva poco incline alle armi, ed entusiasmò la mia armata. Mi pareva di essere il padrone del mondo, avrei potuto affrontare cento unni bianchi senza timore" [Eco, 2005: 442][16]. Здесь перед нами идеальная для рыцарского романа ситуация – любовь, вдохновляющая на подвиг, но подвига Баудолино так и не совершает.

Пространство рыцарского романа включает два основных элемента: лес и разбросанные по нему «оазисы»-замки[17]. Образ леса может нести разную функциональную нагрузку[18], но в первую очередь это пространство подвига, здесь рыцарь блуждает в поисках авантюры. Лес может служить укрытием для влюбленных (как в «Тристане» Беруля или в повести «Окассен и Николетт»): не случайно в романе Эко запретные свидания Баудолино и Гипатии проходят возле лесного озера. В рыцарском романе лес (мир природы) противопоставлен замку (миру культуры): лес может быть нейтрален или враждебен по отношению к герою, но это так или иначе внеположный ему мир, в котором он лишь временный гость. При этом рыцарь порой вступает с лесом в более тесную связь, как, например, кретьеновский Ивейн, который, не выполнив данного Лодине обещания и отвергнутый ею, сходит с ума и обретает убежище в лесу, где возвращается к первобытному состоянию нагого дикаря, поедающего сырую пищу. Однако за одичанием героя следует его возвращение в культуру, которая в случае Ивейна осуществляется благодаря отшельнику – посреднику между природой и культурой: отшельник живет в уединении, но имеет дом, готовит еду, сохраняет контакт с людьми. В отличие от Ивейна для Баудолино лес – родная стихия: "… dalle mie parti, quando cammini per i boschi nella nebbia, ti sembra di essere ancora nella pancia di tua madre, non hai paura di nulla e ti senti libero"

[16] «... я выполнял полководческие обязанности с таким рвением, что ошеломил Поэта, который знал, до чего мне претит всякая война; мне удалось зажечь своим пылом всю армию. Казалось, я властелин мира, я был готов выйти не дрогнув навстречу сотне гуннов» [Эко, 2003: 451].

[17] См.: *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. М., 1983. С. 106.

[18] См.: *Le Goff Jacques.* Il deserto-foresta nell'Occidente medievale / Il meraviglioso e il quotidiano nell'Occidente medievale / Trad. it. Michele Sampaolo. Bari: Laterza, 2007. P. 39–41.

Filologia_5_14.indd 215 14.02.2015 23:37:01

[Eco, 2005: 34][19]. Знакомство Баудолино с Фридрихом начинается как раз с того, что герой указывает дорогу заплутавшему в тумане императору, для которого он так и останется “folletto della pianura del Po” («лесовичком с Падуанской низменности»). Баудолино здесь напоминает уже не рыцаря, а скорее тех пастухов, которые встречаются рыцарям на опушке леса. Эко помещает во фраскетский лес и отшельника, который обучает Баудолино чтению и, соответственно, выступает в своей обычной роли носителя культуры; однако образ отшельника здесь существенно снижен: уж очень ярый интерес тот проявляет к своему молодому ученику. Замок в рыцарском романе всегда представляет собой фантастическое пространство; рассказ о посещении замка восходит к ирландским сказаниям о путешествии в иные миры[20]. Задача рыцаря обычно состоит в том, чтобы снять колдовские чары с замка и таким образом приобщить чуждое пространство к своему. Направляясь в земли Пресвитера Иоанна, герои «Баудолино» оказываются в замке армянского сановника Махитара Ардзруни. Располагается крепость на вершине горного пика: в рыцарском романе фантастическое пространство всегда отграничено от «обычного» стеной или каким-либо естественным рубежом. Кроме того, оно таит в себе опасность. В замке Ардзруни герои становятся свидетелями чудес, вызывающих изумление и недоверие. Хозяин демонстрирует гостям чудесные механизмы: зеркала Архимеда, которыми античный ученый смог поджечь римские корабли, Дионисиево ухо, позволяющее слышать из комнаты верхнего этажа то, что говорится внизу, двери, открывающиеся сами собой, – «великолепие гидравлического искусства», машину, способную откачивать воздух и создавать пустоту. У Эко чудо перестает быть сверхъестественным и подлежит не расколдованию, а научному объяснению; пользуясь терминами Ц. Тодорова, можно сказать, что мы имеем дело уже не с категорией «чудесного», а с категорией «странного»[21]. Это один из путей трансформации средневековых представлений о чудесном – переход в сферу науки[22]. В Пндапетциме герои попадают еще в одну крепость – замок Диакона Иоанна, будущего наследника Пресвитера. Сам по себе этот замок не представляет особого интереса, но с его появлением в роман вводится образ больного правителя: Диакон оказывается болен проказой. Тема эта имеет реальные исторические

[19] «... в моих краях, когда гуляешь по лесам в тумане, ты будто все еще в животе у матери, ничего не боишься и совершенно свободен» [Эко, 2003: 35].

[20] См.: *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. М., 1983. С. 55.

[21] См.: *Le Goff Jacques.* Il meraviglioso nell’Occidente medievale / Il meraviglioso e il quotidiano nell’Occidente medievale / Trad. it. Michele Sampaolo. Bari: Laterza, 2007. P. 9, 16.

[22] Ibid. P. 15.

Filologia_5_14.indd 216 14.02.2015 23:37:01

предпосылки (смерть иерусалимского короля Балдуина IV), она встречается у Кретьена и фон Эшенбаха, и у де Борона, и в повести «Бедный Генрих» Гартмана фон Ауэ. Если в «Персевале» залогом спасения Короля-Рыболова становится заданный ему вопрос, то Баудолино пытается скрасить существование Диакона рассказами о диковинах Запада, однако доводит его до исступления и только ускоряет его гибель. Образ неполноценного короля связан с темой бесплодной земли, которая также в определенной степени представлена в «Баудолино»: монструозные обитатели Пндапетцима отражают неполноценность своего правителя.

Пространство в романе тесно связано со временем, и здесь нужно сразу отметить главное отличие «Баудолино» от средневекового романа: у Эко, особенно в первой части, действие четко локализовано как в пространстве, так и во времени, чему способствует помещение в книгу реальных исторических персонажей (Фридрих Барбаросса – это, конечно, уже не легендарный король Артур). Во второй же, «сказочной», части география становится менее четкой, условность приобретает и хронология. Эта условность подчинена более общему принципу: сказочное путешествие Баудолино должно закончиться в 1204 г. в Константинополе, так как именно на фоне пожаров IV Крестового похода герой рассказывает историю своей жизни летописцу Никите Хониату. Эко использует прием ретроспекции, который никогда не применяется по отношению к главному герою в рыцарском романе, где события разворачиваются линейно, по мере продвижения героя в пространстве. Перед нами уже не вечно молодой рыцарь, хотя сам Баудолино и верит в то, что “viaggiare ringiovanisce” («в путешествии молодеют»). Однако смерти героя мы не видим: подобно средневековым рыцарям, в конце романа он в очередной раз отправляется на поиски далекого царства. Таким образом, время в «Баудолино», как и в рыцарском романе, нетерминально.

Г.К. Косиков, сравнивая средневековый роман и роман Нового времени[23], указывает, что они объединяются общим типом сюжета, сюжетом о поиске, который, однако, получает разную трактовку. Если в рыцарском романе ценностная недостача представляется нарушением изначального миропорядка, то в романе современном «дисгармонична сама исходная ситуация»: здесь «конфликт имманентен миропорядку, а не свидетельствует о его нарушении»[24]. В средневековом мире смысл является неотъемлемым свойством бытия, его утрата – ошибка, которой суждено быть исправленной: финальная гармонизация

[23] См.: *Косиков Г.К.* К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени) // Проблема жанра в литературе Средневековья / Ред. А.Д. Михайлов. М., 1994. С. 48–57.

[24] Там же. С. 81.

Filologia_5_14.indd 217 14.02.2015 23:37:01

предначертана изначально. И только с наступлением Нового времени появляется проблема поисков смысла, возникает неразрешимый по сути конфликт поэзии сердца и прозы жизни. Баудолино силой своей фантазии пытается вернуть миру утраченный смысл: “Noi pensiamo soltanto di aver bisogno, noi, di Dio, ma spesso Dio ha bisogno di noi” [Eco, 2005: 287][25]. Он в прямом смысле слова совершает «бегство в сказку», но по мере приближения к цели понимает, что, воплощенная в жизнь, сказка также превращается в прозу. Герой надеется обрести смысл жизни в рассказе о ней, однако, извлекая смысл из этого рассказа и проецируя обратно на жизнь, получает абсурд. Поиски Баудолино оказываются напрасными, странствие утрачивает то моральное значение, которое придавал ему средневековый роман, – вообще у Эко отсутствует морализаторство, столь характерное для средневековой литературы. Вместе с тем Баудолино, в отличие от героев рыцарского романа, не следует предписанной ему изначально роли, а ощущает себя творцом: “Non c’è nulla di meglio che immaginare altri mondi, per dimenticare quanto sia doloroso quello in cui viviamo” [Eco, 2005: 104][26]. В этом смысле «Баудолино» можно назвать «романом о художнике».

Таким образом, в «Баудолино» Умберто Эко не просто обращается к разным средневековым романным текстам, но и показывает взаимодействие рыцарского романа с другими жанрами – например, с фаблио – на синхронном уровне, а также диахронически – с более поздними разновидностями романа. Создаваемая им реальность, безусловно, не совпадает с тем представлением о средневековой реальности, которое сформировалось у предполагаемого «образцового читателя»[27] в результате знакомства с корпусом дошедших до нас средневековых романов. Особая роль в модели Эко отводится главному герою, который, будучи помещен в атмосферу Средневековья, мыслит при этом современными категориями. «… Средневековая культура обладает чувством нового, но стремится скрыть это новое под завесой повторений (в отличие от современной культуры, которая, напротив, делает вид, что она изобретает нечто новое, даже в том случае, когда на самом деле повторяет уже известное)»[28]. Средневековый

[25] «Мы думаем, что только нам потребен Бог, но иногда и Богу потребны мы» [Эко, 2003: 295].

[26] «Нет ничего приятней, чем выдумывать новые миры. Забываешь, до чего непригляден тот, в котором мы живем» [Эко, 2003: 106].

[27] В концепции Эко *образцовый читатель* – это «тот комплекс благоприятных условий… которые должны быть выполнены, чтобы данный текст полностью актуализовал свое потенциальное содержание» (*Эко Умберто.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб., 2007. С. 17).

[28] *Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике / Пер. с итал. А.П. Шурбелева. СПб., 2003. С. 9.

Filologia_5_14.indd 218 14.02.2015 23:37:01

автор, конечно, создавал новые миры, но при этом не ощущал в себе творческой свободы, которой обладает Баудолино. Более того, предаваясь своим фантазиям, герой в определенный момент обнаруживает: «… ad immaginare altri mondi si finisce per cambiare anche questo» [Eco, 2005: 104][29]. Такое взаимодействие вымышленного мира и реальности проявляется не только в рамках сюжета, но и на уровне читателя, чьи представления о Средневековье корректируются Эко, что также неизбежно заставляет по-новому взглянуть и на те средневековые источники, к которым восходит «Баудолино».

Список литературы

Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976.

Баринг-Гоулд Сабин. Мифы и легенды Средневековья. М., 2009.

Де Борон Робер. Роман о Граале. СПб., 2000.

Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. М., 2005.

Королева Е. Образ Грааля на материале средневековой литературы XII–XIII веков // Актуальные проблемы филологической науки. М., 2007.

Мелетинский Е.М. Средневековый роман. М., 1983.

Михайлов А.Д. Старофранцузская городская повесть фаблио и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М., 2006.

Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 2006.

Проблема жанра в литературе Средневековья. М., 1994.

Средневековый роман и повесть. М., 1974.

Эко У. Баудолино / Пер. с итал. Е.А. Костюкович. М., 2003.

Eco Umberto. Baudolino. Milano: Bompiani, 2005.

Eco Umberto. Dieci modi di sognare il Medioevo / Sugli specchi e altri saggi. Milano: Bompiani, 1987.

Le Goff Jacques. Il meraviglioso e il quotidiano nell'Occidente medievale / Trad. it. Michele Sampaolo. Bari: Laterza, 2007.

Сведения об авторе: *Муштанова Оксана Юрьевна,* преподаватель итальянского языка кафедры романских языков МГИМО. E-mail: oksanamushtanova@rambler.ru

[29] «… выдумывание новых миров в конечном счете приводит к изменению нашего» [Эко, 2003: 106].

Filologia_5_14.indd 219 14.02.2015 23:37:01

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Баевский В.С. Остранение: К поэтике Бориса Пастернака. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. 56 с.

Поэтический феномен Бориса Пастернака стал объектом пристального внимания литературоведов со времени появления в печати его первых книг. Бесспорно, значительный вклад в пастернаковедение внес В.С. Баевский (1929–2013) – ученый, в исследованиях которого данное направление является одним из главных. Его последней работой стала небольшая по объему книга о поэте.

В ней феномен Пастернака, обусловленный его особой «детскостью» поэтического восприятия – «первородного, неожиданного, незахватанного»[1], –получает новое, оригинальное освещение сквозь призму понятия «остранение», введенного в научный обиход еще в начале XX в. В.Б. Шкловским. По мнению автора, поэтика произведений Пастернака, где мир открывается глазам художника в своей первозданной новизне и свежести, связана с идеями Шкловского, утверждавшего: «<…> для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством. Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающей трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоценен и должен быть продлен»[2]. Мысль В.С. Баевского о возможном влиянии идей Шкловского на формирование поэтической системы Пастернака выглядит убедительной тем более, что «Пастернак дебютировал как поэт приблизительно в то же время, когда Шкловский стал развивать свои идеи относительно метода остранения в искусстве. Оба они <…> участвовали в одних и тех же культурных объединениях, встречались на одних и тех же толчищах, решимся сказать: порою жили в одних и тех же пластах “литературного быта” – антисимволистская идея остранения была близка им обоим» (с. 13).

Аргументируя свою точку зрения, автор приводит достаточно большое количество примеров из лирики Пастернака начиная с ранних его книг «Близнец в тучах» (1913) и «Поверх барьеров» (1916) и заканчивая «Стихотворениями Юрия Живаго» (1946–1955) и последней книгой стихов «Когда разгуляется» (1956–1959). Структура исследования, обусловленная хронологической последовательностью книг поэта, дает возможность проследить динамику в использовании Пастернаком приема остранения на про-

[1] *Альфонсов В.* Поэзия Бориса Пастернака. Л., 1990. С. 43.
[2] *Шкловский В.* О теории прозы. М., 1929. С. 11–12.

Filologia_5_14.indd 220 14.02.2015 23:37:01

тяжении всего его творчества: от отдельных экспериментов в ранний период до нарастания приема остранения в трех последних книгах. Свое мнение ученый основывает на статистических данных, наглядно иллюстрирующих частоту использования художником этого приема. Так, в «Стихотворениях Юрия Живаго», по наблюдениям исследователя, поэт обращается к нему более чем в половине произведений (с. 31–32).

Важной особенностью книги В.С. Баевского является то, что автор стремится подчеркнуть в ней функциональный аспект рассматриваемого приема. Например, анализируя историю создания стихотворения «Когда разгуляется», ученый указывает на константный здесь характер приема остранения, необходимого, чтобы передать главное в мировосприятии героя, для которого «созерцание природы – то же, что церковная служба» (с. 11). В другом месте исследователь замечает, что в стихотворении «М<арине> Ц<ветаевой>» Пастернак остраняет свое представление о поэте образом горящего торфа: «Торф выбран Пастернаком замечательно точно: он горит долго, горячо, погасить его трудно. Прекрасный прообраз для поэтической славы» (с. 25). Своей же собственной славой на поэтическом поприще сам Пастернак, по мнению ученого, обязан прежде всего тем, что «насытил свою третью книгу самыми неожиданными приемами остранения» (с. 20).

Книга В.С. Баевского оставляет впечатление некоторой структурной незавершенности: заканчивая свое исследование анализом последнего стихотворения в последней книге стихов поэта, ученый ставит точку, воспринимаемую как многоточие. Отсутствие подытоживающих выводов наводит читателя на мысль о том, что начатый ученым разговор с ним не окончен, что исследование поэтического слова гения надо продолжать и делать вывод самому. В этом смысле символично, что книга В.С. Баевского завершается воспроизведением факсимиле письма Пастернака от 12 ноября 1956 г. автору, которому в тот момент не было и тридцати лет и который находился еще только у истоков своего пути ученого-литературоведа. Действительно, своеобразным послесловием к книге выступает краткое описание основных этапов его дальнейшей научной деятельности.

Данная книга поднимает актуальные проблемы пастернаковедения и истории русской культуры эпохи Серебряного века в целом. Сформулированная в ней научная гипотеза открывает широкие горизонты для дальнейших исследовательских поисков и дискуссий.

О.А. Мальцева

* * *

13 ноября 2013 г. в Смоленске на 85-м году жизни скончался заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор Вадим Соломонович Баевский.

Основные области широких научных интересов Баевского – это история русской поэзии; история русской литературы XIX–XX вв.; теория стиха; русская литература на Смоленской земле; точные методы исследования

Filologia_5_14.indd 221 14.02.2015 23:37:01

литературы; Пушкин, Пастернак, Давид Самойлов, Леонид Семенов. Баевский – автор более 800 печатных работ. В 2009 г., к 80-летнему юбилею профессора, вышел полный список его публикаций под заглавием «Curriculum vitae».

Наряду с активной научной деятельностью много сил и времени профессор Баевский отдавал кафедре истории и теории литературы, которую он возглавил в 1989 г. и которой с незначительным перерывом руководил до 2012 г. Все сотрудники кафедры были его учениками.

Много лет назад Баевский принял решение, которому следовал на протяжении всей жизни: половину своего времени уделять собственной научной работе, а половину – работе с учениками. 27 его учеников стали кандидатами филологических наук, пять из них – докторами.

На протяжении всей своей научной жизни Баевский был верен теме творчества Пастернака. С Пастернаком он был лично знаком и, как сумел, поддержал его в самый тяжелый для писателя период травли.

Исследования Баевского, посвященные творчеству Пастернака, с одной стороны, раскрывают фундаментальные вопросы поэтической системы: мифологического пласта, стихотворной речи, влияния музыки. С другой – они решительно порывают с рядом догм, бытующих в массовом сознании и закрепившихся в научном обиходе. Одна из них основывается на том, что Пастернак развивался от сложности к простоте. Баевский продемонстрировал, как одна сложность заменяется у Пастернака другой: на смену усложненному языку и образам приходит усложненность семантики, все более насыщается историко-литературный, философский, религиозный, исторический фон произведений. Баевский выступил против представления о Пастернаке как о поэте случайных ассоциаций и показал, что поэт лишь имитирует поток сознания, необузданных ассоциаций. В действительности творческая воля организует поэтический мир по определенным законам. Наконец, Баевский опроверг распространенное мнение о Пастернаке как о небожителе, далеком от политической злобы дня, и интерпретировал творчество Пастернака как глубокое поэтическое исследование истории XX века. Подготовленное им вместе с сыном поэта Е.Б. Пастернаком и Е.В. Пастернак полное собрание стихотворений Пастернака вышло уже двумя изданиями в «Библиотеке поэта».

За монографию «Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма» Баевскому было присвоено почетное звание лауреата Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2011 г. среди преподавателей высших учебных заведений и сотрудников научно-исследовательских учреждений.

С Пастернаком Баевский не расставался в самые трудные моменты своей жизни. Едва оправившись от перенесенного инфаркта, в реабилитационном центре он начал работу о стихотворении Пастернака «В больнице», вышедшую отдельным изданием. Последняя опубликованная при жизни Баевского книга тоже была посвящена Пастернаку («Остранение: К поэтике Бориса Пастернака», 2013).

Filologia_5_14.indd 222 14.02.2015 23:37:01

15 ноября 2013 г. Смоленск простился с профессором В.С. Баевским. В завершение гражданской панихиды в переполненном зале Смоленского государственного университета звучало стихотворение Бориса Пастернака «В больнице» в записи голоса автора.

<…> Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознавать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделье,
И прячешь, как перстень, в футляр.

Л.В. Павлова, И.В. Романова

Сведения об авторах: *Мальцева Оксана Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания Балтийского федерального университета им. И. Канта, докторант МГУ. E-mail: oa_malts@mail.ru; *Павлова Лариса Викторовна*, докт. филол. наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания филол. ф-та Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru; *Романова Ирина Викторовна*, докт. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и методики ее преподавания филол. ф-та Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VI РУССКО-МАКЕДОНСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (Пермь, сентябрь 2014)

Традиции российско-македонских контактов в области науки и культуры имеют долгую историю. Ведущую роль при становлении этих контактов сыграли кафедра славянской филологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и кафедры славистики и македонского языка и южнославянских языков Университета им. свв. Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония). Многолетние научные и культурные связи ученых из России и Македонии потребовали обсуждения их результатов в рамках организованной в 1995 г. первой российско-македонской конференции под названием «Российско-македонские языковые, литературные и культурные связи», которая проходила в течение трех дней в г. Охрид (Македония). Об особом внимании к конференции и ее значимости для реализации российско-македонских связей свидетельствует факт, что на ее открытии присутствовали первый президент Республики Македония Киро Глигоров и архиепископ охридский и македонский Михаил. Координаторами первой конференции были профессора М. Каранфиловский и Р.П. Усикова. В конференции приняли участие ведущие исследователи из всех македонских университетов и научных институтов, а также российские ученые из Москвы, Воронежа, Санкт-Петербурга и Перми. С тех пор встречи лингвистов, литературоведов, культурологов и историков из России и Македонии становятся регулярными.

В 1998 г. в Москве в Университете имени М.В. Ломоносова состоялась вторая конференция. В 2001 г. в Охриде прошла третья встреча. Четвертая конференция проходила в Москве в 2009 г. под названием «Проблемы македонского языка, литературы и культуры в славистическом контексте», тема конференции вызвала широкий интерес и привлекла большое количество славистов, занимающихся не только проблемами македонского языка, литературы и культуры, но и славистики в целом. Пятая конференция проходила в Македонии в 2012 г. В конференции приняли участие свыше семидесяти докладчиков из России, Македонии, Польши, Сербии, Австрии, Азербайджана. Эта конференция показала неугасающий интерес к исследованиям коллег из двух стран-организаторов.

Шестая встреча российских и македонских коллег под названием «Славянские языки и культуры в многоязычном мире» состоялась в сентябре 2014 г. в Перми благодаря инициативе ученых из трех университетов: Университета в Скопье, МГУ имени М.В. Ломоносова и Пермского государственного национального исследовательского университета.

Filologia_5_14.indd 224 14.02.2015 23:37:01

На конференции обсуждались проблемы диалога культур в славянском мире, актуальные вопросы изучения славянских языков и диалектов, их сопоставительно-типологическое исследование, многоязычие в синхронии и диахронии, рассматривались славянский фольклор и художественный текст как объекты исследования, решались задачи методики преподавания славянских языков и литератур.

Во встрече приняли участие около семидесяти очных и заочных участников. В центре внимания конференции были темы, посвященные исследованиям в области македонистики. Так, на пленарном заседании в докладе *А.Г. Шешкен* (МГУ) рассматривалась македонская литература в контексте других литератур, в заочном выступлении *Р.П. Усиковой* (МГУ) предметом интереса стали македонский и болгарский языки как южнославянские, *Д.А. Сорокин* (Саратовский университет) посвятил свое выступление политизации болгаро-македонского языкового спора.

В докладах *М.Б. Проскурниной* (Институт славяноведения РАН) и *В. Мойсовой-Чепишевской* (Университет в Скопье) говорилось о проблеме национальной идентичности, представленной в современном македонском романе, а также о развитии «мужской» драмы в македонской литературе.

Актуальные проблемы исследования македонского языка были затронуты в выступлениях *Е. Терзийоской* (Скопье), *К. Илиевской* (Скопье), *Е.В. Верижниковой* (Москва), *Н.В. Боронниковой* (Пермь), *И.В. Кустовой* (Пермь), *Н.В. Прасоловой* (Санкт-Петербург). Вопросы методики преподавания языков рассмотрены в докладе *Б. Мирчевской-Бошевой* (Скопье), о центрах македонистики в мире и в России говорила в своем выступлении *Р. Тасевска* (Скопье).

Помимо македонско-русской проблематики, на конференции был рассмотрен широкий спектр исследований в области филологии. В пленарном докладе *В.Б. Кондакова* (Пермь) говорилось о проблемах глобализации и современном литературном процессе. Литературоведческая проблематика и исследование фольклора рассматривались в выступлениях *А.А. Арустамовой* (Пермь), *Е.М. Четиной* (Пермь), *С.Ю. Королевой* (Пермь), *А.А. Моисеевой* (Пермь), *И.И. Русиновой* (Пермь) и др.

Вопросы социолингвистики обсуждались в выступлениях *Е.В. Ерофеевой* (Пермь), *М.А. Кропачевой* (Глазов), *Е.С. Литвиновой* (Глазов), *К.И. Белоусова* и *Я.А. Нитко* (Пермь). Интерес вызвали доклады, посвященные исследованиям в области фоносемантики, звуковой картины мира и лингвокультурологии, *М.Г. Вершининой* (Пермь), *С.С. Шляховой* (Пермь), *В.А. Мишланова* (Пермь). Грамматической проблематике и проблемам преподавания славянских языков как иностранных были посвящены доклады *Е.С. Худяковой* (Пермь), *Н.В. Горшковой* (Пермь), *Е.А. Пепеляевой* (Пермь).

В целом встреча российских и македонских ученых показала новые перспективы исследований славистической проблематики и стала важным событием в развитии гуманитарного сотрудничества между Россией и Македонией.

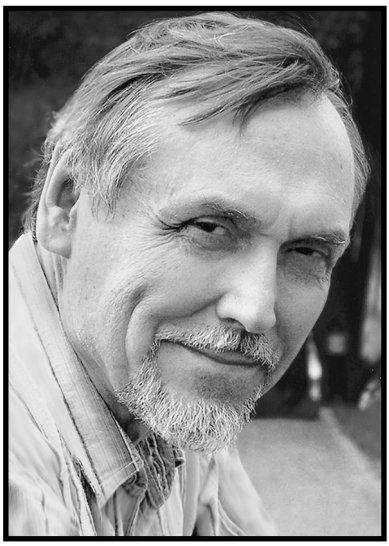
Н.В. Боронникова

Сведения об авторе: *Боронникова Наталия Владимировна*, канд. филол. наук, доцент филол. ф-та Пермского государственного университета. E-mail: natboronnikova@rambler.ru

Filologia_5_14.indd 225 14.02.2015 23:37:01

ПАМЯТИ…

АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ПОЛИКАРПОВ (01.03.1944 – 05.09. 2014)



5 сентября 2014 г. ушел из жизни ведущий профессор кафедры русского языка, создатель и заведующий Лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) филологического факультета МГУ Анатолий Анатольевич Поликарпов.

Он родился 1 марта 1944 г. в городе Камышин Волгоградской (Сталинградской) области в семье военного и учительницы. До университета он успел поработать на заводе, преподавал английский в школе, успешно занимался спортом. В старших классах он был чемпионом Москвы среди юниоров по тройным прыжкам и прыжкам в высоту. Но его филологические интересы сложились очень рано. Он все время читал, и рюкзак, набитый книгами, был его постоянным спутником в течение всей его жизни.

В июле 1963 г. Анатолий поступил на вечернее отделение филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по специальности английский язык и литература. В том же году его призвали в ряды Советской Армии, где он прослужил три года – до августа 1966 г. (и всё это время заветный рюкзачок с научной литературой был при нем, как бы напоминая ему о его мечте стать филологом). Вернувшись из армии, он перевелся на дневное отделение русского языка и литературы, и с тех пор его жизнь неразрывно была связана с филологическим факультетом и университетом. Здесь, на «морковке», он познакомился со своей будущей женой, Аллой Олеговной; здесь он прошел путь от аспиранта до профессора. Получили филологическое образование и его дети – сын Дима и дочь Вита.

Анатолий Анатольевич всегда с глубочайшей благодарностью относился к своим учителям и старался передать это отношение своим многочисленным ученикам. Работа под руководством А.Г. Волкова, активное общение с Г.П. Мельниковым и другими учеными, развивавшими идеи

Filologia_5_14.indd 226 14.02.2015 23:37:01

системной лингвистики, позволили ему написать прекрасную дипломную работу по разговорному синтаксису и социолингвистике на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ. В 1971 г., по окончании МГУ, А.А. Поликарпов был принят на должность младшего научного сотрудника кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета. Работая на факультете, он учился в аспирантуре и в 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Факторы и закономерности аналитизации языкового строя». Руководителем этой работы была Л.В. Златоустова. В 1979 г. вышла книга А.А. Поликарпова «Элементы теоретической социолингвистики: некоторые предпосылки, результаты и перспективы причинного подхода в общей семиотике и языкознании». Она посвящена моделированию языковых процессов, и с решением этой фундаментальной научной задачи связаны все последующие работы Анатолия Анатольевича.

Одновременно с научными исследованиями, А.А. Поликарпов продолжал активно заниматься общественной работой – он был членом партбюро кафедры, парткома факультета. Его общественная активность никогда не была связана с желанием сделать карьеру. Ее причина – искреннее желание помочь, сделать жизнь окружающих лучше, чувство личной ответственности за происходящее в стране и на факультете. У Анатолия Анатольевича были свои представления о том, как мы должны жить и в какую сторону развиваться как в обществе, так и в науке. И он многое сделал для реализации этих представлений и для становления на факультете и в стране новых направлений научных исследований. Так, он организовал проведение в Москве 2-й Международной конференции по квантитативной лингвистике (Qualico-94), на которой было создано Международное общество по квантитативной лингвистике. Анатолий Анатольевич считал, что на нашем факультете лежит особая роль в организации научной жизни, и результатом этого стала организация пяти Международных конгрессов «Русский язык: история и современность». Роль этого мероприятия, дающего возможность самому широкому кругу лингвистов пообщаться, подискутировать, скоординировать свои исследования, трудно переоценить. В самые трудные годы А.А. Поликарпов поддерживал М.Л. Ремнёву в ее стремлении провести очередной конгресс и брал на себя львиную часть по организации его работы.

А.А. Поликарпов всегда считал русское языкознание важнейшей и передовой частью мировой науки и прекрасно ориентировался в самых современных ее направлениях. В 1977 он получил научный грант IREX (The International Exchanges Board for Senior Scholars) для проведения научных исследований в США и работал в 1977–1978 гг. в Стэндфордском университете, в Калифорнии на отделении лингвистики. Анатолий Анатольевич регулярно выступал на многих международных конференциях, преподавал в европейских университетах, участвовал в международных проектах. В 1994 г. он получил грант американского фонда Фулбрайт (Fulbright) для научной работы и преподавания в университетах США (Стэндфордский

Filologia_5_14.indd 227 14.02.2015 23:37:02

университет, отделение славистики). В 2011–2012 гг. он был приглашен в Институт славистики Гейдельбергского университета (Германия) в рамках программы межвузовского обмена для преподавателей высших учебных заведений для совместной разработки проекта историко-этимологической базы данных славянских языков. В 2012 г. он получил грант международной европейской научной программы ERANET-MUNDUS для преподавания и научной работы в Барселонском университете (Испания), где работал в 2012– 2013 гг.

Организаторские способности и талант научного общения, столь присущие А.А. Поликарпову, проявились и в том, что уже в конце 1970-х годов он создал научную группу, работавшую над ходоговорными темами, связанными с компьютерным анализом русских текстов. В этот период сложились его активные связи с кафедрой русского языка, которые и привели его к работе на этой кафедре. В 1981 г. им была создана Группа общей и прикладной лексикологии, из которой потом выросла ЛОКЛЛ. Помещение для этой группы Анатолий Анатольевич нашел в соседнем подъезде своего дома в Ясенево. И какое-то время, как вспоминает его жена[1], ей приходилось кормить не только своих детей, но и засиживающихся допоздна за работой сотрудников этой группы. За более чем десятилетний период существования этой группы, с 1981 по 1992 г., ее сотрудниками были проведены серьезные исследования в следующих направлениях: разработка теоретических оснований системного (в том числе системно-квантитативного) анализа языка; проведение серии исследований по системной организации лексики, в том числе в форме создания и анализа корпусов текстов и словарных БД; анализ принципов и оснований прикладной лингвистики; разработка и реализация начального варианта автоматизированной лексикографической системы; разработка методик сбора и анализа ошибок иностранцев в русской речи (серия работ 1985–1991 гг. по государственному заказу); активное участие в создании и организации работы общесоюзной межвузовской проблемной группы «Текст как объект междисциплинарных исследований» (совместно с Тартуским университетом и Тбилисской консерваторией; в том числе проведение общесоюзных конференций и семинаров[2].

В этих и последующих исследованиях ярко проявилась стремление Анатолия Анатольевича решать фундаментальные задачи на экспериментальной и прикладной основе, в том числе с помощью математических методов. Как отмечали работавшие с ним математики, А.А. Поликарпов обладал прекрасной математической интуицией. Последние статьи были написаны им в соавторстве именно с математиком В.В. Поддубным. В них анализировался материал «Словаря языка Пушкина».

---

[1] *Поликарпова А.О.* Основные даты и события жизни Анатолия Анатольевича Поликарпова // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова: Сборник научных статей памяти профессора МГУ (в печати).

[2] См. список статей, в которых отражены основные результаты этой работы, там же.

Filologia_5_14.indd 228 14.02.2015 23:37:02

Для моделирования лексических языковых процессов нужны словарные базы данных и корпуса текстов, а их невозможно создать без инструментов автоматизированной обработки текстов и словарей. Поэтому с самого начала под руководством А.А. Поликарпова велась работа над программными средствами, позволяющими решать такие задачи. Ее итогом стало создание автоматизированной системы для работы с текстом и словарями "Dictum" (программисты Т. Сергеев и В. Первушин).

В 1992 г. на филологическом факультете МГУ была создана и начала работать под руководством А.А. Поликарпова «Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии», одним из важнейших направлений работы которой стало создание корпусов текстов. Корпусной лингвистике Анатолий Анатольевич уделял особое внимание. Одним из первых он начал пропагандировать идею создания Национального корпуса русского языка и пытался сделать филологический факультет МГУ центром его разработки. Он много работал над критериями отбора текстов, параметрами, позволяющими сделать корпус сбалансированным и достаточно представительным; над жанровой классификацией и пр. В этом ему помогало прекрасное знание положения дел в мировой корпусной и квантитативной лингвистике.

А.А. Поликарпов считал, что «реальные системные свойства словаря общества, в частности, его функционально-стилистическая структура, не могут быть поняты без рассмотрения коммуникативных механизмов взаимодействия состава и структуры идиолексиконов членов коллектива. И, наоборот, без рассмотрения идиолексиконов на фоне всей лексической системы языка, без понимания лексикона человека как частицы совокупного, сложно структурированного словаря данного коллектива, отражающей некоторые черты этого сложного целого, невозможно понимание многих особенностей устройства индивидуального лексикона»[3]. Поэтому одной из задач Лаборатории стало исследование языка индивида. С этой целью создаются корпуса текстов А.С. Пушкина, А.П. Чехова и других писателей, а также программное средство для исследовательской работы с ними; разрабатываются методы и средства анализа индивидуального словаря – носителя языка; ведется автоматизированное исследование больших текстовых массивов на предмет выявления жанровых, авторских, гендерных и прочих отличий.

Анатолий Анатольевич постоянно думал над получаемыми конкретными результатами и пытался осмыслить их с системной точки зрения. Это помогало ему увидеть в отдельных разрозненных фактах далеко не очевидные закономерности, в результате чего родилась его концепция «жизненного цикла слова». Моделированию эволюции лексической системы, закономерностям появления и исчезновения слов, развития и утраты ими значений посвящена защищенная им в 1998 г. докторская диссертация

[3] *Поликарпов А.А.* О системном соотношении активной части словарного сознания индивидуума и общества // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть IV. Кемерово, 2013. С. 175–189.

Filologia_5_14.indd 229 14.02.2015 23:37:02

«Циклические процессы в формировании лексической системы: моделирование и эксперимент»

Занятия со студентами и аспирантами, проводимые А.А. Поликарповым, всегда напоминали по жанру философские беседы: он ставил фундаментальные вопросы и пытался получить на них ответы от первокурсников; он предлагал решения и был готов доброжелательно выслушать возражения от любого. Научное общение доставляло ему глубокую радость. Ему всегда было интересно знать, чем занимаются другие исследователи. Он готов был не только рассказывать о своем, но и слушать. Желание помочь и поддержать не только в науке, но и в жизни – эта черта, столь редкая в нашей жизни, была присуща ему в полной мере.

В июле 2014 г. на Ученом совете филологического факультета было принято решение о представлении А.А. Поликарпова к почетному званию «Заслуженный профессор МГУ».

Многие на факультете и вне его будут помнить этого сильного, очень доброго, красивого и щедрого человека, ученого, оригинальность глубину и актуальность работ которого нам еще предстоит осознать.

Кафедра русского языка филологического факультета МГУ,
Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии
филологического факультета МГУ

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ СМИРНОВ (07.05.1941 – 13.10.2014)

На семьдесят четвертом году жизни скоропостижно скончался Александр Андреевич Смирнов – доктор филологических наук, профессор Московского университета. Более четырех десятилетий он работал на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ, где прошел путь от преподавателя до профессора.

Научные и педагогические интересы А.А. Смирнова были разносторонними. Его ранние работы посвящены классицистической эстетике, рассмотренной в теоретическом аспекте; итогом этих исследований стала книга «Литературная теория русского классицизма» (1981, 2-е изд. – 2007). Центральной фигурой в его научном творчестве был А.С. Пушкин. Творчеству Пушкина, и прежде всего лирике, посвящен ряд статей и книг А.А. Смирнова, в том числе итоговая монография «Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность» (2007). В контексте романтических тенденций и традиций исследовал А.А. Смирнов творчество предшественников А.С. Пушкина – К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, современников и преемников в литературе – М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.В. Кольцова, А.А. Фета, Н.А. Некрасова и др. Особое место в творчестве А.А. Смирнова занимала компаративистика, в первую очередь изучение русско-немецких литературных связей: он обращался и к общим вопросам сравнительного изучения литератур, и к сопоставлению творчества крупнейших поэтов – например, А.С. Пушкина и Ф. Прешерна, М.Ю. Лермонтова и И.-В. Гёте. На всем протяжении творческого пути А.А. Смирнова его исследования отличает интерес к философско-эстетическим основам литературного творчества, к осмыслению произведений литературы в широком теоретическом контексте.

А.А. Смирнов читал курсы по истории русской литературы XVIII в. и первой половины XIX в., вел спецсеминар, посвященный творчеству А.С. Пушкина. Он стоял у истоков преподавания сравнительного литературоведения как специализации на филологическом факультете, из года в год читал курс «Русская классика в контексте мировой литературы». Он воспитал учеников, которые продолжают его дело в педагогике и науке.

Очень много сделал А.А. Смирнов для подготовки будущих филологов. Для многих школьников знакомство с литературоведением как наукой началось с его «Пособия по русской литературе».

А.А. Смирнова как ученого отличала исключительная филологическая эрудиция. В преподавании он всегда уделял внимание библиографической работе, прививал студентам и аспирантам вкус к разысканиям в области

Filologia_5_14.indd 231 14.02.2015 23:37:02

научной литературы. История филологической науки была одной из важнейших тем его исследований.

А.А. Смирнов вел большую научно-организационную работу. Он был ученым секретарем отделения литературоведения Российского общества преподавателей русского языка и литературы, членом диссертационного совета при кафедре истории русской литературы МГУ, на протяжении ряда лет исполнял обязанности ученого секретаря диссертационного совета.

Труды А.А. Смирнова пользуются известностью как в России, так и за рубежом. Вплоть до последних лет жизни он постоянно выступал с докладами на международных конференциях, в том числе в Германии, Великобритании, Чехии, Польше, Белоруссии. А.А. Смирнову присвоено звание почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации. Он являлся членом Пушкинской комиссии Научного совета РАН «История мировой культуры», Международного общества по изучению творчества Пушкина (Германия), Международного общества по изучению XVIII века.

Энергия жизни, интерес к своему делу, внимание к ученикам и коллегам, стремление помочь и поддержать не покидали Александра Андреевича Смирнова до последних дней. Таким останется он в нашей памяти.

Коллектив кафедры истории русской литературы

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА РЖАННИКОВА (17.11.1955–14.10.2014)

14 октября 2014 г. кафедра славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова понесла невосполнимую утрату – после тяжелой болезни ушла из жизни болгарист, лингвист, доцент кафедры, кандидат филологических наук Ольга Александровна Ржанникова.

О.А. Ржанникова родилась 17 ноября 1955 г. в г. Советская Гавань Хабаровского края в семье военнослужащего.

В 1978 г. окончила славянское отделение по специальности болгарский язык и литература, а в 1988 г. – аспирантуру филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный и педагогический путь Ольга Александровна начала на филологическом факультете МГУ – на межфакультетской кафедре славянских языков, с 1980 по 1992 г. преподавала болгарский язык на кафедре языков социалистических стран Академии внешней торговли, а в 1992 г. по приглашению заведующего кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ доц. В.П. Гудкова вернулась в качестве преподавателя болгарского языка на родной факультет. Здесь в 2000 г. блестяще защитила кандидатскую диссертацию «Формирование научного стиля современного болгарского литературного языка (на примере публикаций в научных периодических изданиях)» (научный руководитель – доц. В.П. Гудков), а в 2009 г. стала доцентом.

Богатый опыт практического преподавания болгарского языка студентам разных факультетов МГУ и слушателям Академии внешней торговли, а также ценный опыт работы в качестве переводчика (письменный, устный последовательный и синхронный перевод) на многочисленных международных мероприятиях высокого уровня нашел отражение в сфере научных интересов О.А. Ржанниковой.

Основные направления научной деятельности О.А. Ржанниковой – историческая стилистика болгарского языка, методика преподавания славянских языков, теория и практика перевода.

Filologia_5_14.indd 233 14.02.2015 23:37:03

Ольга Александровна подготовила и читала общие курсы «История и диалектология болгарского языка», «Методика преподавания славянских языков», которые вызывали огромный интерес у студентов, вела разнообразные по тематике спецкурсы и спецсеминары (в частности, «Лексика, фразеология и стилистика современного болгарского литературного языка», «История болгарского языкознания», «Болгарская лексикология и лексикография», «Актуальные проблемы современной болгарской морфологии», «Категория определенности в современном болгарском языке», «Актуальные проблемы болгарской социолингвистики»).

О.А. Ржанникова успешно вела «Практический курс болгарского языка» для болгаристов с 1-го по 5-й курс, достигая в обучении студентов высокого уровня, свидетельством чему может быть, например, тот факт, что воспитанные Ольгой Александровной студенты получают призовые места на различных конкурсах переводов. Так, в 2014 г. сразу три ее студентки заняли 2-е, 3-е и 4-е места в номинации «Перевод с болгарского языка» конкурса молодых литераторов и переводчиков России и Болгарии «Славянское братство», посвященного 135-летию освобождения Болгарии (учредители конкурса – Литературный институт имени А.М. Горького, посольство Болгарии в России, фонд «Устойчивое развитие Болгарии»; организационная поддержка – Союз писателей России, Союз российских писателей, Союз писателей Болгарии).

В течение 11 лет Ольга Александровна была одним из организаторов и членов жюри студенческого конкурса переводов художественных текстов с болгарского языка на русский, организуемого филологическим факультетом МГУ и факультетом иностранных языков и регионоведения МГУ при участии Посольства Республики Болгарии в РФ и Болгарского культурного института в Москве. В этом конкурсе участвуют студенты МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербурского университета, Государственной академии славянской культуры, МГИМО, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и др. вузов, где изучается болгарский язык. Участие в этом конкурсе оказалось настолько важным, интересным и полезным для студентов-болгаристов, что семинар художественного перевода, работавший под руководством О.А. Ржанниковой, продолжает жить и после ее кончины.

Ольга Александровна воспитывала у студентов и интерес к научной деятельности: работавшие под ее руководством аспиранты защитили (М.Н. Белова «Образование глаголов в болгарском литературном языке XIV–XV вв. (на материале идиолекта Григория Цамблака)», Е.Ю. Терентьева «Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции» (О.А. Ржанникова была научным консультантом этой работы) или готовят к защите (М.И. Хазанова «Сценарная основа компьютерно опосредованной коммуникации и сопутствующей ей стратегии сближения и отдаления на украинском языке», Е.М. Суслова «Развитие общественно-политической лексики болгарского языка (вторая половина XIX века – начало

Filologia_5_14.indd 234 14.02.2015 23:37:03

XXI века)» , С.Д. Ковалевский «Русские и Россия в болгарском дискурсе», Г.А. Федорина «Удвоение дополнения в современном болгарском языке») серьезные научные труды на актуальные для современной болгаристики и славистики темы.

Вклад О.А. Ржанниковой в развитие болгаристики высоко оценивают и ее российские коллеги-болгаристы, и болгарские коллеги. В соболезновании, которое направило в адрес семьи Ольги Александровны Посольство Республики Болгарии в РФ, подчеркнуто, что «Ольга Александровна Ржанникова – болгарист с отличной подготовкой и разносторонними интересами, среди которых грамматика современного болгарского языка, стилистика, история болгарского языка, проблемы межславянского перевода, вопросы преподавания болгарского языка. Высочайший профессиональный уровень, преподавательское мастерство и искренняя любовь Ольги Александровны к Болгарии давали отличный результат – не только научный в виде многочисленных публикаций, но и другой – очень важный для русско-болгарских отношений – результат: подготовленные ею (конечно, вместе со всей кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ) студенты и аспиранты стали отличными специалистами – переводчиками, учеными, преподавателями, дипломатами, достойно представляющими университетскую школу, развивающими российскую болгаристику и так же, как и их учитель – Ольга Александровна Ржанникова, искренне любящими Болгарию».

Среди многочисленных откликов на печальное известие о кончине О.А. Ржанниковой проникновенные слова болгаристов Санкт-Петербургского университета:

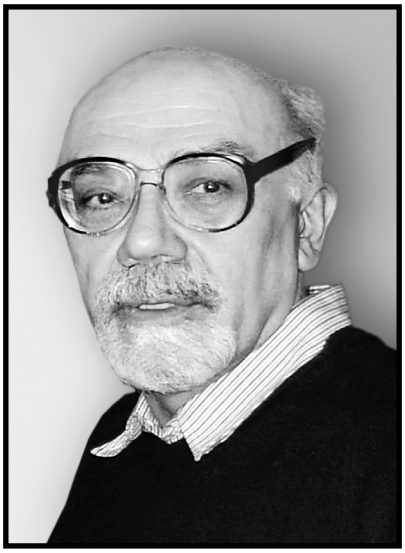
«Мы, питерские болгаристы, всегда с большим уважением относились к Оле Ржанниковой, прекрасному специалисту в области болгарского языка, преподавателю-методисту, талантливому переводчику и переводоведу, лингвисту-теоретику с широким кругозором. Мы знаем, как высоко ценят Олю и болгарские коллеги. Оля обладала прекрасными организаторскими способностями, при ее активном участии и под ее руководством проходили в МГУ славистические конференции, студенческие конкурсы переводов, собиравшие участников из многих вузов страны, где изучаются славянские языки. Оля умела создать на кафедре славянской филологии МГУ атмосферу доброжелательности и для гостей кафедры, мы помним дружескую обстановку на кафедральных кофе/чаепитиях. Мы знаем, что и студенты относились к Ольге Александровне с большим уважением и любовью. Трудно себе представить кафедру славянской филологии МГУ без Ольги Александровны Ржанниковой. Мы ее очень любили и высоко ценили, нам будет не хватать Оли».

Память о друге, коллеге и учителе навсегда останется в сердцах преподавателей и студентов, всех болгаристов.

Е.В. Тимонина

Filologia_5_14.indd 235 14.02.2015 23:37:03

САНДРО ВАСИЛЬЕВИЧ КОДЗАСОВ (14.07.1938–25.10.2014)



25 октября 2014 г. скончался выдающийся лингвист Сандро Васильевич Кодзасов. Вся профессиональная жизнь Сандро Васильевича была связана с кафедрой теоретической (структурной) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

С.В. Кодзасов родился 14 июля 1938 г. в Москве в семье воспитательницы детского сада и горного инженера. Отца Сандро Васильевич никогда не видел – тот был арестован до рождения сына и сгинул в колымских лагерях. В детстве Сандро много жил в Измайлово, где его семья снимала комнату в деревянном доме у речки на краю леса; воспоминаниями об этом месте он всегда дорожил и часто его навещал.

В 1956 г. С.В. Кодзасов поступил на русское отделение филологического факультета МГУ, где учился до 1961 г. В студенческие годы Кодзасов начинал как литературовед-достоевист, и любовь к Достоевскому он сохранил на всю жизнь. Интерес к лингвистике, и в частности к фонетике, у него зародился несколько позже. После окончания МГУ он в течение трех лет работал в Университете дружбы народов преподавателем русского языка как иностранного, но при первой же возможности вернулся на филфак МГУ, на новообразованную кафедру теоретической (структурной) и прикладной лингвистики, в хоздоговорную группу, которой руководил его друг и однокурсник Александр Евгеньевич Кибрик (1939–2012). Весь советский период, до начала 1990-х годов, Сандро Васильевич так и проработал на временных хоздоговорных ставках в должности сначала инженера, а затем старшего научного сотрудника, хотя А.Е. Кибрик неоднократно пытался перевести его на штатную должность. Во многом это объясняется ореолом неблагонадежности, который витал вокруг Сандро Васильевича – в конце 1960-х он дружил с известным диссидентом Александром Гинзбургом, подписал письмо в его защиту и в защиту его «подельников», Юрия Галанскова и Веры Лашковой.

Filologia_5_14.indd 236 14.02.2015 23:37:03

Уже в начале 1970-х годов С.В. Кодзасов стал одним из виднейших отечественных фонетистов, специалистом в разных областях науки о звуке – теоретической фонологии, артикуляционной и акустической фонетике, типологии фонетических систем языков мира, что было позже подытожено в его совместном с О.Ф. Кривновой учебнике «Общая фонетика». Вместе с А.Е. Кибриком Сандро Васильевич провел десятки лингвистических экспедиций в Дагестан и другие ареалы, где он исследовал звуковые явления, часто экзотические, многих малоизученных языков. Экспедиция в новый, неизученный язык обычно начиналась с того, что Сандро Васильевич, обладавший уникальным музыкальным слухом, быстро осваивал фонетическую систему и обучал произнесению звуков других участников, виртуозно имитируя самые необычные и тонкие звуковые различия. Его экстраординарные знания и умения в области экзотической фонетики были оценены знаменитым фонетистом П. Ладефогедом, который на одном из международных фонетических конгрессов инициировал всеобщую овацию русскому ученому Кодзасову. Совместная с А.Е. Кибриком полевая работа вылилась в целую серию фундаментальных описаний малых языков, таких как хиналугский, арчинский, алюторский. Два автора подготовили сопоставительный словарь дагестанских языков, который стал рубежным в изучении этой крупной языковой семьи.

С 1990-х годов С.В. Кодзасов работал также в Институте русского языка РАН, в это время развернулось его углубленное исследование русской просодии. Сандро Васильевич создал так называемую комбинаторную модель русской фразовой просодии, которая легла в основу его докторской диссертации (2001), а позже – его итоговой монографии «Исследования в области русской просодии» (2009). В этой модели С.В. Кодзасов связал в единую сеть десятки признаков человеческого артикуляторного аппарата, и для каждого из них определил их акустические и функциональные корреляты. Он любил говорить, что речепорождающий аппарат человека – это оркестр с множеством различных инструментов, каждый из которых исполняет свою особую партию. Сандро Васильевич мастерски демонстрировал все эти компоненты, вместе и по отдельности, – его голос, как и он сам, был необычайно пластичен. Просодическое направление работы Сандро Васильевича было столь удачным и благодаря тому, что он, будучи в первую очередь фонетистом, глубоко знал и понимал остальные области лингвистики, в том числе морфонологию, синтаксис, семантику, прагматику, а также и смежные науки, такие как психология и физиология. Такое сочетание знаний и интересов обусловило успех выступления С.В. Кодзасова как одного из приглашенных докладчиков на первой российской конференции по когнитивной науке, состоявшейся в Казани в 2004 г.

В последние десятилетия С.В. Кодзасов разрабатывал необычную и инновативную тему – скрытые просодические характеристики русских слов, такие как вертикальная и горизонтальная поза языка, двуморовость,

Filologia_5_14.indd 237 14.02.2015 23:37:03

скрипучий голос, тип слоговой границы, темп и т. д. Обладая необычайной чуткостью к тонким деталям произнесения слов, С.В. Кодзасов обнаружил, что гештальтные просодические жесты, конвенциально закрепленные для конкретных лексем, кодируют абстрактные функциональные категории: свой – чужой, хороший – плохой, противопоставление, эмфаза и др. Об этой проблематике Сандро Васильевич мог часами увлеченно говорить с любым заинтересованным собеседником, и ей же посвящена основная незавершенная работа последних лет его жизни – русский просодический словарь. Сандро Васильевич был убежден, что талантливые поэты интуитивно чувствуют скрытые просодии слов, и хорошие стихи отличаются именно тем, что в них эти скрытые просодии гармонично согласованы. С научным интересом к фонетике стиха было связано и его собственное поэтическое творчество. С.В. Кодзасов был автором замечательных стихов и песен, широко известных среди московских лингвистов, особенно участников лингвистических экспедиций МГУ.

Сандро Васильевич сочетал в себе массу талантов и граней. В экспедициях он неизменно оказывался самым рукастым человеком, и одновременно он же был и классическим рассеянным ученым, способным не замечать ничего вокруг, если в этот момент его поразила новая научная идея. Он обладал редким остроумием, и в то же время в его стихах и песнях сквозит экзистенциальная печаль. Он был невероятно музыкален, что несомненно связано с его профессиональным интересом к звуку, но он также был знатоком и ценителем живописи, да и хорошим рисовальщиком. Нельзя не вспомнить программное стихотворение Сандро Васильевича: «Прожить много жизней в одной, Быть странником, бардом, ученым…»

И все же главным для Сандро Васильевича всегда была страсть к науке, исследовательский анализ, поиск истины, стремление понять, как на самом деле устроен язык, человеческая речь, человек вообще. Масштаб С.В. Кодзасова как ученого еще предстоит оценить, понимание его колоссального вклада в науку, хочется надеяться, впереди. Он был одним из самых оригинальных и универсальных лингвистов своего времени.

В последние годы С.В. Кодзасов работал на кафедре теоретической и прикладной лингвистики профессором-консультантом. Частично он жил вместе с семьей в Германии, где он и скончался (в городе Карлсруэ). Однако в ходе регулярных приездов в Москву Сандро Васильевич всегда проводил лекции и семинары для студентов. Он всю жизнь отличался редкой щедростью души – всегда с готовностью и с интересом консультировал желающих по разным фонетическим вопросам, не жалея времени и усилий.

В его последние дни и часы рядом с Сандро Васильевичем была его жена Тамара Яковлевна Казавчинская, его дети Мария и Дмитрий.

Все, кто знал Сандро Васильевича Кодзасова, его никогда не забудут. И будут благодарны за то, что жили рядом с этим светлым, добрым, простодушным и мудрым человеком.

Filologia_5_14.indd 238 14.02.2015 23:37:03

Завещание

Оставляю потомкам не золото,
Не хоромы пышней облаков,
Только звуки охрипшего голоса,
Пару песен и горстку стихов.

Оставляю просторы безмерные
И небес опрокинутый свод:
То ли поле звездами засеяно,
То ли небо цветами цветет.

Оставляю грехи и страдания,
Оставляю надежду и смех,
Боль разлуки и радость свидания,
Много книг и десятку на всех.

Оставляю потомкам не золото,
Не чинов-степеней мишуру,
Только звуки охрипшего голоса,
Только солнечный свет поутру.

* * *

Некоторые публикации С.В. Кодзасова и о нем

Кодзасов С.В. Фонетика арчинского языка // Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1 [раздел колл. монографии, совместной с А.Е. Кибриком, И.П. Оловянниковой и Д.С. Самедовым]. М.: МГУ, 1977.

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Современная американская фонология. М.: МГУ, 1981. (2-е изд. М.: УРСС, 2004.)

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: МГУ, 1988. Имя. Фонетика. М.: МГУ, 1990.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.М. Язык и фольклор алюторцев. М.: Наследие, 2000.

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001.

Кодзасов С.В. Стиховая практика фонетиста. М., 2008.

Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова (ред. А.В. Архипов, Л.М. Захаров, А.А. Кибрик, А.Е. Кибрик, И.М. Кобозева, О.Ф. Кривнова, Е.А. Лютикова, О.В. Федорова). М.: ЯСК, 2008.

Кодзасов С.В. На корабле надежды. Песни (сост. А.В. Архипов, А.А. Кибрик, И.А. Комарова). М., 2008.

Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. М.: ЯСК, 2009.

Кодзасов С.В., Архипов А.В., Кибрик А.А., Федорова О.В. Скрытые просодии русского слова // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика (ред. М.А. Даниэль, Е.А. Лютикова, В.А. Плунгян (гл. ред.), С.Г. Татевосов, О.В. Федорова). СПб.: Алетейя, 2014. С. 277–292.

Андрей Кибрик

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» выходит один раз в два месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** файлов:

- текстовый редактор Microsoft Word (любая версия);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный межстрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате .doc или .rtf и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес редколлегии с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т. д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов / словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и / или адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде постраничных примечаний**, а перечень процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дискетах, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, межстрочному интервалу, некачественная печать могут существенным образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, комн. 902; тел.: (495) 939-53-80; e-mail: edit@philol.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.

Filologia_5_14.indd 240 14.02.2015 23:37:04